ВИКТОР ГЮГО

Том 2. Драмы
Виктор Гюго

Аннотация
Виктор Гюго. Собрание сочинений в 10 томах. Том 2
ЭРНАНИ
  ПРЕДИСЛОВИЕ
  ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
  ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ. КОРОЛЬ
    ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
    ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
    ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
    ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
  ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ. РАЗБОЙНИК
    ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
    ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
    ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
    ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
  ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ. СТАРИК
    ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
    ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
    ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
    ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
    ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ
ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ
ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ. ГРОБНИЦА
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ
ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ. СВАДЬБА
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ
КОРОЛЬ ЗАБАВЛЯЕТСЯ
ПРЕДИСЛОВИЕ
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ. СЕН-ВАЛЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ. САЛЬТАБАДИЛЬ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ. КОРОЛЬ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ. БЛАНШ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ
ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ. ТРИБУЛЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ
РЮИ БЛАЗ
ПРЕДИСЛОВИЕ
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ. ДОН САЛЛЮСТИЙ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ. КОРОЛЕВА ИСПАНИИ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ. РЮИ БЛАЗ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ
ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ. ДОН ЦЕЗАРЬ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ
ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ
ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ. ТИГР И ЛЕВ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ СПРАВКА
ДРАМАТУРГИЯ ГЮГО
ЭРНАНИ
КОРОЛЬ ЗАБАВЛЯЕТСЯ

Аннотация

Компиляция. Переводы соответствуют изданию.

Виктор Гюго
Собрание сочинений в 10 томах
Том 2

ЭРНАНИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Несколько недель тому назад автор этой драмы писал по поводу ранней смерти одного поэта:

«В наше время литературных схваток и бурь кого должны мы жалеть — тех, кто умирает, или тех, кто сражается? Конечно, грустно видеть, как уходит от нас двадцатилетний поэт, как разбивается лира, как гибнет будущее юного существа; но разве покой не есть также благо? Не дозволено ли тем, вокруг кого беспрерывно скопляются клевета, оскорбления, ненависть, зависть, тайные происки и подлое предательство; всем честным людям, против которых ведется бесчестная война; самоотверженным людям, желающим в сущности только обогатить свою родину еще одной свободой — свободой искусства и разума; трудолюбивым людям, мирно продолжающим свой добросовестный труд и, с одной стороны, терзаемым гнусными махинациями цензуры и полиции, а с другой стороны — слишком часто испытывающим на себе неблагодарность тех самых умов, для которых они работают, — не позволительно ли им с завистью оглядываться порой на тех, кто пал позади них и спит в могиле?

«*Invideo*, — сказал Лютер на кладбище Вормса, — *invideo, quia quies-cunt*».[1]

Но что из того? Будем мужаться, молодежь! Каким бы тяжким ни делали нам настоящее, будущее будет прекрасно.

Романтизм, так часто неверно понимаемый, есть, в сущности говоря, — и таково правильное его понимание, если рассматривать его только с воинствующей стороны, — *либерализм* в литературе. Эта истина усвоена почти всеми здравомыслящими людьми, а их немало; и скоро, — ибо дело далеко уже подвинулось вперед, — либерализм в литературе будет не менее популярен, чем либерализм в политике. Свобода искусства, свобода общества — вот та двойная цель, к которой должны единодушно стремиться все последовательные и логично мыслящие умы; вот то двойное знамя, под которым объединяется, за исключением очень немногих людей (они еще поймут), вся нынешняя молодежь, такая стойкая и терпеливая; а вместе с нею — возглавляя ее — и весь цвет предшествовавшего нам поколения, все эти мудрые старики, признавшие, — когда прошел первый момент недоверия и ознаком-

---

[1] Примечания: 1

Я завидую, — завидую, потому что они покоятся (*лат.*).

ления, — что то, что делают их сыновья, есть следствие того, что некогда делали они сами, и что литературная свобода — дочь свободы политической. Этот принцип есть принцип века, и он восторжествует.

Сколько бы ни объединялись разные ультраконсерваторы — классики и монархисты — в своем стремлении целиком восстановить старый режим как в обществе, так и в литературе, всякий прогресс в стране, всякий успех в развитии умов, всякий шаг свободы будут опрокидывать их сооружения. И в конечном итоге их сопротивление окажется полезным. В революции всякое движение есть движение вперед. Истина и свобода обладают тем удивительным свойством, что все совершаемое как для них, так и против них одинаково служит им на пользу. После стольких подвигов, совершенных нашими отцами на наших глазах, мы освободились от старой социальной формы; как же нам не освободиться и от старой поэтической формы? Новому народу нужно новое искусство. Отдавая дань восхищения литературе эпохи Людовика XIV, так хорошо приноровленной к его монархии, нынешняя Франция, Франция XIX века, которой Мирабо дал

свободу,[2] а Наполеон — могущество, сумеет, конечно, создать свою собственную, особую национальную литературу».[3]

Да простят автору этой драмы, что он цитирует самого себя; его слова так слабо запечатлеваются в умах, что ему часто нужно повторять их. Впрочем, в наши дни, может быть, и уместно снова предложить вниманию читателей эти две воспроизведенные выше страницы. Не потому, чтобы эта драма сколько-нибудь заслуживала прекрасное наименование *нового искусства* или *новой поэзии*, вовсе нет; но потому, что принцип свободы в литературе сделал сейчас шаг вперед; потому, что сейчас совершился прогресс, не в искусстве, — эта драма — вещь слишком незначительная, — но в публике, потому что, по крайней мере в этом отношении, осуществилась сейчас часть предсказаний, которые автор дерзнул сделать выше.

Было в самом деле рискованно так внезапно переменить аудиторию, вынести на сцену искания,

---

[2] Примечания: 2

...Мирабо дал свободу... — Мирабо (1749-1791) — один из видных деятелей начального этапа французской революции 1789 г. Гюго явно переоценивал его значение для революции в целом.

[3] Примечания: 3

«Письмо к издателям стихотворений Доваля». (*Прим. автора.*)

доверявшиеся до сих пор только бумаге, *которая все терпит*; публика, читающая книги, очень отличается от публики, посещающей спектакли, и можно было опасаться, что вторая отвергнет то, что приняла первая. Этого не случилось. Принцип литературной свободы, уже понятый читающим и мыслящим миром, был в столь же полной мере усвоен огромной, жадной только до впечатлений искусства толпой, наводняющей каждый вечер театры Парижа. Этот громкий и мощный голос народа, напоминающий глас божий, повелевает впредь, чтобы у поэзии был тот же девиз, что и у политики: *терпимость и свобода*.

Теперь пусть явится поэт! Для него есть публика.

Что же касается этой свободы, то публика требует, чтобы она была такая, какой она должна быть, чтобы она сочеталась в государстве с порядком, в литературе — с искусством. Свобода обладает свойственной ей мудростью, без которой она не полна. Пусть старые правила д'Обиньяка умира-

ют вместе со старым обычным правом Кюжаса,[4] — в добрый час; пусть на смену придворной литературе явится литература народная, — это еще лучше, но главное — пусть в основе всех этих новшеств лежит внутренний смысл. Пусть принцип свободы делает свое дело, но пусть он делает его хорошо. В литературе, как и в обществе, не должно быть ни этикета, ни анархии, — только законы. Ни красных каблуков, ни красных колпаков.

Вот чего требует публика, и она права. Мы же, из уважения к этой публике, так не по заслугам снисходительно принявшей наш опыт, предлагаем ей теперь эту драму в том виде, как она была представлена. Придет, быть может, время опубликовать ее в том виде, как она была задумана автором, с указанием и объяснением тех изменений, которым она подверглась ради постановки. Эти критические подробности, быть может, не лишены интереса и поучительны, но теперь они показались бы мелочными; раз

---

[4] Примечания: 4

Пусть старые правила д'Обиньяка умирают вместе со старым обычным правом Кюжаса... — Аббат *д'Обиньяк* в своей книге «Практика театра» (1669) один из первых во Франции сформулировал «правило трех единств» (места, времени и действия), соблюдавшееся драматургами классицизма. Жак *Кюжас* — французский ученый юрист XVI в., считавшийся крупнейшим авторитетом в области римского права.

свобода искусства признана и главный вопрос разрешен, к чему останавливаться на вопросах второстепенных? Мы, впрочем, вернемся к ним когда-нибудь и поговорим также весьма подробно о драматической цензуре, разоблачая ее с помощью доводов и фактов; о цензуре, которая является единственным препятствием к свободе театра теперь, когда нет больше препятствий со стороны публики. Мы попытаемся, на свой страх и риск, из преданности всему тому, что касается искусства, обрисовать тысячи злоупотреблений этой мелочной инквизиции духа, имеющей, подобно той, церковной инквизиции, своих тайных судей, своих палачей в масках, свои пытки, свои членовредительства, свои смертные казни. Мы разорвем, если представится возможность, эти полицейские путы, которые, к стыду нашему, еще стесняют театр в XIX веке.

Сейчас уместны только признательность и изъявления благодарности. Автор приносит свою благодарность публике и делает это от всей души. Его произведение, плод не таланта, а добросовестности и свободы, великодушно защищалось публикой от многих нападок, ибо публика тоже всегда добросовестна и свободна. Воздадим же благодарность и ей и той могучей молодежи,

которая оказала помощь и благосклонный прием произведению чистосердечного, независимого, как она, молодого человека! Он работает главным образом для нее, ибо высокая честь — получить одобрение этой избранной части молодежи, умной, логично мыслящей, последовательной, по-настоящему либеральной и в литературе и в политике, — благородного поколения, которое не отказывается открытыми глазами взирать на истину и не отказывается от широкого просвещения.

Что касается самой драмы, то автор не будет о ней говорить. Он принимает критические замечания, которые делались по поводу нее, как самые суровые, так и самые благожелательные, потому что из всех можно извлечь пользу. Автор не дерзает льстить себя надеждой, что все зрители сразу же поняли эту драму, подлинным ключом к которой является *Romancero general*.[5] Он просил бы лиц, которых, быть может, возмутила эта драма, перечитать *Сида, Дона Санчо,*

[5] Примечания: 5
Полное собрание романсов (*исп.*).

Никомеда,[6] или, проще сказать, всего Корнеля и всего Мольера, наших великих и превосходных поэтов. Это чтение, — если только они приступят к нему с мыслью, что дарование автора *Эрнани* неизмеримо ниже, — может быть, сделает их более снисходительными к тем сторонам формы или содержания его драмы, которые могли покоробить их. Вообще же еще не настало, быть может, время судить об авторе. *Эрнани* — лишь первый камень здания, которое существует в законченном виде пока что лишь в голове автора, а между тем лишь совокупность его частей может сообщить некоторую ценность этой драме. Быть может, когда-нибудь одобрят пришедшую автору на ум фантазию приделать, подобно архитектору города Буржа, почти мавританскую дверь к своему готическому собору.

Пока же сделанное им очень незначительно, — он это знает. Если бы ему даны были время и силы довершить свое творение! Оно будет иметь цену лишь в том случае, если будет доведено

---

[6] Примечания: 6

«Romancero general»... перечитать «Сида», «Дона Санчо», «Никомеда»... — «Romancero general» — сборник испанских народных песен («романсов»), изданный впервые в XVI в.; он послужил одним из источников сюжета корнелевского «Сида» и вдохновил Гюго на некоторые его произведения. «Дон Санчо Арагонский» и «Никомед» — трагедии Корнеля.

до конца. Автор не принадлежит к числу тех поэтов-избранников, которые могут, не опасаясь забвения, умереть или остановиться, прежде чем они закончат начатое ими; он не из тех, что остаются великими, даже не завершив своего произведения, — счастливцев, о которых можно сказать то, что сказал Вергилий о первых очертаниях будущего Карфагена:

...Pendent opera interrupta, minaeque
Murorum ingentes![7]

9 марта 1830 г.

[7] Примечания: 7

Работы остаются незавершенными и не закончены зубцы стен (*лат.*) — Вергилий, «Энеида», IV, 88-89.)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эрнани.
Дон Карлос.
Дон Руй Гомес де Сильва.
Донья Соль де Сильва.
Король Богемский.
Герцог Баварский.
Герцог Готский.
Герцог Люцельбургский.
Дон Санчо.
Дон Матиас.
Дон Рикардо.
Дон Гарсия Суарес.
Дон Франсиско.
Дон Хуан де Аро.
Дон Педро Гусман де Аро.
Дон Хиль Тельес Хирон.
Донья Хосефа Дуарте.
Горец.
Якес, паж.
Дама.
1-й
2-й
3-й } заговорщики.

Заговорщики Священной Лиги — немцы и испанцы;

горцы, вельможи, солдаты, пажи, народ.

Испания. — 1519.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
КОРОЛЬ

Сарагоса

Спальня. Ночь. На столе горит лампа.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Донья Хосефа Дуарте, старуха, вся в черном, в юбке, обшитой стеклярусом по моде Изабеллы Католической,[8] дон Карлос.

Донья Хосефа

(одна. Задергивает темно-красные портьеры у окна и приводит в порядок сдвинутые кресла. В потайную дверь направо стучат. Она прислушивается. Стучат еще раз)

Как! Это он! Уже!

---

[8] Примечания: 8

...по моде Изабеллы Католической — то есть по устаревшей моде; Изабелла Католическая, королева Испании, царствовала с 1475 по 1504 г., тогда как действие «Эрнани» происходит в 1519 г.

Новый стук.

За дверью потайной
Он ждет.

Стучат еще раз.

Скорей открыть!

(Открывает потайную дверцу.)

Входит дон Карлос. Лицо его скрыто плащом, шляпа надвинута до бровей.

Привет, красавец мой!

(Вводит его в комнату. Он распахивает плащ, под которым видна богатая одежда из шелка и бархата по кастильской моде 1519 года. Она заглядывает ему под шляпу и отшатывается в изумлении.)

Как! Не Эрнани вы? На помощь! Наваждение! Пожар!

Дон Карлос

(хватая ее за руку)

(Пристально смотрит на нее. Она в ужасе замолкает.)

Два слова лишь — и ты мертва, дуэнья!

Ведь я у доньи Соль? Она, как говорят,
Невеста герцога Пастранья. Он богат.
Он дядя ей. Он стар. Но сердцу девы кроткой
Мил кто-то без усов и даже без бородки.
На зависть всем другим, у старца за спиной,
С возлюбленным она проводит час, другой.
Смотри. Я знаю все.

Она молчит. Он трясет ее за руку.

Ты отвечать готова?

Донья Хосефа

Вы запретили мне сказать хотя б два слова.

Дон Карлос

Скажи лишь «да» иль «нет» — мне надобно одно.
Ты служишь донье Соль?

Донья Хосефа

Да. Что же?

Дон Карлос

Все равно.

Старик в отсутствии? Скорей! Ты видишь, жду я...

Донья Хосефа

Да.

Дон Карлос

Молодого ждет она?

Донья Хосефа

Да.

Дон Карлос

Пусть умру я!

Донья Хосефа

Да.

Дон Карлос

И свиданье здесь, дуэнья, быть должно?

Донья Хосефа

Да.

Дон Карлос

Спрячь меня.

Донья Хосефа

Вас?

Дон Карлос

Да.

Донья Хосефа

Зачем?

Дон Карлос

Не все ль равно?

Донья Хосефа

Вас спрятать?

Дон Карлос

Здесь!

Донья Хосефа

Нет! Нет!

Дон Карлос

(вынимая из-за пояса кинжал и кошелек)

Извольте выбрать сами:
Кинжала лезвие — иль кошелек с деньгами.

Донья Хосефа

(берет кошелек)

Вы, видно, дьявол.

Дон Карлос

Да, дуэнья.

Донья Хосефа

(открывает узкий шкаф, вделанный в стену)

Вот сюда!

Дон Карлос

(осматривает шкаф)

Как, в ящик?

Донья Хосефа

(закрывая шкаф)

Хоть бы так. Ну что ж, согласны?

Дон Карлос

(открывая дверцу)

Да!

(Вновь осматривая шкаф)

Скажи, из этого почтенного сарая
Берешь ты помело, на шабаш улетая?

(С трудом протискивается в шкаф.)

Уф!

Донья Хосефа

(в ужасе всплескивая руками)

Здесь мужчина! О!

Дон Карлос

(в еще раскрытом шкафу)

Не женщину же тут
Ждет госпожа твоя!

Донья Хосефа

Мой бог! Сюда идут!
То донья Соль. Да, да! Сеньор, без промедленья...

(Закрывает дверцу шкафа.)

Дон Карлос

(из глубины шкафа)

Лишь слово — и навек ты замолчишь, дуэнья!

Донья Хосефа

(одна)

Кто этот человек? Исус! Что делать с ним?
Лишь я и госпожа во всем дворце не спим.

А, впрочем, что нам в том? Другой придет ведь тоже;
Есть шпага у него, и небо нам поможет
Уйти от дьявола.

(Взвешивая в руке кошелек)

Но этот все ж не вор!

Входит донья Соль, вся в белом. Донья Хосефа прячет кошелек.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Донья Хосефа, дон Карлос, спрятанный, донья Соль, потом Эрнани.

Донья Соль

Хосефа!

Донья Хосефа

Госпожа!

Донья Соль

Боюсь. До этих пор
Эрнани медлит...

Шаги у потайной двери.

Он! Ах, ждать такая мука!
Открой ему скорей, не дожидаясь стука.

Хосефа открывает дверцу. Входит Эрнани. На нем длинный плащ и большая шляпа; под плащом — одежда арагонского горца: серая ткань, кожаный панцирь, шпага, кинжал и рог за поясом.

Донья Соль

(бросается ему навстречу)

Эрнани!

Эрнани

Донья Соль! Опять я вижу вас;
И голос этот ваш, что говорит сейчас.
Жить вдалеке от вас — для сердца горше яда.
Чтоб всех других забыть, мне вас, о друг мой, надо!

Донья Соль

(трогает его одежду)

Ваш плащ совсем промок. Вы были под до-

ждем?

Эрнани

Не знаю.

Донья Соль

До костей продрогли?

Эрнани

Что мне в том?

Донья Соль

Снимите же свой плащ.

Эрнани

Скажите, дорогая, —
Когда вы вечером ложитесь, засыпая,
Спокойной, чистою, и сон, сойдя на вас,
Касается перстом невинных уст и глаз, —
Вам ангел ничего не шепчет о несчастном,
Кого забыли все и кто вас любит страстно?

Донья Соль

Как запоздали вы, сеньор! Но, боже мой,
Дрожите вы...

Эрнани

Нет, я пылаю пред тобой.

Когда у нас в груди клокочет страсти пламя,
А сердце ширится и полнится громами, —
Что нам гроза небес под проливным дождем,
С которой сходят в дол и молнии и гром?

Донья Соль

(освобождая его от плаща)

Отдайте шпагу мне и плащ свой вместе с нею.

Эрнани

(кладя руку на эфес шпаги)

Нет! Не расстанусь я с подругою своею.
О донья Соль, старик, супруг грядущий ваш,
Не помешает нам?

Донья Соль

Час этот будет наш!

Эрнани

Я счастлив! Вправе все такой судьбой гордиться:
За взятый счастья час всей жизнью расплатиться.
Мой ангел! Что мне час? Чтоб с вами быть вдвоем,
И жизни мало мне и вечности потом!

Донья Соль

Эрнани!

Эрнани

(с горечью)

Счастлив я минутою случайной.
Как вор, дрожащий вор замок ломает тайный,
Так вынужден я красть, у старца за спиной,
Час песен и бесед и взор мгновенный твой.
Вот счастие мое! А твой старик лукавый,
Бросая мне лишь час, сам жизнь берет по праву.

Донья Соль

Эрнани!

(Бросая плащ на руки дуэнье)

Плащ возьми и влагу отряхни.

(Садится и делает знак Эрнани занять место возле нее.)

Садитесь!

Эрнани

(не слушая ее)

Старца нет, и в замке мы одни.

Донья Соль

(улыбаясь)

О, как прекрасны вы!

Эрнани

Одни!

Донья Соль

Моя отрада,
Не думайте о нем.

Эрнани

Мой ангел, горше ада
Мне мысль о старике. Он мужем будет вам,
И вы покорствовать должны его устам.
Не думать? Боже мой!

Донья Соль

И это вас волнует?
Как дядя, как отец, он в лоб меня целует.

Эрнани

Нет! Как возлюбленный, как муж, ревнивец злой!
Ведь ныне вашею владеет он судьбой.
Лишенный разума, растративший все силы,

На склоне старости, в предчувствии могилы,
Стремится он к любви и — призрак ледяной —
Вступает с девой в брак, безумец весь седой,
Когда он руку вам протягивает смело,
Уж смерть его рукой другою овладела.
И нашей смеет он препятствовать любви!..
Ложись, о старец, в гроб, могильщика зови!
Кто выдумал тот брак? Вас принуждают силой!

Донья Соль

Король, сказали мне.

Эрнани

Король! Отец мой милый
Казнен его отцом, лег под его топор,
Ах, пусть немало лет уже прошло с тех пор, —
Чтоб мертвецу отмстить, его жене и сыну,
Я ненависть вовек от сердца не отрину.
Но мертвый в счет нейдет. Ребенком клялся я,
Что сына за отца постигнет месть моя.
О Карлос, я тебя ищу, король Кастилий,[9]
Мы двух семейств вражде начало положили.
Отцы вели вражду едва ль не тридцать лет,

---

[9] Примечания: 9

...король Кастилий. — Различались две Кастилии: Старая (северная) и Новая (южная). Названия эти сохранились и после того, как обе эти области административно совершенно слились между собой, войдя в состав общенационального испанского государства.

Не зная жалости. И пусть теперь их нет,
Все ж ненависть живет, не зная примиренья.
Остались сыновья — месть ищет продолженья.
Ах, это ты, король, задумал этот брак!
Тем лучше: счеты мы с тобой сведем, мой враг.

Донья Соль

Меня страшите вы.

Эрнани

Неся печать проклятья,
Казалось бы, себя сам должен устрашать я.
Старик, которому вас в жены дать хотят,
Де Сильва, дядя ваш, — он герцог, он богат,
Он арагонский граф, он высший гранд Кастильи;
И — юности взамен — вы столько б получили
Парчи, и золота, и дорогих камней,
Что затмевать могли б всю роскошь королей,
А по рождению, богатству, чести, славе
И с королевами равняться были б вправе, —
Вот что вам предстоит. А я... я беден, наг,
Мои владенья — лес, мой дом — глухой овраг.
Но герб иметь и сам я мог бы знаменитый,
Кровавой ржавчиной, как ныне, не покрытый,
Высокие права на славу и почет,
Что в складках траурных скрывает эшафот.

Настанет день — права, врученные отвагой,
Из ножен дедовских я выхвачу со шпагой.
Пока же от небес принять мне суждено
Лишь воздух, воду, свет — то, что и всем дано.
Иль герцог, или я — другого нет исхода.
Брак и неволя с ним — или со мной свобода!

Донья Соль

Пойду за вами я...

Эрнани

Скитаться по лесам,
Средь тех, чьи имена известны палачам,
Чей меч и чьи сердца не знают притупленья,
Но в чьей крови живет одна лишь жажда мщенья.
Жизнь средь изгнанников ужель вас не страшит?
Известно ведь, что я в глазах властей — бандит.
В то время как меня Испания изгнала,
В своих глухих лесах, в ущельях и провалах,
Среди своих вершин, где лишь орлу летать,
Мне Каталония явилась, словно мать.
Средь горцев вырос я, свободных и суровых, —
Три тысячи из них всегда прийти готовы
На помощь мне, едва я затрублю в свой рог.

Вам страшно? Знайте же, что впредь готовит рок:

Со мною жить в лесах, средь диких скал скитаться
С людьми, которые как чудища нам снятся,
Все, все подозревать — глаза, шаги, лучи;
Спать на сырой траве, пить из ручья; в ночи
Вдруг слышать, первенца в руках своих качая,
Как свищет у виска мушкета пуля злая;
Быть изгнанной, как я, и, если час придет,
Как я, вослед отцу, взойти на эшафот.

Донья Соль

Пойду за вами я.

Эрнани

Но герцог славен, знатен,
На имени отца он не имеет пятен.
Он может все. Вам даст он со своей рукой
Богатства, титулы...

Донья Соль

Так завтра в путь ночной!
Не возражайте, нет! Что герцог мне, зачем он?
Эрнани, с вами я. Вы ангел мой иль демон,
Не знаю... Я рабой везде за вами вслед
Пойду, куда б ни шли. Останетесь иль нет —

Я с вами. Почему? И спрашивать не буду.
Я видеть вас хочу — опять, везде, повсюду, —
И видеть вновь и вновь. Едва ваш шаг замрет —
И сердце у меня свой замедляет ход.
Когда вас нет со мной, то я не существую;
Но лишь уловит слух ту поступь молодую,
Я вспоминаю вдруг, вся радостью дыша,
Что я живу, что мне возвращена душа.

Эрнани

(сжимая ее в объятиях)

Мой ангел!

Донья Соль

Завтра же, с людьми, вооруженным,
Я в полночь буду ждать вас под своим балконом.
Стучите трижды.

Эрнани

Но... вы поняли иль нет,
Кто я?

Донья Соль

Мне все равно. Иду за вами вслед.

Эрнани

Нет! Коль хотите вы идти со мною рядом,
Узнайте имя, род, укрытые нарядом
Эрнани, пастуха. Он тайну мне хранил.
Бандит вам по сердцу? Изгнанник будет мил!

Дон Карлос

(с шумом распахивая дверцу шкафа)

Я вижу, в болтовне вы опытны и ловки.
А мне легко ль сидеть в проклятой мышеловке?

Изумленный Эрнани отступает. Донья Соль с криком ищет убежища в его объятиях, устремив на дона Карлоса испуганный взор.

Эрнани

(кладя руку на эфес шпаги)

Кто этот человек?

Донья Соль

На помощь!

Эрнани

Подождем!
Молчите, донья Соль: ваш крик разбудит дом.

Когда я возле вас, души моей отрада,
Мне кажется, иной защиты вам не надо.

(Дону Карлосу)

Что делали вы здесь?

Дон Карлос

Я? Видно по всему,
Не мчался на коне сквозь грозовую тьму.

Эрнани

Кто, оскорбив других, смеется, тот невольно
Себе готовит смерть.

Дон Карлос

Ах, вот как? Нет, довольно!
Что притворяться нам? Вы влюблены — и вот
Вы здесь проводите все ночи напролет.
Ну что ж, влюблен и я. Мне хочется воочью
Узнать, кто к донье Соль влезал в окошко ночью,
Когда я у дверей страдал.

Эрнани

Чтоб кончить спор,
Вы там и выйдете, где я вошел, сеньор!

Дон Карлос

Посмотрим! Я и сам горю любовью страстной.
Не поделиться ль нам? У доньи Соль прекрасной
Так много доброты и нрав ее так тих,
Что сердца нежного ей хватит на двоих.
Свиданья жаждущий, душой летящий к раю,
Сюда я вместо вас был впущен, полагаю,
И, спрятанный в шкафу, все слышал — что скрывать?
Но было тесно мне и трудно там дышать.
К тому же весь измял я свой колет французский.
Я вышел вон...

Эрнани

Клинку вдруг стало в ножнах узко, —
Он тоже выйдет вон.

Дон Карлос

(отвешивая поклон)

Ну что ж, я принял роль.

Эрнани

(обнажая шпагу)

Вперед!

Дон Карлос тоже обнажает шпагу.

Донья Соль

(бросаясь между ними)

Эрнани! Ах!

Дон Карлос

Не бойтесь, донья Соль.

Эрнани

(дону Карлосу)

Кто вы такой?

Дон Карлос

А вы? Скажите ваше имя.

Эрнани

То имя я храню меж тайнами моими,
Чтобы другой в свой час услышать сразу мог
Его — в своих ушах, а в сердце — мой клинок!

Дон Карлос

Но кто же тот, другой?

Эрнани

Другой? Не все ль равно вам?

Вперед! Скрестим клинки!

Скрещивают шпаги. Донья Соль, дрожа от страха, падает в кресло. Стук в дверь.

Донья Соль

(в ужасе поднимается)

Стучится кто-то снова.

Эрнани

(донье Хосефе)

Кто там?

Донья Хосефа

(донье Соль)

О госпожа! Кто ожидать бы мог?
То герцог, дядя ваш...

Донья Соль

(всплескивает руками)

Мой дядя! Видит бог,
Погибла я.

Донья Хосефа

(бросая взгляд вокруг)

Исус! Кто там еще? За шпаги
Взялись. Нет, не ждала такой я передряги...

Оба противника вкладывают шпаги в ножны. Дон Карлос заворачивается в плащ и опускает шляпу на глаза. Стучат.

Эрнани

Что делать?

Стучат.

Голос снаружи

Донья Соль, откройте мне!

Эрнани

Нет, нет!

Донья Хосефа

(доставая четки)

Святой Иаков! Ах! Избави нас от бед!

Стучат снова.

Эрнани

(показывая дону Карлосу на шкаф)

Укроемся!

Дон Карлос

В шкафу?

Эрнани

Ну да. Прошу покорно, —
Есть место для двоих.

Дон Карлос

Не слишком ли просторно?

Эрнани

(показывая на потайную дверь)

Бежим!

Дон Карлос

Прощайте! Я остаться здесь хочу.

Эрнани

О гром и молния! За все вам отплачу!

(Донье Соль)

Что, если вход закрыть?

Дон Карлос

(донье Хосефе)

Откройте дверь! Ну что же?

Эрнани

Что он сказал?

Дон Карлос

(донье Хосефе, полной изумления)

Скорей. Откройте же!

Непрерывный стук.

Донья Хосефа, дрожа, открывает дверь.

Донья Соль

О боже!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и дон Руй Гомес де Сильва; у него белая борода, седые волосы, он весь в черном. Слуги с факелами.

Дон Руй Гомес

Мужчины в комнате племянницы моей!
И ночью! Вот предлог для шума и огней.

(Донье Соль)

Святой Хуан! Клянусь, в девическом покое
Нас трое в этот час. И лишних ровно двое.

(Двум молодым людям)

Зачем вы оба здесь, сеньоры, в поздний час?
Пока Бернард и Сид не покидали нас,[10]
Они, Испании герои и Кастилий,
Умели старцев чтить и честь девиц хранили.
Им, сильным, был их меч не так тяжел, как вам
Плащи из бархата с узором по краям.
Седины стариков те люди чтили строго,
Просили для любви благословенья бога,
Предательство кляли и, то храня, что есть,
Умели отстоять наследственную честь.
И жен они себе без пятен выбирали
В наряде боевом, пред всеми, в шумном зале.
А что касается всех этих молодцов,
Предпочитают тьму для похождений грязных
И за спиной мужей ввергают жен в соблазны, —
Я убежден, что Сид столь дерзкий произвол
Примерно б наказал и подлостью бы счел;

---

[10] Примечания: 10

Пока Бернард и Сид не покидали нас... — Бернардо дель Карпио и Сид — легендарные национальные герои Испании, борцы за свободу родины, носители идеи чести и душевного благородства.

И чтобы знали все, как обойтись с бродягой,
Попрал бы герб его, плашмя ударив шпагой.
Вот как бы поступил — о стыд души моей! —
Герой былых веков с героем наших дней!
Что надобно вам здесь? Пора бы вам признаться.
Что вы над стариком готовы издеваться,
Что юности смешон Саморы вождь седой!
Уж если б кто и мог смеяться надо мной,
То уж совсем не вы...

Эрнани

О герцог!

Дон Руй Гомес

Нет, ни слова!
Что нужно вам еще? Кинжал есть у любого,
Охоты, празднества, борзые, сокола,
Гитары, песнь любви, когда луна светла,
Береты с перьями, расшитые камзолы,
Пиры, езда верхом, смех юности веселый, —
А скука вас гнетет. Нужна вам каждый миг
Игрушка — ею стал для вас теперь старик.
Игрушка сломана, и все ж — клянусь я словом —
Сам бог обломками велит швырнуть в лицо вам!

За мной!

Эрнани

О герцог!

Дон Руй Гомес

Нет! Все следуйте за мной!
Сеньоры, видно, вам по сердцу смех такой.
Здесь есть сокровище — честь девушки невинной,
Честь женщины, и в ней честь всей семьи старинной.
Племянницу свою люблю я, и она
Сменить свое кольцо моим кольцом должна.
Она нежна, чиста, достойна уваженья.
И что ж! Едва на миг покину я владенья, —
Руй Гомес, герцог, граф де Сильва, — как уж вор
Бесчестит мой очаг, готовит мне позор.
Назад, бездушные! Ведь ваших рук касанье
Позорит наших жен!.. Я полн негодованья.
Скажите, чем еще прельщает вас мой дом?

(Срывает с груди золотую цепь.)

Глумитесь, хохоча, над Золотым руном![11]

(Срывает шляпу.)

Седины рвите мне и смейтесь надо мною,
Хвалитесь завтра же пред уличной толпою,
Что из насильников презренных ни один
Не осквернил еще нигде таких седин.

Донья Соль

О герцог!

Дон Руй Гомес

(слугам)

Все сюда! На помощь! Что ж вы стали?
Секиру мне, кинжал, клинок толедской стали!

(Обоим юношам)

За мной!

Дон Карлос

(выступая вперед)

О герцог, нас иные ждут дела.
Смерть императора от нас отозвала.

---

[11] Примечания: 11

Золотое руно — орден, введенный в Испании Карлом I; золотая цепь с подвешенным к ней изображением барана.

Максимилиана нет,[12] властитель мертв германский.

Дон Руй Гомес

Смеетесь вы?

Дон Карлос отбрасывает плащ и открывает лицо, спрятанное под шляпой.

Король!

Донья Соль

Король!

Эрнани

(с горящими глазами)

Король испанский!

Дон Карлос

(с достоинством)

Да, Карлос я. А ты — о, как ты бледен стал!

(Дону Руй Гомесу)

Мой дед венчанный мертв. Едва лишь я узнал
О том, как тотчас же, не тратя ни мгновенья,

---

[12] Примечания: 12
Максимилиана нет — см. выше.

Я поспешил к тебе спросить совета, мненья,
В ночи, тайком от всех, чтоб знать никто не мог.
Так просто все, и нет причины для тревог.

Дон Руй Гомес знаком отсылает слуг. Он приближается к дону Карлосу. Донья Соль смотрит на короля со страхом и удивлением. Эрнани, держась в отдалении, не спускает с него сверкающих глаз.

Дон Руй Гомес

Зачем же сразу дверь мне не была открыта?

Дон Карлос

Зачем? Но ведь с тобой явилась эта свита.
Я тайных от тебя, мой граф, искал услуг
И делать не хотел их достояньем слуг.

Дон Руй Гомес

Простите, мой король... Ваш вид...

Дон Карлос

Исполнен веры,
Назначил я тебя правителем Фигеры.
Кого ж прикажешь мне поставить над тобой?

Дон Руй Гомес

Простите...

Дон Карлос

Хорошо, порыв прощаю твой.
Да, император мертв.

Дон Руй Гомес

Вы деда потеряли
Любимого...

Дон Карлос

О да, исполнен я печали.

Дон Руй Гомес

Преемник кто?

Дон Карлос

Франциск[13] хотел бы стать им. Но
Саксонский герцог в спор уж с ним вступил давно.

Дон Руй Гомес

Где ж избиратели сойдутся для решенья?

---

[13] Примечания: 13

Франциск — французский король Франциск I, который, как и саксонский герцог Фридрих III Мудрый, был соперником Карла I в борьбе за императорскую корону.

Дон Карлос

Во Франкфурт съедутся, иль в Ахен, без сомненья.
Иль в Шпейер.

Дон Руй Гомес

Мой король! Мечтали ль вы когда
Об императорской короне?

Дон Карлос

О, всегда!

Дон Руй Гомес

За вами все права.

Дон Карлос

Я знаю.

Дон Руй Гомес

Ваш родитель
Великим герцогом австрийским был. Правитель
Империи, ваш дед, для вас оставил трон,
Когда пурпурный плащ сменил на саван он.

Дон Карлос

Я Гента гражданин.[14]

Дон Руй Гомес

Когда я был моложе,
Я деда вашего не раз встречал. О боже,
Как быстро век прошел! Как пусто все кругом!
Все императорской дышало властью в нем.

Дон Карлос

Рим за меня!

Дон Руй Гомес

Был тверд, не зная дум тиранских,
И крепко голову нес на плечах германских.

(Преклонив колено, целует руку короля.)

Но как мне жалко вас! Так деда потерять!

Дон Карлос

А папа хочет взять Сицилию опять.
Сицилии нельзя имперским стать владеньем!
Чтоб он не обошел меня благословеньем,
Я возвращу ему Неаполь, а потом
Посмотрим, сладит ли он с царственным орлом!

---

[14] Примечания: 14

Я Гента гражданин. — Карл V родился в Нидерландах, в городе Генте, где и получил воспитание.

Дон Руй Гомес

С какою радостью, став ветераном трона,
Ваш дед увидел бы, как к вам идет корона.
Он императором — все плачем мы над ним! —
Был христианнейшим, великим и простым.

Дон Карлос

Святой отец хитер. Сицилия? Пустое!
Подвесок, островок, забытый средь прибоя,
Лоскут, притянутый на ниточке живой
К Испании моей и все же ей чужой.
«Зачем, дражайший сын, вам остров тот горбатый?
Он на империи казался бы заплатой.
Чтоб он не портил вид — его мы отстрижем». —
«Пусть так, святой отец, но только дело в том,
Что из кусков таких, когда господь поможет,
Прибавлю я земли к империи, быть может,
Чтоб там, где у меня соседи вырвут клок,
Я этим островом дыру заштопать мог».

Дон Руй Гомес

Утешьтесь, государь! Ваш дед — в селеньях рая,
Где он предстанет нам, весь святостью сияя,

Дон Карлос

Король Франциск упрям, лукав, честолюбив.
Максимилиана нет — и ждет он, устремив
Взор на империю. Чего он ищет страстно?
Иль мало для него и Франции прекрасной?
Сказал Людовику мой дед[15] на склоне дней:
«Будь я сам бог-отец, имей двух сыновей,
Мой старший стал бы бог, меньшой — король французский!»

(Герцогу)

Отважится ль Франциск пойти тропою узкой?

Дон Руй Гомес

Он многих побеждал.

Дон Карлос

Порядок здесь иной:
По булле, избранным не может быть чужой.[16]

---

[15] Примечания: 15

...сказал Людовику мой дед... — имеется в виду французский король Людовик XII.

[16] Примечания: 16

По булле, избранным не может быть чужой... — Так называемая «Золотая булла» (1356) императора Карла IV, с целью устранить вмешательство пап в избрание германского императора, устанавливала, что избирателями должны были быть лишь крупнейшие светские и духовные князья немецких земель.

Дон Руй Гомес

Как сын Испании, вы тоже недостойны.

Дон Карлос

Я Гента гражданин!

Дон Руй Гомес

Как показали войны,
Король Франциск велик и мужествен в бою.

Дон Карлос

Я жду — орел слетит на голову мою
И крылья развернет!

Дон Руй Гомес

Латинских фраз убранство
Вам ведомо, король?

Дон Карлос

Не очень.

Дон Руй Гомес

Но дворянство
В Германии весьма заботится о нем.

Дон Карлос

Я обойдусь одним испанским языком.

Когда ведущий речь глядит вперед отважно,
Его наречие, поверь, не так уж важно.
Спешу во Фландрию! Мой друг, корона нам
Имперская нужна. Король французский сам
Стремится к ней. Но я опережу все сроки.
Итак, не медля — в путь!

Дон Руй Гомес

Но можно ль в путь далекий
Лететь, когда у нас в горах со всех сторон
Столь дерзостным кишит разбоем Арагон?

Дон Карлос

Я Аркосу велю рассеять эту банду.

Дон Руй Гомес

Велите заодно принять его команду
И атаману их...

Дон Карлос

Но кто же он такой?

Дон Руй Гомес

Не знаю. Говорят, умен и тверд душой.

Дон Карлос

Пустое! Рыщет он по галисийским скалам,

И справиться бы с ним я мог отрядом малым.

Дон Руй Гомес

Так ложен слух о том, что где-то близко он?

Дон Карлос

О да!.. Сегодня мне ты дашь приют.

Дон Руй Гомес

Польщен
И горд.

(Зовет слуг.)

Мой гость — король! Чтоб все готово было!

Входят слуги с факелами. Герцог приказывает им стать в два ряда до двери в глубине сцены. В это время донья Соль медленно подходит к Эрнани. Король следит за ними.

Донья Соль

(к Эрнани, тихо)

Так завтра, под окном и в полночь, о мой милый!
Сигнал — тройной удар.

Эрнани

(тихо)

Да, завтра.

Дон Карлос

(в сторону)

Завтра, да!

(Громко, донье Соль, к которой он с галантностью идет навстречу)

Сеньора, провожать готов я вас всегда.

(Доводит ее до двери.)

Донья Соль уходит.

Эрнани

(поднося руку к рукояти кинжала, спрятанного у него на груди)

О добрый мой клинок!

Дон Карлос

(возвращаясь, говорит сам с собой)

Он прежней полн отваги.

(Отводит Эрнани в сторону.)

Я оказал вам честь, коснувшись вашей шпаги.

Мне подозрительны, сеньор, ваш вид и речь.
Но я, король, хочу обманом пренебречь.
Спасайтесь. Вы моим неведеньем укрыты.

Дон Руй Гомес

(возвращаясь и указывая на Эрнани)

Кто это?

Дон Карлос

Спутник мой. Из королевской свиты.

Уходят в сопровождении слуг с факелами. Герцог со свечой в руке предшествует королю.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Эрнани

(один)

Из свиты короля? Ты прав. Да будет так!
Я стану день и ночь следить твой каждый шаг.
В руке зажав кинжал, пойду, как пес, по следу.
Мой род твой гонит род, предчувствуя победу.
К тому же ты теперь соперник мой. Лишь миг —
Любовь иль ненависть? — вопрос во мне воз-

ник,
Но с доньей Соль тебя вместить душа не может.
В любви забыл я гнев, который сердце гложет;
И если сам о нем напомнил ты — изволь,
Я буду помнить все, что нужно мне, король.
Мне к твердому пора переходить решенью.
Пусть на весах любовь даст перевес отмщенью.
Из свиты я твоей? Ты прав, властитель мой,
О, ни один слуга, хранящий твой покой,
Приспешник дворянин, угодливый придворный,
Бесстыдный льстец, лакей, до низости покорный,
Дворцовый верный пес, бредущий по пятам,
Не будет так служить, как я служил бы сам!
Что нужно от тебя дворянам двух Кастилий?
Чтоб дали титул им, гремушку нацепили,
Из золота овцу — благоволенья знак!
Мне мало этого, я не такой простак.
Нужна мне от тебя не эта честь пустая —
Нужны душа и плоть, вся кровь твоя живая,
Все то, что бешеный и мстительный кинжал,
Ворочаясь в груди, из глубины б достал.
Спеши! Я вслед пойду. Недаром голос мести
Мне шепчет на ухо: мы всюду будем вместе.

Иди! Я за тобой. Весь — зренье, слух, я сам
Скольжу, за шагом шаг, неслышно по пятам.
Ты на пирах своих, все вкруг окинув взглядом,
Узнаешь тень мою таинственную рядом,
А ночью, о король, раскрыв глаза, не раз
Увидишь над собой свет неотступных глаз.

(Уходит через потайную дверь.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
РАЗБОЙНИК

Сарагоса

Двор перед домом Сильвы. Налево высокие стены дворца с окном, выходящим на балкон. Под окном дверца. Направо, в глубине, дома и улицы. Ночь. Окна в домах кое-где освещены.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Карлос, дон Санчо Санчес де Суньига, граф де Монтерей, дон Матиас Сентурион, маркиз де Альмуньян, дон Рикардо де Рохас, граф де Касапальма. Дон Карлос идет впереди. Шляпы у них опущены на глаза. Все закутаны в длинные плащи, полы которых приподняты шпагами.

Дон Карлос

(разглядывая балкон)

Вот дверь, балкон... И мне уже покоя нет.

(Указывая на неосвещенное окно)

Там все еще темно.

(Поглядывает на другие, освещенные окна.)

Повсюду в окнах свет,
Где мне не нужен он; а где всего нужнее —
Там нет его!

Дон Санчо

Король, докончим о злодее.
И вы позволили ему уйти?

Дон Карлос

Что в том?

Дон Матиас

Он у разбойников был, верно, вожаком?

Дон Карлос

О, кто бы ни был он — их вождь иль подчиненный, —
Как будто сам король, стоял он непреклонный.

Дон Санчо

Зовут его?

Дон Карлос

(устремив взор на окно)

Фернан... Нет, «и» в конце стоит.

Дон Санчо

Эрнани?

Дон Карлос

Да.

Дон Санчо

То он!

Дон Матиас

Эрнани! И бандит
И вождь.

Дон Санчо

(королю)

Что говорил он, вихрем чувств объятый?

Дон Карлос

(не спуская глаз с окна)

Не знаю. Слушать мне мешал тот шкаф проклятый.

Дон Санчо

Зачем же он ушел, коль был в руках у вас?

Дон Карлос

(горделиво оборачивается и смотрит ему в лицо)

Вы короля спросить осмелились сейчас?

Оба придворных молча отступают

К тому ж мечты мои в ином вращались круге:
Я думал не о нем, а о его подруге.
Я так в нее влюблен! Глаза ее — лучи;
Два зеркала, друзья; два факела в ночи.
Из повести любви я слышал два-три слова:
«Я жду вас завтра, в час безмолвия ночного».
Но это — главное. Я прямо восхищен!
Когда разбойник сам, земной презрев закон,
Грабительствует здесь, как то вошло в привычку,
Бесшумно из гнезда я похищаю птичку.

Дон Рикардо

Вам следует, король, чтоб дело завершить,
Голубку взять себе, а коршуна убить.

Дон Карлос

(дону Рикардо)

Совет достойный, граф. Но много ль вы хотите?

Дон Рикардо

(отвешивает глубокий поклон)

Когда я граф уже, что мне еще дадите?

Дон Санчо

(живо)

То шутка.

Дон Рикардо

(дону Санчо)

Графом был я назван.

Дон Карлос

(дону Санчо)

Вы опять!

(Дону Рикардо)

Да! Титул к вам упал. Вы можете поднять.

Дон Рикардо

(кланяясь снова)

Благодарю.

Дон Санчо

(дону Матиасу)

Ах, граф! Поистине нежданный...

Король прогуливается в глубине, с нетерпением посматривая на освещенные стекла. Оба придворных беседуют на авансцене.

Дон Матиас

(дону Санчо)

Что сделает король с голубкою желанной?

Дон Санчо

(недоброжелательно взглянув на дона Матиаса)

Графини титул даст, украсит ею двор;
И будет сын ее — король.

Дон Матиас

С каких же пор
Побочный сын — король? Мой милый граф, доныне
Не знал я королей, рожденных от графини.

Дон Санчо

Но будет ей тогда маркизы титул дан.

Дон Матиас

Побочных сыновей хранят для чуждых стран

—

Как вице-королей. И в том их назначенье.

Дон Карлос выходит на авансцену.

Дон Карлос

(бросая гневный взгляд на все освещенные окна)

Глядят, как будто мы внушаем подозренье.
О, наконец-то два погасли! В добрый час.
Как время тянется мучительно для нас!
Когда бы шло оно поспешными шагами!

Дон Санчо

Вот так мы ждем всегда пред вашими дверями.

Дон Карлос

И так томить народ у вас заведено.

Последнее освещенное окно гаснет.

Погас последний свет.

(Поворачивается к балкону доньи Соль, все еще погруженному во мрак.)

Проклятое окно!
Когда же вспыхнешь ты? Ведь все покрыто

тьмою.
О донья Соль, явись сияющей звездою!

(Дону Рикардо)

Уж полночь.

Дон Рикардо

Полночь, да.

Дон Карлос

Нам надобно спешить.
Другой уже идет; он близко, может быть.

Окно доньи Соль освещается. Видно, как тень проходит по озаренным окнам.

Эй, факел мне, друзья! В окошке вижу тень я.
О, никогда я так не ждал зари рожденья!
Пора. Дадим сигнал, который ждет она:
Тройной удар рукой. Сейчас вы у окна
Увидите ее. Но сборище такое
Внушить ей может страх. Уйдите в тень все трое,
Следите за другим. Влюбленных мы, друзья,
Разделим. Вам — бандит, мне — дама. Речь моя
Ясна?

Дон Рикардо

О да.

Дон Карлос

Коль он придет, вы из засады
Кольните шпагою в начале серенады.
Пока очнется он, вздыхая глубоко,
Я даму унесу, мы будем далеко.
Щадите жизнь его. Он юноша отважный.
К тому ж убийство — грех, и грех, конечно, важный.

Оба сеньора, кланяясь, уходят. Дон Карлос смотрит им вслед; затем ударяет в ладоши, выдерживая паузы. При втором ударе окно растворяется, и донья Соль, в белом, выходит на балкон.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дон Карлос, донья Соль.

Донья Соль

(на балконе)

Эрнани, это вы?

Дон Карлос

(в сторону)

О дьявол! Буду нем.

(Снова ударяет в ладоши.)

Донья Соль

Сейчас.

(Закрывает окно, свет гаснет; немного погодя открывается дверца, и со светильником в руке появляется донья Соль. На ее плечах плащ.)

Эрнани!

Дон Карлос надвигает шляпу на глаза и быстро направляется к ней. Донья Соль роняет светильник.

Нет, и шаг не тот совсем.

(Хочет уйти обратно. Дон Карлос, подбежав, хватает ее за руку.)

Дон Карлос

О донья Соль!

Донья Соль

Чужой и голос. О несчастье!

Дон Карлос

Где голос ты найдешь, такой согретый страстью?
Влюбленный пред тобой. Влюбленный — и король.

Донья Соль

Король!

Дон Карлос

Тебе весь мир отдам я, донья Соль!
Не отвергай меня; ведь я, в любви безмерной,
Король, властитель твой, и Карлос — раб твой верный.

Донья Соль

(пытаясь вырваться из его объятий)

Эрнани! Помоги!

Дон Карлос

Забудь напрасный страх.
Не у бандита ты, у короля в руках.

Донья Соль

Разбойник — это вы: подобны вы злодею.
Ах, я за вас сейчас, о государь, краснею,

Так это — подвигов бессмертные лучи:
Похитить женщину насилием в ночи?
Он лучше во сто крат. Когда б по божьей воле
Здесь по достоинству распределялись роли,
Иначе бы судьба сплетала свой узор:
Эрнани был бы принц, а вы, король мой, — вор.

Дон Карлос

(пытаясь ее обнять)

Сеньора!

Донья Соль

Мой отец был графом, вы забыли.

Дон Карлос

Я дам вам герцогство.

Донья Соль

(отталкивая его)

Когда б скромней вы были!

(Отступая)

Что может общего, дон Карлос, быть у нас?
Отец мой проливал нередко кровь за вас,
И стать любовницей с той кровью чистой,

алой
Нельзя мне; а ее для королевы — мало.

Дон Карлос

Принцесса!..

Донья Соль

О король! Несите тем, чей род
Уже лишен всего, и пыл свой и почет,
Меня ж вы не должны преследовать упрямо.
Не только женщина для вас я, но и дама.

Дон Карлос

Делите имя, трон со мною много лет;
Супругой будьте мне, императрицей...

Донья Соль

Нет!
Меня не соблазнить. Скажу вам без обмана
(Пришлось бы все узнать вам поздно или рано)
—
Люблю Эрнани я. Что почести и трон?
Жизнь кочевую с ним, грозящий нам закон,
И голод, и нужду, и долгие скитанья,
Опасность что ни шаг, лишения, страданья,
Изгнание, войну, тревогу нищих дней
Не отдала бы я за пурпур королей.

Дон Карлос

О, как он счастлив!

Донья Соль

Он? Бедняк, беглец гонимый!

Дон Карлос

Беглец и нищий — да, но вами столь любимый!
Я одинок. А он — с ним ангел каждый час.
Вам ненавистен я?

Донья Соль

Да, не люблю я вас.

Дон Карлос

(грубо хватает ее)

Прекрасно. Любите иль нет — мне безразлично.
Идем. Принудить вас сумею я отлично.
Идем. Я так хочу. Иль даром, наконец,
Ношу я Индии, Испании венец?

Донья Соль

(отбиваясь)

О, сжальтесь же, сеньор! Вы так велики ныне,

Вы наш король; и вам маркизы, герцогини
Готовы всем служить. Среди придворных дам
Захочет каждая любовь доверить вам.
Удел же беглеца — гоненья и насилье.
У вас есть Арагон, Наварра и Кастилья,
Леон и Мурсия с десятком областей,
Вся Фландрия, весь мир индийский средь морей.
Дерзнуть на вас — никто отваги не находит.
Средь стран, подвластных вам, и солнце не заходит.
Так неужель у вас поднимется рука
Отнять последнее, что есть, у бедняка?

(Падает на колени; он пытается увлечь ее за собой.)

Дон Карлос

Идем, идем со мной одной дорогой в мире.
Из всех Испаний ты — их у меня четыре —
Что хочешь, выбирай![17]

---

[17] Примечания: 17

...ношу я Индии... венец?.. Из всех Испаний ты — их у меня четыре — что хочешь выбирай... — В состав испанской державы в начале XVI в. входили: Испания, Южная Италия, включая Сицилию, Нидерланды и владения в Южной Америке, которая тогда называлась Индией.

Она пытается вырваться из его объятий.

Донья Соль

Чтоб этот смыть позор,
Одно у вас хочу я взять: кинжал, сеньор!

(Выхватывает у него из-за пояса кинжал. Он отпускает ее и отшатывается.)

Приблизьтесь! Хоть на шаг!

Дон Карлос

Так вот вы как? Прекрасно!
Недаром любите мятежника вы страстно.

(Хочет сделать шаг; она заносит кинжал.)

Донья Соль

Сначала вас убью, потом себя.

(Он снова отступает. Она оборачивается.)

Сюда,
Эрнани!

Дон Карлос

Замолчи!

Донья Соль

(с поднятым кинжалом)

Рука моя тверда.

Дон Карлос

Сеньора, не снесу упрямство я такое.
Чтобы заставить вас, со мной еще здесь трое.

Эрнани

(внезапно появляясь за его спиной)

Забыли одного!

Король оборачивается и видит Эрнани, стоящего за ним в тени, со скрещенными руками под длинным плащом, в широкополой шляпе, не скрывающей лица. Донья Соль вскрикивает, бежит к Эрнани и заключает его в объятия.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дон Карлос, донья Соль, Эрнани.

Эрнани

(недвижный, со скрещенными руками,

устремив на короля сверкающий взор)

Хотел бы, — знает бог, —
Увидеть я его не здесь, у ваших ног.

Донья Соль

Спасите от него!

Эрнани

Не бойтесь, дорогая,
Я здесь.

Дон Карлос

Но где ж друзья? Где стража городская?
Пустить разбойника, врага страны моей!

(Зовет)

Сеньоры, где вы?

Эрнани

Где? В руках моих друзей.
Чем могут вам помочь бессильные три шпаги?
На трех — нас шестьдесят, исполненных отваги,
И всех вас четырех один заменит мой.
Так лучше спор вдвоем нам кончить меж собой.
Вы эту девушку насильно взять решили,

Неосторожны вы, сеньор, король Кастилий,
И подлы!

Дон Карлос

(презрительно улыбаясь)

Слушайте, не вам, сеньор бандит,
Учить меня!

Эрнани

Ого! Какой сердитый вид!
Я не король, но я, услышав оскорбленье,
От гнева вровень с ним расту в одно мгновенье,
И краска на моем челе тогда страшней,
Чем перья и гербы на шлемах королей.
Напрасно вас сейчас надежда обольщает,

(Хватает его за руку.)

Да знаете ли вы, кто руку вам сжимает?
Отец ваш моего казнил былой порой.
Я ненавижу вас — вы взяли титул мой!
Я ненавижу вас — одну мы любим оба!
Я ненавижу вас, я вас кляну до гроба!

Дон Карлос

Прекрасно.

Эрнани

Но сейчас моя умолкла месть.
В душе один порыв, одно желанье есть —
То донья Соль. Ее одну ищу — и что же?
На похищение здесь наглое похоже!
Я здесь увидел вас. Вы на моем пути.
Опасней вам, сеньор, минуты не найти.
Дон Карлос, схвачен ты — и в собственной засаде.
Где помощь? Как бежать? Ты здесь, в моей ограде,
Один, — и выходы врагами заперты.
Что делать?

Дон Карлос

(надменно)

Спрашивать меня дерзаешь ты?

Эрнани

Ну что ж, я не хочу быть мстителем безвестным!
Да завершится месть ударом смелым, честным.
И жизнь свою лишь мне ты одному отдашь.
Готовься!

(Выхватывает шпагу.)

Дон Карлос

Я король, я повелитель ваш.
Удар, но не дуэль.

Эрнани

Сеньор, вот это славно!
Забыл ты, что клинки скрестили мы недавно?

Дон Карлос

Вы правы. Я тогда не знал, как вас зовут;
Не знали вы, кто я. Теперь — напрасный труд.
Вы знаете меня, я — вас, и превосходно.

Эрнани

Допустим.

Дон Карлос

Не дуэль. Разите, коль угодно.

Эрнани

Нет, имя короля меня не бросит в дрожь.
Готов к защите ты?

Дон Карлос

Ну убивайте. Что ж?
Иль думаете вы, разбойничьи отряды,
Что можно в городах вам грабить без пощады?

Эрнани отшатывается. Дон Карлос устремляет на него орлиный взгляд.

Что вас, отмеченных убийством, грабежом,
Мы честными людьми отныне назовем?
Что, жертвы низости, по вызову отваги
Клинки мы освятим ударом нашей шпаги?
Нет! Вы преступники, и кровь вас всех гнетет.
Дуэль вам не к лицу. Убейте так... Вперед!

Эрнани в мрачной задумчивости трогает эфес своей шпаги, потом внезапно оборачивается к королю и ломает клинок о камень.

Эрнани

Иди!

Король, вполоборота к нему, бросает на него надменный взгляд.

Ждет встреча нас когда-нибудь другая.
Иди!

Дон Карлос

Что ж! Возвращусь, минуты не теряя,
Законный ваш король, я в герцогский дворец

И правосудию отдам вас наконец.
Вы вне закона?

Эрнани

Да.

Дон Карлос

Я так и знал. Прекрасно.
Отныне вы мне враг, мятежный и опасный.
Предупреждаю: вас не пощадит закон;
Я в черный список вас внесу.

Эрнани

Я уж внесен
Давно.

Дон Карлос

Прекрасно!

Эрнани

Я уйду из стран испанских
Во Францию.

Дон Карлос

Но я — с короною германской —
Империи врагом сочту вас.

Эрнани

Что мне в том?
Мир остальной широк, и я свободен в нем.
Есть много мест, где ты достать меня не в силах.

Дон Карлос

Мир будет весь моим...

Эрнани

Тогда исход — могила.

Дон Карлос

Мятеж я раздавлю — и мне не страшен враг.

Эрнани

Хромает часто месть; у ней неспешный шаг,
Но все ж она идет.

Дон Карлос

(с презрительной усмешкой)

Ну и красотка! Счастье
Разбойник ей сулит!

Эрнани

(с вновь загоревшимся взором)

В моей ты все же власти!
О кесарь будущий, сейчас ты слаб и хил, —

Зачем напоминать, что я тебя схватил,
Что стоит только мне зажать кулак свой дерзкий,
Чтоб был убит в яйце и твой орел имперский?

Дон Карлос

Попробуй.

Эрнани

Уходи!

(Снимает плащ и набрасывает его на плечи короля.)

Беги в плаще моем;
Иначе, я боюсь, тебя пырнут ножом.

Король заворачивается в плащ.

Спокойно уходи. Я отложил отмщенье.
В других, но не во мне найдешь ты уваженье.

Дон Карлос

Так говорить со мной посмели вы, сеньор,
Что не дождаться вам пощады с этих пор!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Эрнани, донья Соль.

Донья Соль

(берет Эрнани за руку)

Теперь бежим скорей!

Эрнани

(ласково ее отстраняя)

Вам надобно, подруга,
В несчастии его покрепче верить в друга
И не идти назад, а быть во всем сродни
Душе его и с ней сплетать до смерти дни, —
Вот мысль, достойная того, кто чист душою.
Но, видит бог, чтоб жить мне радостью такою,
Чтоб унести, сокрыть в пещере средь ветвей
Красу, которая пленяет королей,
Чтоб донья Соль ушла со мной, была моею,
Чтоб взять у ней всю жизнь, свою судьбу слить с нею,
Безжалостно увлечь на путь нужды, забот, —
Нет больше времени. Уж близок эшафот!

Донья Соль

Что слышу я?

Эрнани

Король, принявший оскорбленье,
Сейчас придет платить мне карой за прощенье.
Он во дворце уже; сейчас он, о мой друг,
Зовет приспешников, сбирает стражу, слуг,
Придворных, палачей...

Донья Соль

Эрнани! В этом месте
Нельзя вам больше быть. Бежим скорее вместе!

Эрнани

Как, вместе? Никогда! Бежать уж поздно нам.
О донья Соль! Когда предстала ты очам —
Вся счастье, доброта и вся любви сиянье, —
Я мог еще тебе, бедняк, чья жизнь — изгнанье,
Дать горы, лес, ручьи и разделить с тобой
Свой хлеб изгнанника, приют убогий свой —
Из молодого мха и свежих веток ложе...
Но страшный эшафот делить с тобой! О боже!
Он — мне лишь одному.

Донья Соль

Но вместе быть всегда
Вы обещали мне.

Эрнани

(падая на колени)

Мой ангел! В час, когда
К нам смерть уже идет и близится упорно
Развязка мрачная судьбы, такой же черной, —
Рожденный в горести бедняк, чья колыбель —
В крови, кто светлых дней еще не знал досель,
Чья жизнь — глухая ночь, я сам в минуты эти
Скажу, что никого счастливей нет на свете,
Затем, что вами я любим, что жребий мой,
Презренный, проклятый, почтили вы слезой.

Донья Соль

(склоняясь к нему)

Эрнани!

Эрнани

Мой удел благословен отныне;
Он мне явил цветок над пропастью в стремнине.

(Поднимается.)

Не только вам одной сказал все это я, —
Внимает в небе мне предвечный судия.

Донья Соль

Возьми меня с собой.

Эрнани

Но это преступленье —
Сорвав цветок, увлечь его с собой в паденье.
Я им дышал хоть миг — и счастлив был судьбой.
Другому жизнь отдай, надломленную мной.
Будь старику женой. Не льщусь мечтой ревнивой.
Я возвращаюсь в ночь. Забудь — и стань счастливой.

Донья Соль

Нет, я пойду с тобой — среди лесов, стремнин
Делить твою судьбу.

Эрнани

(сжимая ее в объятиях)

Пусть я уйду один.

(Судорожным движением вырывается из ее объятий.)

Донья Соль

(горестно всплескивая руками)

Эрнани, ты бежишь? О, горе одинокой!
Отдать всю жизнь — и быть отвергнутой жестоко
И после всей любви и горести такой
Блаженства не иметь хоть умереть с тобой!

Эрнани

Я изгнан, осужден! Я обречен судьбою...

Донья Соль

Как бессердечны вы!

Эрнани

(возвращаясь)

Я остаюсь с тобою.
Ты хочешь этого? Я здесь. Иди сюда!
Я остаюсь с тобой — надолго, навсегда.
Забудем все.

(Садится на каменную скамью.)

Присядь на этот камень белый.
Слепят меня очей твоих горящих стрелы.
О, спой мне песенку, что пела ты порой,
Когда твой черный взгляд в ночи сверкал сле-

зой!
Мы будем счастливы. Полна до края чаша.
Забудем все вокруг; минута эта — наша.
О, говори, мой друг! Ведь так приятно нам
Любить и всей душой внимать любви словам —
Вдвоем, вдали от всех. Какое обаянье —
В безмолвии ночном внимать любви признанья!
Здесь, на твоей груди, я так забыться рад...
О счастье! О любовь, о донья Соль!

Звон дальних колоколов.

Донья Соль

(в ужасе встает)

Набат!
Ты слышишь? Там набат!

Эрнани

(все еще на коленях)

Как! Он тебя тревожит?
То свадьбы нашей звон.

Колокольный звон усиливается. Смутный гул; факелы и свечи во всех окнах, на всех крышах, во всех улицах.

Донья Соль

Вставай, беги! О боже!
Вся Сарагоса здесь!

Эрнани

(слегка приподнимаясь)

То факелы в честь нас.

Донья Соль

То свадьба средь могил. То свадьба в смертный час.

Лязг оружия, крики.

Эрнани

(садясь на каменную скамью)

Заснем.

Горец

(вбегая со шпагой в руке)

Сеньор! Сеньор! Там сбиры и алькады.

Во весь опор летят на площадь кавалькады.
Спасайтесь, господин!

Эрнани встает.

Донья Соль

(бледнея)

О да, беги во тьму!

Горец

На помощь!

Эрнани

(горцу)

Я готов. Прекрасно.

Глухие голоса за сценой

Смерть ему!

Эрнани

(горцу)

Дай шпагу!

(Донье Соль)

Ну, прощай.

Донья Соль

Ах, я всему виною!
Куда же ты?

(Показывая на дверцу)

Идем. Я здесь тебя укрою.

Эрнани

Как! А мои друзья?

Шум и крики.

Донья Соль

Любимый! Жизнь моя!
Мне страшно.

(Удерживая Эрнани)

Коль умрешь, умру с тобой и я.

Эрнани

(держа ее в объятиях)

Дай поцелуй.

Донья Соль

Мой муж! Эрнани мой! О боже!

Эрнани

(целует ее в лоб)

Наш первый поцелуй.

Донья Соль

Последний он, быть может.

Он убегает. Она опускается на скамью.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
СТАРИК

Замок де Сильвы в горах Арагона

Фамильная портретная галерея. Большой зал, украшенный портретами в пышных рамах, с герцогскими коронами и позолоченными гербами. В глубине высокая готическая дверь. Между портретами набор оружия разных веков.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Донья Соль, в белом, стоит у стола, дон Руй Гомес де Сильва сидит в высоком герцогском кресле, сделанном из дуба.

Дон Руй Гомес

Сегодня, наконец! Сегодня, в час ночной,
Не дядя я, а муж, о герцогиня, твой.
Ведь я прощен? Я был неправ перед тобою;
Я заставлял тебя бледнеть, краснеть порою;
Я слишком был ревнив и на сужденья скор, —

Ведь опровергнуть ты могла мой приговор.
О, как обманчив глаз! Как мы несправедливы!
Пускай я видел сам тех юношей счастливых, —
Что в том? Не должен был я верить и глазам.
Но что поделаешь? Уж слишком стар я сам.

Донья Соль

(спокойно и надменно)

Оставьте! Вам никто не делает упрека.

Дон Руй Гомес

Нет, все же я неправ. С такой душой высокой
Измены не таят. Я знаю, донья Соль,
Что в жилах у тебя испанской крови соль.

Донья Соль

О да, та кровь всегда чиста и благородна:
Все убедятся в том.

Дон Руй Гомес

(встает и подходит к ней)

Послушай. Не свободна
Душа моя, когда в тебя я так влюблен
На склоне дней. Я зол, ревнив — таков закон,
И красота в других и юности цветенье
Мне причиняют страх, внушают подозренье.

Завидуя другим, я сам стыжусь порой.
Судьба — насмешница: в любви, уже седой,
Но жгущей сердце нам столь пламенно и смело,
Наш дух и юн и свеж, хотя бессильно тело.
Пред юным пастухом, — покуда мы идем,
Он с песней звонкою, я с сумрачным челом,
Он в зелени лугов, я в темном старом парке, —
Я говорю себе: о, что все башни, арки
Владений герцогских? Я б тотчас отдал их,
Как и свои поля с дубами рощ густых,
Свои стада овец, бредущие в долины,
Свой титул, древний род и все свои руины,
Всех предков доблестных из рода моего —
За домик пастуха, за молодость его.
Он в смоляных кудрях, и взор его так ясен,
Похож на твой; и ты сказала б: «Он прекрасен».
Что думать обо мне? Я стар уж — что скрывать!
Хотя и Сильва я, чем стал бы я пленять?
Все это ясно мне. Вот видишь, как люблю я!
Весь мир я отдал бы за молодость такую.
Напрасные мечты! Мне — свежесть юных сил?
Нет, раньше я, чем ты, приду в страну могил.

Донья Соль

Кто знает?..

Дон Руй Гомес

И поверь — все эти кавалеры
Являют не любовь, не сердце, а манеры.
Полюбит девушка такого всей душой, —
Ей — смерть, ему же смех. Их пестрокрылый рой
Напоминает птиц окраской, воркованьем,
Любовью, как перо, подверженной линяньям.
Пускай у стариков сил меньше, взор темнеет, —
Надежней их крыло и лучше, хоть тускнеет.
Мы любим преданно. Что тяжкий шаг, седины?
Чело изрыто, но на сердце нет морщины.
Но коль старик влюблен, щади его любовь!
У сердца нет седин, и в нем живая кровь.
О нет, любовь моя не искрится, играя,
Как бусы из стекла, — в ней сила есть иная:
Отцовство, дружба, честь; и сам я тверд душой,
Как кресел дедовских тяжелый дуб резной.
Я так тебя люблю! Душой, к тебе летящей,
Люблю, как любят день, на небо восходящий,
Как любят нежность роз, как любят звезд чертог.
С тобою быть все дни, ловить след милых ног,
Узреть чело твое и взгляда совершенство —

Вот счастье для меня, вот вечное блаженство!

Донья Соль

Увы!

Дон Руй Гомес

К тому же мир обычай чтит такой:
Оканчивая жизнь, старик полуживой,
Уже склонившийся над мрамором могилы,
С невинным ангелом, с голубкой сизокрылой,
Остаток делит дней, и бодрствует она
Над жалкой старостью, что в ночь идти должна.
Вот благородный долг, вот дело высшей чести,
Прямой порыв, когда, живя со старцем вместе,
Шлешь утешение ему на склоне дней,
Быть может, без любви, но всей душой своей.
О, будь мне ангелом с душою девы нежной,
Чтоб я, старик, свой пыл, отныне безнадежный,
Остаток жалких дней мог разделить с тобой —
Как с нежной дочерью, как с любящей сестрой.

Донья Соль

Не знаю, кто из нас скорей придет к могиле,
Сеньор; и не всегда, покорны юной силе,
Мы жить хотим. Увы! Так часто говорят:

Здесь медлят старики, а юные спешат.
И угасает взор, глубокой тьмой покрытый,
Как темный ров могил, что придавили плиты.

Дон Руй Гомес

О мысли мрачные! К чему на сердце тень,
Дитя, в такой святой, такой веселый день?
Но время все течет. Мы говорим час целый,
А вам уже пора одеться для капеллы.
Скорей! Где ваш убор? Теряю счет часам.
Где свадебный наряд?

Донья Соль

Что торопиться нам?

Дон Руй Гомес

Пора!

Входит паж.

Что скажешь, паж?

Паж

Сеньор, стучит в ворота
Какой-то пилигрим, иль нищий, или кто-то
Другой, прося впустить.

Дон Руй Гомес

О, кто бы ни был он,
Приносит счастье гость, от бури огражден.
Впустить его! Скажи, что нового на свете?
Где вождь разбойников, занявший чащи эти,
Наполнивший страну столь дерзким мятежом?

Паж

Эрнани? С тем, кого зовем мы горным львом,
Покончено!

Донья Соль

(в сторону)

Мой бог!

Дон Руй Гомес

(пажу)

Как?

Паж

Одержал победу
Король. За ним сейчас он сам спешит по следу.
Оценен в тысячу эскудо он; и я
Уверен — он убит.

Донья Соль

(в сторону)

Он умер без меня,
Эрнани!..

Дон Руй Гомес

Умер он? О дева пресвятая!
Отныне счастье к нам приходит, дорогая.
Где светлый ваш убор? Как счастлив я, как рад!
Двойное празднество.

Донья Соль

(в сторону)

О траурный наряд!

(Уходит.)

Дон Руй Гомес

(пажу)

Снеси ей мой ларец, мой дар души влюбленной.

(Вновь опускается в свое кресло.)

Пускай нарядною предстанет, как мадонна,
Чтоб спорил взор ее с убором дорогим
И чтоб в восторге пал пред нею пилигрим...
Там кстати ждет один, войти сюда не смея, —
Вели его впустить, проси сюда скорее!

Паж кланяется и уходит.

Заставить гостя ждать — нехорошо.

Дверь в глубине открывается. Входит Эрнани, переодетый пилигримом. Герцог встает и идет ему навстречу.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Эрнани останавливается на пороге.

Дон Руй Гомес

Сеньор...

Эрнани

Мир дому вашему!

Дон Руй Гомес

(делая приветственный жест)

Ты гость мой с этих пор.
Привет!

Эрнани входит. Герцог садится.

Ты пилигрим?

Эрнани

(кланяясь)

Да.

Дон Руй Гомес

Шел ты, без сомненья,
Через Армильяс?

Эрнани

Нет, не в этом направленье.
Там бой кипит сейчас.

Дон Руй Гомес

С мятежниками бой,
Не правда ль?

Эрнани

Может быть.

Дон Руй Гомес

Эрнани, их герой...
Что сталось с ним, тебе известно?

Эрнани

Нет. Он кто же?

Дон Руй Гомес

Его не знаешь ты? Тем хуже. Не похоже,
Чтоб ты награду взял. Эрнани — это тот
Мятежник, чья вина давно возмездья ждет.
В Мадриде будет он, увидишь сам, качаться.

Эрнани

Я не туда.

Дон Руй Гомес

А он мог каждому достаться.

Эрнани

(в сторону)

Посмотрим.

Дон Руй Гомес

Но куда ты держишь путь?

Эрнани

Сеньор,
Я в Сарагосу путь держу.

Дон Руй Гомес

В святой собор?
Иль по обету в храм к мадонне?

Эрнани

Да, к мадонне.

Дон Руй Гомес

Пиларской?

Эрнани

Да.

Дон Руй Гомес

Кого такой обет не тронет?..
Обещанное мы должны отдать святым.
А после занят ты намереньем каким?
Увидеть трон ее — вот все твои желанья?

Эрнани

Да, видеть я хочу священных свеч пыланье,
Мадонну, в глубине, под сводами колонн,
Ее златой венец, ее слепящий трон,
А после я вернусь.

Дон Руй Гомес

Скажи мне имя, званье...
Я — Руй де Сильва.

Эрнани

(колеблясь)

Но...

Дон Руй Гомес

Ну что ж, храни молчанье,
Коль хочешь. Здесь никто не спросит, как зовут.
Ночлега ищешь ты?

Эрнани

Да, герцог.

Дон Руй Гомес

Будь же тут
Как дома. Мир с тобой. Не должен ты смущаться.
А что до имени, то «гостем» будешь зваться.
О, кто бы ни был ты, переступи порог:
И дьявол — гость, когда его нам шлет сам бог.

В глубине распахивается двустворчатая дверь. Входит донья Соль в свадебном наряде. Сзади нее пажи, слуги; две прислужницы несут на бархатной подушке серебряный чеканный ларец, и ставят его на стол. В ларце — драгоценности: герцогская корона, браслеты, жемчуг вперемежку с бриллиантами. Эрнани, пораженный, почти задыхаясь, смотрит горящими глазами на донью Соль, не слушая, что говорит герцог.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, донья Соль, пажи, слуги и прислужницы.

Дон Руй Гомес

(продолжая)

Моя мадонна здесь. Склонись в мольбе пред нею —
И счастье обретешь.

(Предлагает руку донье Соль, по-прежнему бледной и задумчивой.)

О нежный друг, скорее

Идем! Но где ж кольцо, венок цветов живых?..

Эрнани

(громовым голосом)

Кто тысячу монет взять хочет золотых?

Все в изумлении оборачиваются. Он разрывает балахон пилигрима, бросает его к ногам и предстает пред всеми в наряде горца.

Эрнани я!

Донья Соль

(в сторону, радостно)

Он жив!

Эрнани

(слугам)

Я тот, кого повсюду
Вы ищете...

(Герцогу)

А вы уж думали, что буду
Я Дьего звать себя? Эрнани — имя мне!
Изгнанник я — и нет почетнее в стране
Другого имени. Вот голова, какою

Вам можно оплатить свой пир. Я много стою!

(Слугам)

Я вам ее дарю. Для вас — богатство в ней.
Вяжите руки мне, вяжите поскорей. —
Иль нет, — к чему? — меня уж вяжет цепь другая
Навек...

Донья Соль

(в сторону)

О боже мой!..

Дон Руй Гомес

О дева пресвятая,
Мой гость сошел с ума!

Эрнани

Ваш гость — разбойник, враг!

Донья Соль

Не слушайте его!

Эрнани

Поверьте, это так!

Дон Руй Гомес

Как! Тысяча монет? Такая сумма!.. Боже...
Ручаться мне нельзя за слуг моих...

Эрнани

Так что же?
Тем лучше, хоть один найдется пусть средь них.

(Слугам)

Продайте же меня.

Дон Руй Гомес

(пытаясь принудить его к молчанию)

Молчите. Слов таких
Не должно слышать им.

Эрнани

Друзья, вот случай верный:
Изгнанник я, бунтарь, разбойник беспримерный, —
Эрнани!

Дон Руй Гомес

Замолчи!

Эрнани

Эрнани!

Донья Соль

(слабеющим голосом шепчет ему)

Замолчи!

Эрнани

(вполоборота к донье Соль)

Здесь свадьба! Но и я хочу своей свечи.
Меня невеста ждет.

(Герцогу)

Она не так прекрасна,
Как ваша, но меня она все ж любит страстно;
И Смерть зовут ее.

(Слугам)

Скорее! Что же вы?

Донья Соль

(тихо)

О небо!

Эрнани

(слугам)

Золото — оценка головы.

Дон Руй Гомес

Он — дьявол!

Эрнани

(молодому слуге)

Эй, сюда! Вот золото, с которым
Из жалкого слуги ты можешь стать сеньором.

(Слугам, которые медлят.)

Ну что ж? Дрожите вы? О, как мне не везет!

Дон Руй Гомес

Брат! Тронувший тебя сам от меня падет.
Пусть сам Эрнани ты, пусть полон ты коварства
И пусть за жизнь твою нам предлагают царство,
—
Ты все-таки мой гость. Тебя хранит мой дом
От Карла самого — ведь ты мне дан творцом.
За жизнь твою себя отдам я на закланье...

(Донье Соль)

Племянница моя, уж близок час венчанья, —
Идите же к себе. Чтоб замок крепче стал,
Ворота на запор.

(Уходит, слуги следуют за ним.)

Эрнани

(с отчаянием смотрит на свой лишенный оружия пояс)

О, если б хоть кинжал!

После ухода герцога донья Соль делает несколько шагов, чтобы последовать за своими прислужницами, но останавливается и, как только они выходят, в тревоге подходит к Эрнани.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Эрнани, донья Соль.

Эрнани останавливает холодный и как бы небрежный взгляд на свадебных драгоценностях, разложенных на столе, качает головой, и глаза его загораются.

Эрнани

Я поздравляю вас! Все эти украшенья
Внушают мне восторг, приводят в восхищенье!

(Подходит к ларцу.)

Прекрасное кольцо — камней так ярок свет,
Колье сработано отменно, и браслет
Изваян так хитро, — но все же не хитрее,

Чем вы, таящая бесчестные затеи!

(Снова рассматривает ларец.)

И что ж вы отдали взамен за весь убор?
Немножечко любви? Не правда ль, сущий вздор?
О боже, так предать! И жить, стыда не зная!

(Разглядывая ларец.)

Иль жемчуг тот фальшив иль то подделка злая, —
Медь вместо золота, сапфир, где блеска нет,
Брильянты ложные, колец обманный свет?
Ах, если это так, — как тот убор, отныне
Ты сердцем лжешь своим, как надо герцогине!

(Возвращается к ларцу.)

Нет, здесь все подлинно, все — роскоши печать;
Одной ногой в гробу, он не посмел бы лгать.
Все есть:

(перебирает одну за другой драгоценности ларца)

колье, кольцо, алмазные подвески,
Корона герцогинь в сиянии и блеске...
О, как его любовь почтительна, нежна!

Подарку нет цены!

Донья Соль

(подходит к ларцу, роется в нем и вынимает кинжал)

Вы не дошли до дна.
Кинжал у короля мне помогла Мадонна
Отнять, когда он мне сулил богатства трона.
Неблагодарный! Я отвергла трон для вас.

Эрнани

(падая к ее ногам)

К ногам твоим упав, из огорченных глаз
Я слезы осушу; я за твои страданья
Отдам всю кровь свою и все свое дыханье!

Донья Соль

(растрогана)

Эрнани, я люблю, прощаю, я полна
Любовью к вам, лишь к вам.

Эрнани

Прощает мне она
И любит! Кто бы мог, услышав оскорбленья,
Подобные моим, мне даровать прощенье?
О, как бы я хотел, когда бы только мог,

Коснуться, ангел мой, хоть следа милых ног!

Донья Соль

Друг!

Эрнани

Ненавидеть ты должна меня. Но все же
Скажи мне: «Я люблю». Что этих слов дороже
Для сердца в горести? И женских уст порой
Лишь слово нужно нам, чтоб вновь ожить душой.

Донья Соль

(погруженная в свои мысли, не слушая его)

Считать любовь мою такой непостоянной!..
Ужель уверен он, скиталец безымянный,
Что сердце женщины, где он один живет,
Лишеньям вместе с ним богатство предпочтет?

Эрнани

Увы, я клевещу! И на твоем я месте
«Довольно!» — крикнул бы безумцу, в жажде мести
Тебя клянущему, — все лишь затем, что он
То гневом яростным, то страстью ослеплен.
Скажи мне: «Уходи!» Жестока будь со мною —

Я все приму затем, что ты нежна душою,
Что терпелива ты, что не гнала ты прочь.
Я зол, и жизнь твою моя б чернила ночь;
Твоя ж душа чиста, дух светел, непокорен,
И виновата ль ты, что я так зол и черен?
Стань герцога женой! И добр и знатен он,
Ольмеда — мать его, он Алькалой рожден.
О, будь богата с ним, живи с ним в полном счастье!
А я... ты знаешь, друг, что не в моей уж власти
Достойно одарить тебя. Что б я принес
С собой в приданое? Кровь иль потоки слез,
Изгнанье, цепи, смерть, жизнь в страхе, вне закона,
Вот дар мой, вот колье, вот брачная корона!
О, ни один супруг не даст жене своей
Таких жемчужных бус — из горя и скорбей.
Стань старика женой! Он будет горд судьбою.
Нет, кто б поверить мог!.. С голубкою такою,
Изгнанник, рядом я. И кто бы, видя нас,
Тебя — спокойною, меня — в мой грозный час,
Тебя — цветок, в ночи безгорестно растущий,
Меня — ладью средь скал под бурею ревущей,
Сказал, что в этот час дорога нам одна!
Прав сотворивший мир: не мне ты суждена.
Тебя ль своей судьбе отдам я беспокойной?

Душой, что я украл, владеет пусть достойный.
Согласья на любовь господь нам не давал.
Сказав, что так судьба велела, я солгал.
К тому же месть, любовь — окончатся со мною.
И вот иду я прочь с двойной своей мечтою:
Не в силах ни карать, ни страсть тебе внушить;
Для мести призванный, могу я лишь любить.
Прости!.. Оставь меня... Вот два моих желанья.
Не отвергай их, нет! Я шлю их в миг прощанья.
Тебе — вся жизнь, мне — смерть. Не знаю, почему
Со мной в могильную идти ты хочешь тьму.

Донья Соль

Жестокий!

Эрнани

Арагон и ты, Эстремадура!
На все, что делаю, судьба взирает хмуро.
Я ваших взял сынов, я за себя — увы! —
Заставил биться их — и вот они мертвы.
То были самые храбрейшие в Кастильи;
Они лежат в горах, где пули их сразили;
Отважно, на спине, лицом в небесный свод,
Чтоб видеть небо вновь, лишь бог их позовет.
Вот то, что сделал я тому, кто был со мною.

Ужель такого ты пленяешься судьбою?
Пусть герцог, пусть сам ад, пусть даже сам король —
Все лучше для тебя, чем я... О донья Соль!
Нет друга у меня, который мной гордится.
Покинут всеми я. Так пусть судьба свершится;
Я должен быть один. Оставь меня совсем,
Не делай из любви религии. Зачем?
Молю тебя, беги! Ты думаешь, быть может,
Что я один из тех, кого мечта тревожит,
Кто к цели избранной бестрепетно идет?
О нет! Я темный рок, я страшных сил полет!
Я порождение слепой и мрачной тайны,
Я дух, родившийся из тьмы необычайной,
Иду невесть куда; и слушать обречен
Дыхание стихий, безумных сил закон.
Все ниже, ниже путь. Прервать нельзя движенья;
А если оглянусь, усталый, на мгновенье,
Я слышу вновь: «Иди!» И пропасть так страшна!
В ней отсвет крови есть; она озарена
Ужасным пламенем; в нее готов упасть я.
Все гибнет вкруг меня; я приношу несчастье...
Беги же прочь! Сойди с дороги роковой, —
Тебе невольно зло я принесу с собой.

Донья Соль

О боже!

Эрнани

Демон мной владеет, дух постылый.
Он всемогущ, но дать мне счастье он не в силах.
Ты — счастье: значит, ты — пусть страстью мы горим
Не можешь стать моей. Будь счастлива с другим!
О, если бы судьба, в своем стремленье странном,
Послала счастье мне! Нет, было б то обманом,
Будь герцогу женой.

Донья Соль

Иль не довольно вам?
Разбили сердце мне и рвете пополам.
Нет, вы не любите меня!

Эрнани

О дорогая!
Ты — тот костер, где я сейчас живу, пылая.
Но должен я бежать. О, не вини меня!

Донья Соль

Нет, вас я не виню. Но все ж погибну я.

Эрнани

Смерть! Смерть из-за меня! Нет, я того не стою,
К чему?

Донья Соль

(не в силах сдержать рыданья)

Что я могу?

(Падает в кресло.)

Эрнани

(садясь возле нее)

Твой взор горит слезою.
Я этому виной. И кто мне отомстит?
Ведь ты меня простишь? Душа не так болит,
Когда в очах твоих я вижу слез дрожанье,
Туманящее взор, исполненный сверканья.
Мертвы мои друзья. Мне душу полнит мрак.
Прости. Хочу любить, и сам не знаю, как,
И все же я люблю глубоко, всей душою.
Не плачь! Давай умрем! Будь целый мир со мною, —
Тебе б я дал его! Но я сражен судьбой.

Донья Соль

(кидаясь ему на шею)

О, как прекрасен ты, лев благородный мой!
Люблю!

Эрнани

Когда б любовь, блаженство нам даруя,
Могла б и смерть нам дать!

Донья Соль

О, как тебя люблю я!
Властитель мой! Люблю! Я вся теперь твоя!

Эрнани

(припав головой к ее плечу)

С какой бы радостью кинжал твой встретил я!

Донья Соль

(умоляющим голосом)

Ах, не боитесь вы, что вас сам бог накажет
За эту речь?

Эрнани

(прильнув к ее груди)

Ну что ж? Пусть он нас прежде свяжет.
Ты хочешь этого? Я сделал все, что мог.

Обнявшись, они глядят в глаза друг другу, ничего не видя, не слыша. В дверь в глубине входит дон Руй Гомес. При виде их он, остолбенев, останавливается на пороге.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Эрнани, донья Соль, дон Руй Гомес.

Дон Руй Гомес

(скрестив руки на груди, неподвижно стоит в дверях)

Так вот кого пустил к себе я на порог!

Донья Соль

О небо! Герцог!

Эрнани и донья Соль оборачиваются, как бы пробужденные внезапным толчком.

Дон Руй Гомес

Вот чем платят мне отныне!
«Старик, иди взгляни, крепки ль твои твердыни,
Ворота заперты ль, на башенных зубцах

Стоит ли день и ночь охрана на часах,
По росту отыщи себе вооруженье,
Подставь свой дряхлый стан под тяготы сраженья —
Сполна оплатится доверчивость твоя,
И то, что ты мне дал, верну с избытком я».
О небо! Я шестой десяток доживаю;
Что значит бешенство разбойников — я знаю;
Не раз ночной порой, свой выхватив клинок,
Я в бегство обратить бродяг полночных мог;
Убийц, изменников с собой я видел рядом,
И слуг, хозяину несущих кубок с ядом,
И тех, кто без молитв предсмертных умирал;
Знал Борджа, Сфорцу я и Лютера встречал, —
Но все ж такого я не видел преступления:[18]
Здесь гость хозяину наносит оскорбленье!
Был не таков мой век. Такой измены вид
Вдруг старца ужасом в дверях окаменит,
И он, под тяжестью ужасного страданья,
Как надмогильное застынет изваянье.
Испанцы, мавры! Как такой злодей живет!

---

[18] Примечания: 18

Знал Борджа, Сфорцу я и Лютера встречал, — но все ж такого я не видел преступленья. — Миланский герцог Лодовико Сфорца и Цезарь Борджа, незаконный сын папы Александра VI Борджа (оба умерли в начале XVI в.) были широко известны своими предательствами, насилиями и убийствами; Лютер, основатель немецкого протестантизма, должен был представляться правоверному католику дону Руй Гомесу воплощением ереси и безнравственности.

(Поднимает глаза и обводит взором висящие по стенам портреты.)

О Сильва, слушайте! О доблестный мой род!
Прости, что пред тобой я, гневом ослепленный,
Гостеприимства мог на миг забыть законы.

Эрнани

(поднимаясь)

О герцог!

Дон Руй Гомес

Замолчи!

(Делает три шага вперед и разглядывает один за другим все портреты рода Сильва.)

Вы, предки! Прям ваш взгляд;
Вам небо видимо, и знаете вы ад.
Скажите, кто же он, тот человек, — откуда?
То не Эрнани, нет: предатель он, Иуда!
О, дайте наконец, я вас молю, ответ!

(Скрестив руки на груди)

Могло ль подобное случиться с вами? Нет!

Эрнани

О герцог!

Дон Руй Гомес

(по-прежнему обращаясь к портретам)

Видите? Он говорит, бесчестный!
Что замышляет он, о предки, вам известно, —
Не слушайте его. Обманщик он и ждет,
Что кровь рука моя в своем жилье прольет,
Что я таю в груди, забыв веленья чести,
Как в день Семи голов,[19] одну лишь жажду мести.
Себя изгнанником сочтя, меня опять
Не Сильва — Ларою осмелится он звать.
Он скажет, что он гость и мой и ваш, сеньоры...
О предки! Гневные не отвращайте взоры,
Но рассудите нас.

Эрнани

О Сильва! Коль могло
Столь благородное явиться нам чело,
Столь сердце чистое, ум смелый и глубокий,

---

[19] Примечания: 19

Как в день Семи голов... — По средневековому народному сказанию, семеро братьев, благородных юношей из кастильского рода Лара, были предательски завлечены своим дядей в засаду и убиты маврами. Позже сводный брат погибших Мударра отомстил за них предателю. Это предание о «Семи инфантах Лары» составило сюжет эпической поэмы и многих романсов.

Так это вы, сеньор, хозяин мой высокий!
Я, говорящий здесь, виновен, я смущен.
Что я могу сказать, когда я осужден?
Да, я хотел украсть жену твою, — о боже! —
Бесчестьем запятнать твое хотел я ложе.
Всю кровь, что есть во мне, — пролей ее клинком
И, осушив его, не думай ни о чем.

Донья Соль

Виновна я, не он! Лишь мне готовьте мщенье!

Эрнани

Молчите, донья Соль! Вот лучшее мгновенье.
Оно мое, мое! Нельзя его отнять.
Я должен герцогу здесь многое сказать.
О герцог, в смертный, час я клятвою старинной
Клянусь: виновен я, а донья Соль невинна.
Вот все. Виновен я, она чиста! Ты б мог
Вернуть доверье ей, мне — в грудь вонзить клинок.
Да, можешь бросить ты в дверях мол труп кровавый
И вымыть пол. Пусть так! Ведь ты имеешь право.

Донья Соль

Ах, я всему виной. Люблю его...

Дон Руй Гомес, вздрогнув, оборачивается и вперяет в донью Соль ужасающий взгляд. Она бросается к его ногам.

Он мой!
Да, я люблю его.

Дон Руй Гомес

Вы любите?

(К Эрнани)

Постой!

Звук рожков за сценой. Входит паж.

Что там за шум?

Паж

Сеньор, то сам король с толпою
Несметною стрелков, при нем герольд с трубою.

Донья Соль

Король! Удар судьбы!

Паж

(герцогу)

Спросил он, почему
Ворота заперты.

Дон Руй Гомес

Король? Открыть ему!

Паж, поклонившись, уходит.

Донья Соль

Погиб он!

Дон Руй Гомес подходит к раме одного из портретов — своего собственного, который висит с края налево, и нажимает пружину. Портрет поворачивается, как дверь, и обнаруживает тайник, находящийся за ним в стене. Затем герцог оборачивается к Эрнани.

Дон Руй Гомес

Спрячься здесь скорей.

Эрнани

Моей судьбою
Теперь владеешь ты. И этой головою.
Я пленник твой.

(Входит в тайник.)

Дон Руй Гомес снова нажимает пружину, и портрет возвращается на прежнее место.

Донья Соль

Молю за жизнь его, сеньор!

Паж

(входя)

Его величество король!

Донья Соль быстро опускает вуаль. Двери распахиваются настежь. Входит дон Карлос в военном наряде, сопровождаемый толпою дворян, вооруженных, как и он. За ними солдаты с протазанами, аркебузами и арбалетами.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дон Руй Гомес, донья Соль под вуалью, дон Карлос, свита.

Дон Карлос приближается медленными шагами; левая рука его на эфесе шпаги, правая — на груди. Он устремляет на старого герцога взгляд, полный подозрения и гнева. Герцог идет к нему навстречу и приветствует его глубоким поклоном. Молчание. Все ждут, охваченные ужасом. Наконец король, подойдя вплотную к герцогу, быстро поднимает голову.

Дон Карлос

С каких же пор,
Кузен мой, вход сюда ты держишь загражденным?
Клянусь, давно считал я меч твой притупленным
И в час, когда к тебе я шел, не ожидал
Найти в руках твоих сверкающий кинжал!
Дон Руй Гомес хочет говорить; король продолжает, сделав повелительный жест.
Не странно ли гореть столь юношеским пылом?
В тюрбанах, что ли, мы? Зовусь я Боабдилом
Иль Магометом, да? Зачем, скажи мне, ты
Решетку опустил и поднял все мосты?

Дон Руй Гомес

(склоняясь перед ним)

Сеньор...

Дон Карлос

(дворянам)

Забрав ключи, займите все проходы!

Два офицера уходят. Другие устанавливают солдат в три ряда от короля до главного входа. Дон Карлос оборачивается к герцогу.

А! Воскресили вы былых восстаний годы?
Так, герцог мой, себя ведете вы со мной?
Ну что ж, я как король ответ вам дам прямой.
Я горы перейду и сам, закован в латы,
Дворянство задушу средь гнезд его зубчатых.

Дон Руй Гомес

(выпрямляясь)

Король, тебе верны все Сильва...

Дон Карлос

(прерывая его)

Что хитрить?
Ответь, иль башни я велю — все десять — срыть.

Костер погашен — да, но искра догорает.
Бандиты умерли — вождь жив. Его скрывает
Де Сильва, герцог мой. Эрнани, дерзкий вор,
Мятежник, — у тебя, здесь, в замке?

Дон Руй Гомес

О сеньор,
То правда.

Дон Карлос

Хорошо. И головой своею
Ответит он иль ты!

Дон Руй Гомес

Я возражать не смею.
Пусть будет так.

Донья Соль закрывает лицо руками и падает в кресло.

Дон Карлос

(смягчен)

Готов на жертву ты? Вперед!
Ищите пленника.

Герцог, скрестив руки, опускает голову и некоторое время остается погруженным в раздумье. Король и донья Соль молча наблюдают за ним, обуреваемые противоположными чувствами. Наконец герцог поднимает голову, идет к королю и, взяв за руку, медленными шагами подводит его к самому древнему из портретов, которым начинается их ряд, справа от зрителя.

Дон Руй Гомес

(показывая королю на старый портрет)

Из рода Сильва вот —
Старейший, пращур мой, герой, большое имя.
Дон Сильвий, тот, что был три раза консул в Риме.

(Переходя к следующему портрету.)

Вот здесь дон Гальсеран де Сильва — Сид второй!
В соборе Торо он, в гробнице золотой;
Средь тысячи свечей горит над ним корона.
От подати в сто дев он спас народ Леона.

(Идет дальше.)

Дон Блас, что сам себя изгнал во цвете лет
За то, что королю неправый дал совет.

(Идет дальше.)

Кристобаль. В битвы час, когда под Эскалоной
Дон Санчо, наш король, чей шлем, столь опе-
ренный,
Приманкой был врагам, сказал: «Спаси меня!»
—
Он шлем его надел и дал ему коня.

(Идет дальше.)

Дон Хорхе. Выкупил когда-то из неволи
Рамиро-короля.

Дон Карлос

(скрестив руки, оглядывает его с головы до ног)

Дивлюсь я вам все боле,
Дон Руй!

Дон Руй Гомес

(идет дальше)

Вот Гомес Руй. В делах он вознесен.

Сант-Яго был магистр и Калатравы[20] он.
Кто тяжесть вынес бы его вооружений?
Он триста взял знамен, он триста вел сражений.
Он трону подарил Монтриль, Хаэн, Суэц
И умер в нищете. Склонитесь, наконец!

(Отвешивает поклон.)

Король слушает его с возрастающим нетерпением и гневом.

Хиль, сын его, с душой и верной и суровой:
Всех королевских слов его надежней слово.

(Идет дальше.)

Гаспар! Мендосы кровь и Сильвы слились в нем.
Со всем дворянством мы соседствуем родством.
Страшась нас, Сандоваль не раз роднился с нами;
Манрике, Лара нам завидуют веками,
И враг наш Аленкастр. Наш род пятой своей

---

[20] Примечания: 20

Сант-Яго был магистр и Калатравы... — Сант-Яго и Калатрава — два рыцарских ордена, основанных в XII веке в Испании преимущественно для борьбы с маврами.

Уперся в герцогов, главою — в королей.

Дон Карлос

Вы насмехаетесь...

Дон Руй Гомес

(переходя к следующим портретам)

Дон Васкес, прозван — «Умный».
Дон Хайме — «Сильный»; тот, что в храбрости безумной
Замета с маврами сдержал своей рукой.
Но я иду к другим, и лучшим.

(Заметив гневный жест короля, пропускает ряд портретов и переходит к трем последним, слева от зрителей.)

Прадед мой!
Жил шесть десятков лет, держать умея слово,
Хотя бы дал жиду...

(Подходит к предпоследнему.)

Вот старика седого
Портрет — то мой отец. Герой последний он.
Когда был маврами захвачен граф Хирон,
Шестьсот взяв воинов, отважный и суровый,
Он поскакал вослед, чтоб с друга сбить оковы.
Из камня изваять Хирона он велел

И взял его с собой и средь враждебных стрел
Клялся не отступать, покуда этот камень
Чела не отвратит, не дрогнет пред врагами.
Он бился, победил, из плена друга спас.

Дон Карлос

Мой пленник!

Дон Руй Гомес

С ним наш род высокий не угас.
Все скажут: «Вот они, герои поколений,
Де Сильва, храбрецы!»

Дон Карлос

Скорее! Где мой пленник?

Дон Руй Гомес низко склоняется перед королем, берет его за руку и подводит к последнему портрету, который служит дверью в тайник, где скрыт Эрнани. Донья Соль следит за герцогом взором, исполненным тревоги. Присутствующие молча ждут.

Дон Руй Гомес

Вот мой портрет. Король, благодарю вас. Вы
Хотите, чтоб он стал посмешищем молвы?
«Изменник был рожден высокою семьею,

И гостя своего он продал с головою!»

Радость доньи Соль. Движение среди присутствующих. Король удаляется в гневе. Он вдруг останавливается и несколько мгновений остается погруженным в молчание: губы его дрожат, взгляд пылает.

Дон Карлос

Твой замок гнусен мне, и он пойдет на слом!

Дон Руй Гомес

Но буду я за все вознагражден потом.

Дон Карлос

Велю я башни срыть в знак королевской мести,
И станет конопля расти на этом месте.

Дон Руй Гомес

Пусть лучше коноплей покроется оно,
Чем мне на имени своем носить пятно.

(К портретам)

Не правда ль, предки?

Дон Карлос

Ты ответить головою
Мне, герцог, обещал...

Дон Руй Гомес

Иль той, или другою.

(К портретам)

Не правда ль, предки?

(Показывая на свою голову)

Вот вам голова моя.

(Королю)

Возьмите!

Дон Карлос

Хорошо. Но все ж обманут я.
Мне нужно голову иную, молодую,
Чтоб мертвой взять ее за кудри. А такую?..
Палач напрасно бы волос на ней искал:
Для пятерни его ты слишком гладок стал.

Дон Руй Гомес

Молчите, о король! Честь ею не забыта.
Она ценней для вас, чем голова бандита.
Вам Сильва не нужны? С каких же это пор?

Дон Карлос

Отдай Эрнани нам!

Дон Руй Гомес

По совести, сеньор,
Нет!

Дон Карлос

(свите)

Обыщите все! Все башни, закоулки,
Подвалы, погреба.

Дон Руй Гомес

Но камень замка гулкий
Надежен, как я сам. И нам двоим позволь
Ту тайну ото всех хранить.

Дон Карлос

Я твой король!

Дон Руй Гомес

Пусть станет замок мой добычей разрушенья,
—
Я смерть в нем обрету, но не скажу.

Дон Карлос

Моленья
Напрасны. Где бандит? Ты хочешь, чтоб отнял

Я голову твою и замок?

Дон Руй Гомес

Я сказал.

Дон Карлос

Мне не одна уже нужна теперь, а обе.

(К герцогу Алькала)

Возьмите герцога!

Донья Соль

(сорвав с себя вуаль, бросается между королем, герцогом и стражей)

Король, в столь дикой злобе
Вы отвратительны!

Дон Карлос

Что вижу? Донья Соль?

Донья Соль

Нет, не испанское в вас сердце, мой король.

Дон Карлос

(смущен)

Не слишком ли сейчас вы к королю суровы?

(Приближается к донье Соль, тихо)

Сюда я из-за вас пришел, на все готовый.
От вас один мне путь — иль в ад, иль к небесам.
Когда не любят нас, легко стать злыми нам!
Когда бы только взор ко мне вы устремили,
Великим бы я стал, я стал бы львом Кастильи!
Но в тигра превратил меня ваш дерзкий гнев:
Молчите — это тигр ревет, рассвирепев.

Донья Соль бросает на него взгляд. Он отвешивает поклон.

Но все ж покорен я!

(Обращаясь к герцогу)

Тебя, кузен, я знаю;
Велений чести я в тебе не отвергаю.
Будь верен гостю ты, неверен королю.
Я лучше: я тебе прощение дарю.
Невесту только я возьму себе залогом.

Дон Руй Гомес

Да? Только?

Донья Соль

(поражена)

Как, меня?

Дон Карлос

Да, вас!

Дон Руй Гомес

Ну что ж, не много!
Вот милость высшая! Вот благородства путь!
Он голову щадит, но мне терзает грудь.
Прощенье!

Дон Карлос

Выбирай меж нею и злодеем.
Одно из двух.

Дон Руй Гомес

Король, мы возражать не смеем.

Дон Карлос приближается к донье Соль и хочет ее увести с собой. Она ищет защиты у дона Руй Гомеса.

Донья Соль

Спасите, о сеньор!

(Останавливается, про себя)

Ах, как несчастна я!
Кровь дяди, кровь его... Нет, может быть, моя!

(Королю)

Иду за вами вслед.

Дон Карлос

(про себя)

Да, мысль была прекрасна!
И прекословить мне она уже не властна!

Донья Соль медленными и твердыми шагами подходит к ларцу, где спрятаны ее драгоценности, открывает, берет оттуда кинжал и прячет его у себя на груди. Дон Карлос подходит к ней и предлагает ей руку.

Дон Карлос

(донье Соль)

Что взяли вы?

Донья Соль

Пустяк.

Дон Карлос

Кольцо или браслет?

Донья Соль

Да.

Дон Карлос

(улыбаясь)

Я узнаю.

Донья Соль

Да.

(Подает ему руку и хочет идти за ним.)

Дон Руй Гомес был, по-видимому, погружен в свои мысли, но тут он оборачивается и делает несколько шагов.

Дон Руй Гомес

Земля! Небесный свет!

Как бессердечен он, властитель мой надменный!

На помощь! Рушьте всё! Рассыпьтесь прахом, стены!

(Подбегает к королю.)

Оставьте мне ее! Я ею жив одной!

Дон Карлос

(отпускает руку доньи Соль)

Так выдай пленника!

Герцог опускает голову, словно во власти мучительной нерешительности; затем поднимает взор к портретам и простирает к ним руки.

Дон Руй Гомес

О, сжальтесь надо мной!

(Делает шаг к тайнику.)

Донья Соль следит за ним тревожным взглядом. Он обращается к портретам.

И не смотрите так. Я подойти не смею.

(Подходит, шатаясь, к своему портрету, затем еще раз оборачивается к королю.)

Ты хочешь?

Дон Карлос

Да!

Герцог протягивает дрожащую руку к пружине.

Донья Соль

Ах!

Дон Руй Гомес

Нет!

(Бросается на колени перед королем.)

Я жизни не жалею.

Дон Карлос

Ее!

Дон Руй Гомес

(поднимаясь)

Возьми ж ее! Все лучше, чем позор.

Дон Карлос

(берет за руку дрожащую донью Соль)

Прощай.

Дон Руй Гомес

Мы свидимся...

(Провожает взглядом короля, — тот медленно уходит с доньей Соль; затем кладет руку на рукоять своего кинжала.)

Храни вас бог, сеньор!

(Возвращается на авансцену, задыха-

ясь, ничего не видя и не слыша. Взор его устремлен в пространство, руки скрещены на вздымающейся груди.)

Король уходит с доньей Соль, и вся свита следует за ним, попарно, торжественно, каждый соответственно своему рангу. Выходящие вельможи обмениваются тихими словами.

Дон Руй Гомес

(в сторону)

Король, уходишь ты, лицо твое сияет,
И верность грудь мою отныне покидает.

(Поднимает глаза, оглядывается по сторонам и видит, что остался один. Подбегает к стене, снимает две висящие там шпаги, сравнивает их длину и кладет на стол. Возвращается к портрету и нажимает пружину. Тайник открывается.)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дон Руй Гомес, Эрнани.

Дон Руй Гомес

Ну!

Эрнани появляется в дверях тайника. Дон Руй Гомес указывает ему на две шпаги, лежащие на столе.

Выбирай! Король уже покинул дом,
Пора с тобою нам поговорить вдвоем.
Бери! И поскорей! Иль взять рука страшится?

Эрнани

Дуэль? Нет, не могу, старик, с тобою биться.

Дон Руй Гомес

Вот как? Боишься ты? Не ровня мне? Мой бог!
Что в том? Противника, с клинком скрестив клинок,
Я равным делаю, весь гневом пламенея.

Эрнани

Старик...

Дон Руй Гомес

Убей меня иль сам умри скорее!

Эрнани

Умру. Ты спас меня — и жизнь свою, мой враг,
Я отдаю тебе. Возьми ее.

Дон Руй Гомес

Ах, так?

(К портретам)

Он хочет смерти сам.

(К Эрнани)

Молись без промедленья.

Эрнани

Тебе я шлю сейчас последнее моленье!

Дон Руй Гомес

Шли небу.

Эрнани

Нет, тебе! Я жизнь тебе отдал.
Рази! Все хорошо — меч, шпага иль кинжал!
Но сжалься над душой несчастною моею, —
Пред тем как я умру, дай повидаться с нею!

Дон Руй Гомес

С ней повидаться?

Эрнани

Да, услышать в смертный час
Хоть голос доньи Соль — увы, в последний раз!

Дон Руй Гомес

Ее услышать?

Эрнани

Да. Ревнуешь ты, я знаю.
Послушай, жизнь моя уже подходит к краю.
Прости. Когда нельзя увидеть мне ее,
Услышать дай, — и я уйду в небытие.
Лишь голос услыхать! Пойми мое желанье.
С какою радостью я испущу дыханье,
Когда моя душа, которой жизни нет,
Ее души в очах увидит нежный свет.
Ни слова не скажу я, верь, твоей невесте.
Убей меня потом.

Дон Руй Гомес

(показывая на тайник с еще открытой дверью)

О небо! В этом месте,
Которое всегда так глухо, так мертво,
Ужель не слышал ты?..

Эрнани

Не слышал ничего.

Дон Руй Гомес

Тебя или ее хотел взять тот, кто губит...

Эрнани

Кто ж взял ее?

Дон Руй Гомес

Король.

Эрнани

Старик, ее он любит!

Дон Руй Гомес

Как!

Эрнани

Он ее увез. Он — враг и нам и ей.

Дон Руй Гомес

Проклятие! Вперед! Вассалы! На коней!
В погоню!

Эрнани

Хочешь ты догнать скорей злодея?
Но юности рука найдет его вернее.
Я твой. Я отдал жизнь тебе, старик. Позволь

Отмстить за честь твою, отмстить за донью Соль.
Есть право у меня делить твое отмщенье —
У ног твоих молю на это разрешенья.
Поскачем вслед за ним. Я — твой и меч и нож.
Дай мстить мне за тебя. Потом меня убьешь.

Дон Руй Гомес

Потом что захочу я сделаю с тобою?

Эрнани

Да!

Дон Руй Гомес

Чем клянешься ты?

Эрнани

Отцовской головою.

Дон Руй Гомес

А вспомнить это все захочешь ли ты сам?

Эрнани

(протягивая ему рог, который висел у него за поясом)

Послушай, вот мой рог. Что б ни предстало нам,

Когда б ты ни решил, в каком бы ни был месте,
Раз день уже настал для этой страшной мести,
Для гибели моей — труби в мой рог тотчас.
Я твой.

Дон Руй Гомес

(протягивает ему руку)

Дай руку мне.

Обмениваются рукопожатием.

(Обращаясь к портретам)

Все слышали вы нас!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ГРОБНИЦА

Ахен

Подземелье гробницы Карла Великого в Ахене. Высокие ломбардские своды. Широкие и низкие колонны с романскими арками и капителями из цветов и птиц. Направо гробница Карла Великого с полукруглой бронзовой дверцей. Единственный светильник, подвешенный к замку свода, освещает надпись: «KAROLUS MAGNUS». Ночь. Глубины подземелья не видно. Взор теряется в сводах, лестницах, колоннах, тонущих во мраке.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Карлос; дон Рикардо де Рохас, граф де Касапальма, с фонарем в руке. Длинные плащи, шляпы с опущенными полями.

Дон Рикардо

(со шляпой в руке)

Здесь!

Дон Карлос

Лиги сборища проходят в этом месте!

Здесь всех их в кулаке держать я буду вместе.

Что ж, трирский выборщик, в пещере столь глухой

Ты место лиге дал? Удачен выбор твой!

Всем гнусным замыслам нужны свои подвалы;

Над плитами всегда легко точить кинжалы.

Большая ждет игра. В ней ставка — жизнь моя.[21]

Убийцы! Чья возьмет — еще не знаю я.

Для дела гнусного под кровом черной ночи

Прекрасно выбран склеп. Вам — к смерти путь короче.

(Дону Рикардо)

Далеко ли идет подземный этот ход?

Дон Рикардо

До самой крепости.

Дон Карлос

Нам, кажется, везет.

---

[21] Примечания: 21

В ней ставка — жизнь моя. — Намерение участников Лиги убить Карла I — вымысел Гюго.

Дон Рикардо

С другой же стороны примкнул он к церкви старой, —
Зовется Альтенгейм.

Дон Карлос

Рудольф убил Лотара
В том месте... Лиги цель должна мне быть ясна.
Какие у тебя есть в списке имена?

Дон Рикардо

Есть Гота.

Дон Карлос

Знаю я, о чем он так хлопочет:
Он императором германца видеть хочет.

Дон Рикардо

И Гогенбург.

Дон Карлос

А он — клянусь своей душой! —
С Франциском хочет ад, отвергнув рай со мной!

Дон Рикардо

Дон Хиль Тельес Хирон.

Дон Карлос

Кастилия и Дева!..
Изменник! Моего не избежит он гнева!

Дон Рикардо

Есть слух, что у жены застал вас как-то он
В тот день, когда он сам испанский стал барон.
Чтоб отомстить за честь, собрал он всю отвагу.

Дон Карлос

И на Испанию не медля поднял шпагу...
Кто в списке есть еще?

Дон Рикардо

С другими занесен
Епископ Васкес. Там один из первых он.

Дон Карлос

Что ж, тоже за жену он захотел отмщенья?

Дон Рикардо

Есть Лара, дон Гусман; он жаждал награжденья —
Был вами обойден.

Дон Карлос

Цепь знака моего

На горло хочет он? Дадим ему его.

Дон Рикардо

Есть герцог Люцельбург. Он грезит дни и ночи...

Дон Карлос

Его столь длинный рост мы сделаем короче.

Дон Рикардо

Есть Аро — хочет он Асторгу.

Дон Карлос

Сто чертей!
Все Аро делались добычей палачей!

Дон Рикардо

Все.

Дон Карлос

Тут недостает... Граф, перечти скорее,
Ты семь голов назвал. Мой счет куда полнее.

Дон Рикардо

Я только купленных бандитов не назвал
Из Трира, Франции...

Дон Карлос

Бродяги, чей кинжал,
Готовый засверкать столь мстительно и колко,
Влечется к золоту, как к полюсу иголка!

Дон Рикардо

Но двое новых есть; отвага в них видна
И дерзость: молодой и старый.

Дон Карлос

Имена?

Дон Рикардо недоуменно пожимает плечами.

А возраст?

Дон Рикардо

Двадцать лет тому, кто юн.

Дон Карлос

О боже!

Дон Рикардо

А старцу — шестьдесят.

Дон Карлос

Один еще не дожил,
Другой свой прожил век. Ну что же? Я хочу
Помочь обязанность исполнить палачу.

Изменников щадить не хочет меч мой правый:
Всегда на смену он придет секире ржавой.
Он императорский мой пурпур отсечет,
Чтоб пышной мантией украсить эшафот.
Но буду ль избран я?

Дон Рикардо

Совет свое сужденье
Выносит в этот час.

Дон Карлос

Я полн недоуменья.
Франциск ли, Фридрих ли Саксонский, что лукав
И прозван Мудрецом? Пожалуй, Лютер прав:
Все к худшему идет. О делатели славы!
Лишь злата доводы ваш любит род лукавый!
Саксонец — еретик, граф Палатинский глуп,
А примас[22] Трира зол и на разврат не скуп.
Богемец — за меня и гессенские принцы;
Но все они малы, как земли их провинций.
О, молодых глупцов и старцев злых совет!
Короны? Много их. Но головы? Их нет.
Пигмеи! Ваш совет, где мудрость вся иссякла,

---

[22] Примечания: 22

Примас — почетный титул некоторых архиепископов, имевших особый авторитет и права.

Я мог бы завязать в свой львиный плащ Геракла!

А если пурпур снять, то в каждом короле
Не больше разума, чем в жалком Трибуле.[23]

Три голоса нужны мне, друг мой! Как приманку,
Я отдал бы свой Гент, Толедо, Саламанку
За три их голоса. Ты видишь, друг, готов
Я ради этих трех, мне нужных, голосов
Дать часть из Фландрии, одну из двух Кастилий, —
Но только чтоб назад мы их потом отбили!

Дон Рикардо отвешивает королю глубокий поклон и надевает шляпу.

Как! Шляпу ты надел?

Дон Рикардо

Я назван был на ты[24] —

(снова кланяясь)

---

[23] Примечания: 23

Трибуле — см. примечания к драме «Король забавляется».

[24] Примечания: 24

Я назван был на ты. — Обращение на «ты» со стороны короля, как выражение особой близости, было исключительной привилегией грандов Испании, так же как право находиться в присутствии короля с покрытой головой.

Я стал испанский гранд.

Дон Карлос

(в сторону)

О жалкие мечты!
Тщеславье, пустота! Продажные отродья!
Им все бы выгода, грядущие угодья!
На лестницах моих не стоит ничего
Им крошки подбирать величья моего!

(Задумывается.)

Бог, император? Да. Святой отец? Признаю.
Но герцог?.. Но король какой-то?..

Дон Рикардо

Полагаю,
Что вашу светлость ждет избранье.

Дон Карлос

(в сторону)

Светлость — я?
Мне не везет ни в чем. Всё в сане короля.

Дон Рикардо

(в сторону)

Он избран или нет — я все же гранд испан-

ский.

Дон Карлос

Но как узнаем мы, кто властелин германский?
Каких сигналов ждать нам с башенных вершин?

Дон Рикардо

Ждать пушечной пальбы. Саксонский — залп один;
Два выстрела — Франциск; три — Карлоса избранье.

Дон Карлос

О, эта донья Соль! Души моей страданье!
Коль изберут меня — скажите ей скорей.
Быть может, цезарем и я понравлюсь ей!

Дон Рикардо

(улыбаясь)

Король, вы так добры!

Дон Карлос

(надменно его обрывая)

А ты молчи до срока!
Я не сказал того, что я таю глубоко. —

Когда узнаем мы решенье?

Дон Рикардо

До зари;
Ждать час, не более.

Дон Карлос

Три голоса! Лишь три!
Но дерзкий заговор раздавим мы сначала,
А там решим, как мне та мантия пристала.

(Считает по пальцам и топает ногой.)

Три голоса нужны! И есть они у них!
Агриппа все расчел. Среди светил ночных
Тринадцать ярких звезд в небесном океане
Плывут к моей звезде, ей радуясь заране.
Имперский трон за мной!.. Слух все же разнесен:
Франциску Жан Тритем предрек такой же трон.
О, я бы предпочел, коль впрямь я трона стою,
Оружьем подкрепить пророчество такое!
Все предсказания столь тонких мудрецов
Верней находят цель без всяких лишних слов,
Лишь только армия, где пушки есть и пики,
Пехота, всадники, фанфары, трубы, клики,
Указывает путь хромающей судьбе

И бабкой служит ей в предродовой борьбе.
Так кто же прав из них: Тритем или Корнелий?[25]
Лишь тот, кто с армией идет упорно к цели,
Кто правоту свою оружием крепит,
Кому помочь готов ландскнехт или бандит, —
Вот те, что выпрямить должны ошибки рока,
Кроя события по прихоти пророка.
Несчастные глупцы! Надменно взор подняв,
Стремясь к владычеству, они твердят: я прав!
У них есть пушек строй, чье дымное дыханье
Способно города снести до основанья,
Солдаты, корабли, — и вы убеждены:
Они свое возьмут насилием войны.
О нет! Покорные земных судеб закону,
Что к пропасти скорей приводит нас, чем к трону,
Они, чуть сделав шаг, сомнения рабы,
Пытаясь разгадать намеренья судьбы,
Не верят уж себе и в странном колебанье
Искать у колдуна стремятся указанья!

(Дону Риккардо.)

---

[25] Примечания: 25

Тритем, или Тритемий (ум. в 1516 г.) — немецкий историк и богослов, занимавшийся также магией. *Корнелий* — Корнелий Агриппа из Неттесгейма (ум. в 1535 г.) — немецкий алхимик, натурфилософ и медик.

Иди. Моих врагов сейчас назначен сбор.
Да, ключ от склепа где?

Дон Рикардо

(передавая ключ королю)

Подумайте, сеньор,
О графе Лимбургском, начальнике охраны.
Он дал мне этот ключ, он ваш сторонник рьяный.

Дон Карлос

(отпуская его)

Иди же, сделай все, что сказано.

Дон Рикардо

(кланяясь)

Всегда
Готов я вам служить.

Дон Карлос

Три раза выстрел? Да?

Дон Рикардо кланяется и уходит. Дон Карлос, оставшись один, погружается в глубокую задумчивость. Руки его скрещены на груди, голова опущена; затем он выпрямляется и подходит к гробнице.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дон Карлос

(один)

Прости, великий Карл! Средь сводов одиноких
Есть место лишь для слов суровых и высоких.
С негодованием ты б слушал над собой
Докучных наших фраз честолюбивый строй...
Великий Карл, ты здесь! Как мрачная гробница,
Величием твоим полна, не разлетится?
Ты в самом деле здесь, привыкший созидать!
О, как ты можешь здесь во весь свой рост лежать?
Какое зрелище — Европа, что тобою
Оставлена такой могучей и большою!
Она — как здание, где наверху стоят
Лишь два избранника, царей поправших ряд.

Все страны, герцогства, все царства, маркизаты
Идут из рода в род и по наследству взяты.
Народ же цезаря творит и папу сам,
А случай к случаю ведет их по векам.
Вот равновесие, вот что порядком стало.
Плащ избирателя и пурпур кардинала,
Священный сей синклит, причина всех тревог, —
Лишь видимость одна, а миром правит бог.
В потребности времен рождается идея:
Она растет, живет, все строя, всем владея,
Вот — человек она, сердца к себе влечет,
И в страхе короли ей зажимают рот;
Вот — входит в их конклав, сенат или собранье,
И видят короли — не знавшая признанья,
Она царит уже, она растет во мгле
С державою в руке, с тиарой на челе.
Да, цезарь с папой — все. Да, все, что есть на свете, —
Иль в них, иль через них. И в полном тайны свете
Стоят они; и бог, по милости своей,
Обрек их пиршеству народы и царей,
За стол их усадил под полным грома небом,
Чтоб целый мир служить им мог насущным

хлебом.

Вдвоем сидят они; в их власти шар земной,
Они порядок в нем блюдут своей косой.
Все — им. И короли в дверях, полны смущенья,
Вдыхают запах блюд, глядят на угощенья
И, зависти полны к тому, что видят тут,
Чтоб лучше разглядеть, на цыпочки встают.
Под ними мир лежит, как лестница крутая.
Один царит, рубя, другой — лишь разрешая.
Власть — первый, истина — второй. И заключен
Смысл жизни только в них. Они — себе закон.
Когда идут — равны, едины в мире целом,
Один весь в пурпуре, другой в покрове белом.
Так цезарь с папою — две части божества, —
Со страхом шар земной приемлет их права,
Быть императором! Как близко чую власть я!..
А вдруг не суждено мне стать им? О несчастье!
Да, как он счастлив был, здесь спящий человек!
И как он был велик — в прекрасный давний век!
Власть императора и папы нерушима.
Они превыше всех. Живут в них оба Рима.[26]

---

[26] Примечания: 26

Они превыше всех, живут в них оба Рима — то есть могущество античного императорского Рима и нового папского Рима.

Таинственный союз их вяжет меж собой;
Они слепили мир и стали в нем душой.
Народы и царей расплавив, как в горниле,
Европу новую они для нас отлили,
Прибавив в этот сплав могуществом своим
Ту бронзу, что векам оставил древний Рим.
Завидная судьба!.. И все ж — конец, могила!
К какой же малости пришла вся эта сила!
Быть императором, быть принцем, королем,
Законом быть земли и быть ее мечом,
В Германии стоять гигантом, слыша клики,
Быть новым Цезарем, быть Карлом, быть Великим,
Страшнее Аттилы, славней, чем Ганнибал,
Огромным, словно мир, — чтоб здесь ты прахом стал!
Желай могущества, чтоб лечь таким же прахом,
Как император лег! Покрой всю землю страхом
И славой, строй, крепи свой мир в избытке сил,
Но не мечтай сказать: «Я все уже свершил!»
Ввысь здание веди своими же руками;
Но знай, что от него останется лишь камень
Могильный с надписью, завещанной векам,
Чтобы дитя ее читало по складам.
Как ни прекрасна цель, живет в вас гордость

злая, —
Она уходит в смерть. О власть, власть мировая!
Уже я близок к ней. Ее касаюсь я,
И что-то шепчет мне: «Она уже твоя!»
Ах, если б было так! Встать твердо, без сомнений,
Над миром государств, идущих как ступени,
И своду быть замком, и видеть под собой
Земных властителей вниз уходящий строй;
Пятою попирать всех королей, под ними
Всех феодалов, всех, кто гордо носит имя
Бургграфа, герцога иль дожа, кто почтен
Епископским жезлом, кто граф или барон,
А ниже — мелюзгу, плебеев в общей груде,
Тех там, на дне, кого зовем мы просто «люди»...
А люди — это толп дыханье, моря вой,
Немолчный гул, и плач, крик, горький смех порой,
Стенания, что сон земли тревожат старой
И в уши королей врываются фанфарой;
Да, люди — города, деревни, башен ряд
И с высоты церквей растущий вширь набат.

(Задумывается.)

Опора нации, народ, терпя обиды,
Выносит на плечах всю тяжесть пирамиды;

Живые волны сам, колеблет средь зыбей
Ее величие подвижностью своей,
Сдвигает с места все; на гранях вознесенных,
Как жалкую скамью, так потрясает троны,
Что короли, забыв раздоры, войн каприз,
Вздымают к небу взор. Смотрите лучше вниз!..
Народ!.. То океан. Всечасное волненье:
Брось что-нибудь в него — и все придет в движенье.
Баюкает гроба и рушит троны он,
И редко в нем король прекрасным отражен.
Ведь если заглянуть поглубже в те потемки, —
Увидишь не одной империи обломки,
Кладбище кораблей, опущенных во тьму
И больше никогда не ведомых ему...
И этим управлять! Коль выпадет избранье,
Ты, слабый человек, высот достигнешь зданья.
А пропасть — под ногой... О, только б в этот час
Величием таким не ослепило глаз!
О пирамида стен, внизу которой море!
Вершина так узка, ступне неверной — горе!
За что ж держаться мне? Что если, ослабев,
Услышу под собой земли растущий гнев,
Ее живущих недр движенье, содроганье?
Что делать, коль дадут мне шар тот в обладанье?

Смогу ль его поднять? Под тяжестью не пасть?
Быть императором? И так трудна мне власть...
Нет, нужно быть иным, чтоб, не смутясь душою,
Свой дух соразмерять с удачею такою.
Но я? Великим быть? О, кто мои мечты
Направит, укрепит?

(Падает на колени перед гробницей.)

Да, Карл Великий, ты!
О, так как ты решил, наперекор преградам,
Что мы сейчас стоять должны с тобою рядом,
Наполни грудь мою, из сумрака могил,
Величием своим, порывом гордых сил!
Дай мир постигнуть мне, но с зоркостью своею.
Он мал, но я его коснуться все ж не смею.
Столпотворения мне покажи черед,
Что ввысь от пастуха до цезаря идет,
Где каждый горд собой на собственной ступени,
Глядит на низшего в насмешливом презреньи.
Открой мне тайну жить, царить и побеждать!
Скажи, что лучше гнать врагов, чем их прощать.
Ведь так? Коль может вдруг во тьме своей гроб-

ницы
Героя тень от гроз подземных пробудиться
И, камень отвалив, что ей налег на грудь,
Огромной молнией в смятенный мир сверкнуть, —
Когда уж нет тебя, Германии владыки, —
Скажи, возможно ль что свершить мне, Карл Великий?
Скажи, хотя б твое дыхание могло,
Сорвавши гроба дверь, разбить мое чело!
Позволь мне одному в твой склеп стопой несмелой
Войти и увидать твой лик окаменелый.
Не отметай меня дыханием своим;
На ложе каменном привстань. Поговорим!
Хотя бы ты сказал и голосом и взглядом
О том, что душу нам мертвит могильным хладом, —
Я выслушаю все, — лишь не слепи меня
Сверканьем вечного в твоей могиле дня!
Но если промолчишь, позволь тогда смиренно
Взирать на череп твой, вместилище вселенной.
Позволь измерить мне величие твое —
Всех выше дел земных твое небытие.
Когда не тень твоя, пусть прах мне скажет

слово!

(Вставляет ключ в замок.)

Войдем!

(Колеблется.)

О небо! Вдруг прошепчет он сурово,
Вдруг встанет и пойдет, высокий и прямой,
И выйду я на свет с седою головой!
Но все ж — войдем!

Слышны шаги

Кто там, в гробнице одинокой,
Такого мертвеца тревожит сон глубокий?
И в этот час!

Шаги приближаются.

Ах, да! Меня убить хотят!
Войдем!

(Открывает дверь гробницы и, войдя внутрь, притворяет ее за собой.)

Тихо ступая, входят несколько человек, закутанных в плащи, в шляпах, опущенных на глаза.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Заговорщики.

Они входят один за другим, пожимают друг другу руки и обмениваются шепотом несколькими словами.

Первый

(с зажженным факелом в руке)

Ad augusta.

Второй

Per angusta.[27]

Первый

Хранят
Святые нас!

Третий

---

[27] Примечания: 27
К трону — Узкими путями (*лат.*).

И те, кто мертв.

Первый

И небо даже.

В темноте слышатся шаги.

Второй

Кто там?

Голос во тьме

Ad augusta.

Второй

Per angusta.

Входят новые заговорщики. Опять слышатся шаги.

Первый

На страже
Нам надо быть.

Третий

Кто там?

Голос во тьме

Ad augusta. Я свой.

Третий

Входи скорей.

Входят новые заговорщики. Они обмениваются знаками с присутствующими.

Первый

Ну вот. Все в сборе. Гота, твой
Почин. Друзья мои, тьма просит освещенья.

Заговорщики рассаживаются полукругом на могильных плитах. Первый из них обходит остальных, и каждый от его факела зажигает свечу, которую держит потом перед собой. Затем тот, кто был с факелом, молча садится в середине полукруга на гробницу, которая выше других.

Герцог Гота

(вставая)

Король испанский Карл, нам чуждый по рожденью,
К святой империи стремится.

Первый

Он умрет!

Герцог Гота

(бросает свою свечу на землю и топчет ее ногой)

Такой же для него в свой час конец придет!

Все

Да будет так!

Первый

Смерть!

Герцог Гота

Смерть!

Все

Пусть служит ей приманкой!

Дон Хуан де Аро

Германцем был отец.

Герцог Люцельбургский

А мать была испанкой.

Герцог Гота

Уж не испанец он, не немец он для нас.
Смерть!

Один из заговорщиков

Если же ему имперский трон сейчас
Дадут?

Первый

Они? Ему?

Дон Хиль Тельес Хирон

Он не увидит трона.
Отрубим голову, а с ней падет корона.

Первый

Священный трон заняв, он сделаться бы мог
Священнейшим, кого единый судит бог!

Герцог Гота

Нет, раньше, встретив смерть, простится он с мечтами.

Первый

Его не изберут!

Все

Не будет править нами.

Первый

Так сколько нужно рук, чтоб пал он с тех вер-

шин?

Все

Одна.

Первый

И сколько же ударов в грудь?

Все

Один.

Первый

Кто нанесет его?

Все

Мы все.

Первый

Час воздаянья!
Там трон творят, а мы — свершители закланья.
По жребию...

Заговорщики пишут свои имена на листках, складывают их и один за другим бросают в одну из могильных урн.

Молись!

Все становятся на колени. Затем первый встает.

Пусть с богом он идет, —
Разит, как римлянин, и, как еврей, умрет!
Пусть не страшат его колеса, дыба, клещи,
Пусть гимн поет в тисках средь факелов зловещих;
Убив, пусть встретит смерть недрогнувшей душой, —
Исполнит долг свой.

(Вынимает жребий из урны.)

Все

Кто?

Первый

(громким голосом)

Эрнани!

Эрнани

(выступая вперед из толпы заговорщиков)

Жребий мой!
Мой враг в моих руках. Я мести ждал, о боже,

Так долго!

Дон Руй Гомес

(протискивается сквозь толпу и отводит Эрнани в сторону)

Уступи удар мне.

Эрнани

Он дороже
Мне жизни! И пускай не мучит зависть вас.
Ведь счастие ко мне приходит в первый раз!

Дон Руй Гомес

Ты нищ. Я дам тебе и замки, и владенья,
И тысячи крестьян, и земли, и селенья,
Чтоб ты один удар сейчас мне уступил.

Эрнани

Нет!

Герцог Гота

Для него, старик, не обретешь ты сил.
Ты слаб!

Дон Руй Гомес

Я духом тверд, пусть руки слабы стали.
По ржавчине ножон ты судишь о кинжале.

(К Эрнани)

Ты мне принадлежишь!

Эрнани

Я — вам. Но мне — мой враг.

Дон Руй Гомес

Послушай, друг, твой рог я возвращаю...

Эрнани

(колеблясь)

Как!

Ты возвращаешь жизнь? Нет! Я хочу отмщенья!

То небом решено — и нет мне отступленья.

То мщенье за отца... иль больше — видит бог!

Ее ты мне вернешь?

Дон Руй Гомес

Я возвращаю рог.

Эрнани

Нет!

Дон Руй Гомес

Взвесь мои слова!

Эрнани

Добычу должен взять я.

Дон Руй Гомес

Ты счастье взял мое — прими ж теперь проклятье!

(Снова засовывает рог за пояс.)

Первый

(к Эрнани)

Брат! Прежде, чем его почтут избраньем там,
Ты должен Карлоса сегодня...

Эрнани

Знаю сам!
Его столкнуть смогу я в область тьмы и тлена.

Первый

Пусть на изменника падет его измена,
И бог поможет нам! Пусть каждый граф, барон
Заменит мстителя, коли погибнет он!
Друг друга заменять клянемся без изъятья, —
И Карлос пусть умрет.

Все

(вынимая шпаги)

Клянемся!

Герцог Гота

(к первому)

Чем же, братья?

Дон Руй Гомес

(берет свою шпагу за острие и поднимает ее над головой)

Клянемся все крестом!

Все

(поднимая свои шпаги)

Пусть он в грехе умрет!

Слышен отдаленный пушечный выстрел. Все замирают. Дверь гробницы приоткрывается, и дон Карлос, бледный, появляется на пороге. Второй выстрел. Третий выстрел. Дон Карлос распахивает дверь настежь и остается на пороге.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Заговорщики, дон Карлос; потом дон Рикардо, вельможи и стража; король Богемский, герцог Баварский, потом донья Соль.

Дон Карлос

Сеньоры, что же вы? Вас император ждет.

Все факелы разом гаснут. Глубокое молчание. Король делает шаг в темноту, настолько густую, что в ней с трудом можно различить неподвижных и онемевших заговорщиков.

Молчание и ночь! Вы — мрака порожденье,
Иль думаете вы, что это сновиденье,
Что всех я вас приму среди теней ночных
За изваяния на плитах гробовых?
Нет, камни не ведут такие разговоры.
И все же вам поднять свои придется взоры.
Карл Пятый здесь стоит — разите же скорей!
Как, вы не смеете? Вам и не быть смелей.
Десятком факелов вы своды озаряли;
Мне стоило дохнуть — и все они пропали.
Смотрите, в вашем я испуганном кругу
Их много погасил, но больше их зажгу!

(Ударяет железным ключом в бронзо-

вую дверь склепа.)

При этом звуке все пространство подземелья наполняется солдатами с факелами и алебардами. Впереди герцог Алькала и маркиз де Альмуньян.

Ко мне, о соколы! Здесь и гнездо и птица.

(Заговорщикам.)

Свой свет зажгу и я. Могила озарится.
Смотрите!

(Солдатам.)

Вот сюда. Они в руках у нас.

Эрнани

(глядя на солдат)

Один, без стражи, был он лучше, чем сейчас.
Великим Карлом он встал предо мной сначала,
—
Теперь лишь Пятый Карл.

Дон Карлос

(герцогу Алькала)

Мой коннетабль, Алькала!

(Маркизу Альмуньяну)

Кастильи адмирал! Обезоружьте их!

Заговорщики окружены и обезоружены.

Дон Рикардо

(вбегая, отвешивает поклон до земли)

О император мой!

Дон Карлос

Алькад дворцов моих!

Дон Рикардо

(кланяясь)

Два избирателя, полны благоговенья,
Вам принести свое приходят поздравленье.

Дон Карлос

Впусти их.

(Дону Риккардо, тихо)

Донья Соль!

Рикардо кланяется и уходит. С факелами и фанфарами появляются король Богемский и герцог Баварский, оба в парче, с коронами на головах. Многочисленная свита германских вельмож несет имперское знамя — двуглавый орел с гербом Испании на груди. Солдаты расступаются и, выстроившись шеренгой, дают проход к императору двум избирателям, те склоняются перед ним. Он приветствует их, приподняв шляпу.

Герцог Баварский

Священны вы сейчас,
Карл, император наш! Теперь в руках у вас
Весь мир — и римская священная корона.[28]
Кто б из властителей желал иного трона?
Сначала Фридрих был Саксонский наречен.
Сочтя достойным вас, отрекся тотчас он.
Король, примите же корону и державу!
Империя сейчас венчает вас по праву,

---

[28] Примечания: 28

Весь мир — и римская священная корона... — «Священная Римская империя германской нации» была основана еще в X в., как союз папской и императорской власти при фактическом подчинении папы германскому императору. Последний претендовал на роль «светского главы всего христианского мира», почему его империя и называлась «священной».

Дает порфиру, меч. Вас выше в мире нет.

Дон Карлос

Я, возвратясь, приду благодарить совет.
Кузен Баварский мой, я рад, что ты со мною,
Как, брат Богемский, вам обязан я — не скрою.

Король Богемский

Карл! Дружбой связаны мы были вековой,
Отец — с твоим отцом, и деды меж собой.
Ты юн, ты на пути, всегда враждой объятом, —
Ты хочешь, буду я тебе средь братьев братом?
Я с детства знал тебя и не могу забыть...

Дон Карлос

(прерывая его)

Король Богемии, нельзя ль скромнее быть?

(Протягивает руку для поцелуя сначала ему, потом герцогу Баварскому, затем отпускает обоих избирателей, которые отвешивают ему низкий поклон.)

Идите же!

Оба избирателя уходят вместе со своей свитой.

Толпа

Виват!

Дон Карлос

(в сторону)

Сбылось! Мне трон достался!
Я император, да, раз Фридрих отказался!

Входит донья Соль, сопровождаемая доном Рикардо.

Донья Соль

Здесь император! Он! Что вижу! Жизнь моя, Эрнани!

Эрнани

Донья Соль!

Дон Руй Гомес

(рядом с Эрнани, тихо)

И незамечен я...

Донья Соль бежит к Эрнани. Взглядом, полным недоверия, он заставляет ее отшатнуться.

Эрнани

Сеньора!

Донья Соль

(выхватывая кинжал, спрятанный на груди)

Тот кинжал со мной.

Эрнани

(протягивая ей руки)

О дорогая!

Дон Карлос

Молчите все!

(Заговорщикам)

А, вы притихли, ожидая?
Сейчас большой урок мной будет миру дан.
О Лара, Гота — вы, сыны высоких стран,
Что делали вы здесь?

Эрнани

(делая шаг вперед)

Скажу без колебанья, —
Нам нечего скрывать, не трудно нам признанье.

Мы Валтасаровы слова пришли писать,[29]

(вынимает кинжал и рассекает им воздух)

Дать Кесарю все то, что должно отдавать.

Дон Карлос

Довольно!

(Дону Руй Гомесу)

Сильва, ты?

Дон Руй Гомес

Двоим нам места мало.

Эрнани

(оборачиваясь к заговорщикам)

Власть, наши головы — всё жизнь ему послала.

(Императору.)

Когда-то горностай носили вы с трудом,
Но пурпур к вам идет: кровь не видна на нем.

---

[29] Примечания: 29

Мы Валтасаровы слова пришли писать. — Согласно библейской легенде, последний вавилонский царь Валтасар, осажденный персами в своем дворце, устроил пир, во время которого невидимая рука начертала на стене огненные слова, возвещавшие гибель царя и его царства. В ту же ночь это пророчество исполнилось.

Дон Карлос

(дону Руй Гомесу)

О Сильва, мой кузен, в коварстве неуклонном
Не заслужили вы, чтоб дольше быть бароном!
Вы изменили мне, ваш герб ошибкой дан.

Дон Руй Гомес

Родриго-королем граф создан Хулиан.

Дон Карлос

(герцогу Алькала)

Берите только тех, кто носит чести имя;
А прочих...

Дон Руй Гомес, герцог Люцельбургский, герцог Гота, дон Хуан де Аро, дон Гусман де Лара, дон Тельес Хирон, барон Гогенбург отделяются от группы заговорщиков, среди которых остается Эрнани. По знаку герцога Алькала стража тесно их окружает.

Донья Соль

(в сторону)

Он спасен!

Эрнани

(выступая вперед из группы заговорщиков)

Меня считайте с ними.
Когда взнесен топор, то я, пастух простой,
Могу со знатными равняться здесь виной!
Чтоб быть на уровне секиры, их разящей,
Сейчас во весь свой рост я встану настоящий.
Бог скипетр дал тебе. Меня же сделал он
Сегорбы герцогом, Кардоны; я рожден
Маркизом Монруа и графом Альбатера;
Да, я виконт де Гор — здесь честь моя и вера;
Принц Арагонский я; в изгнанье я рожден,
Сын изгнанный отца, который был казнен
Твоею волею, о Карл, король Кастилий!
Преградой меж собой мы мщенье положили;
У вас был эшафот, у нас стальной кинжал.
Рожденный герцогом, я здесь бандитом стал.
Но так как тщетно я точил о скалы шпагу
И закалял в ручьях своих клинков отвагу, —

(надевает шляпу; другим заговорщикам)

Накройтесь; гранды мы!

Все испанцы надевают шляпы.

(Карлосу.)

С покрытой головой
У нас есть право пасть на плахе пред тобой.

(Пленникам.)

Я, Сильва, Лара, ваш по праву рода, чести, —
Хуан Арагонский я; я, графы, с вами вместе.

(Свите короля и страже.)

Хуан Арагонский я! Король! О палачи,
Расширьте эшафот. Точите все мечи!

(Присоединяется к арестованным вельможам.)

Донья Соль

О небо!

Дон Карлос

Я забыл, что есть вражда меж нами.

Эрнани

Но тот, кто оскорблен, хранит ее годами.
Обида — пусть о ней обидчик позабыл —
В обиженной груди рождает прежний пыл.

Дон Карлос

Но я властитель твой, я сын отцов, что были
Грозой твоим отцам и часто их казнили.

Донья Соль

(бросаясь на колени перед императором)

Прощенье, властелин! Молю вас всей душой!
Пусть с ним умру и я! Возлюбленный он мой,
Супруг мой. Им одним дышу я. Что за муки!
О, если б нас убить могли вы без разлуки!
Я здесь у ваших ног, я умоляю вас!
Как вам империя, мне дорог он сейчас!
Прощенье!

Дон Карлос пристально смотрит на нее.

Что за мысль во взгляде вашем стынет?

Дон Карлос

Что ж! Альбатеры цвет, Сегорбы герцогиня,
Маркиза Монруа, — вставайте, донья Соль!

(К Эрнани.)

Все имена, Хуан?

Эрнани

Кто говорит? Король?

Дон Карлос

Нет, император.

Донья Соль

(поднимаясь)

О!

Дон Карлос

(показывая на нее Эрнани)

Вот, герцог, вам супруга!

Эрнани

(обращая взор к небу, заключает донью Соль в свои объятия)

О небо!

Дон Карлос

(дону Руй Гомесу)

Мой кузен, они любить друг друга
Достойны. Сильвы честь не снизит Арагон.

Дон Руй Гомес

(мрачно)

Не честь моя скорбит.

Эрнани

(глядя с любовью на донью Соль, обнимает ее)

С врагом я примирен!

(Отбрасывает кинжал.)

Дон Руй Гомес

(глядя на обоих, про себя)

Дать волю гневу? Нет! Безумное желанье!
Они лишь оскорбят твой возраст состраданьем.
Сгорай без пламени, от всех страданье скрой,
Будь тверд, чтоб не могли смеяться над тобой!

Донья Соль

(в объятиях Эрнани)

О герцог мой!

Эрнани

В душе — одной любви сиянье.

Донья Соль

О счастье!

Дон Карлос

(положив руку на грудь, про себя)

Погаси, душа, свое пыланье,
Пусть разума теперь царит холодный свет.
Взамен любовных дум, которых больше нет,
Германия со мной, и Гент мой, и Кастилья.

(Устремив взор на свое знамя.)

Я император, я орел, простерший крылья;
В груди своей несу не сердце — щит с гербом.

Эрнани

Вы кесарь!

Дон Карлос

(к Эрнани)

Дон Хуан, достоин ты во всем
Того, чем славен род.

(Показывая на донью Соль.)

И девушки прелестной.
Склонись!

Эрнани преклоняет колена. Дон Карлос, сняв с себя цепь Золотого руна, надевает ее ему на шею.

Прими мой дар.

(Обнажив шпагу, ударяет его три раза по плечу.)

Служи мне, герцог, честно!
Вот званье рыцаря теперь тебе дано!

(Подняв его, заключает в свои объятия.)

С тобой иная цепь, и лучшее Руно,
Какого нет со мной, — пусть я наследник Рима, —
Объятье женщины, что любит и любима.
Ты счастье обретешь, я — лишь имперский трон.

(Заговорщикам.)

Имен не помню я. Месть, ненависть, закон —
Я все хочу забыть. Я всем дарю прощенье!
Вот то, что миру я сказал бы в поученье.
За Карлом Первым, чей был королевский трон,
Карл Пятый следует, и император он.
В глазах Европы всей величество в короне

Не сирота в слезах — империя на троне!

Заговорщики

(падают на колени)

Да здравствует наш Карл!

Дон Руй Гомес

(в сторону)

А мне какая честь?

Дон Карлос

И мне!..

Дон Руй Гомес

Как и ему, мне остается месть!

Эрнани

Кто всех нас изменил?

Все

(солдаты, заговорщики, вельможи)

Дружней поднимем клики
В честь Карла Пятого.

Дон Карлос

(обращаясь к гробнице)

Не я, а Карл Великий!
Оставьте нас вдвоем.

Все уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Карлос

(один, преклоняет колено перед гробницей)

Доволен ли ты мной?
От королевских уз свободен я душой?
Скажи, сумел ли я уйти от жизни старой?
Соединил свой шлем я с римскою тиарой?
На мировую власть имею ль право я?
Уверен ли мой шаг? Пряма ль тропа моя
Средь варварских руин, которую со славой
Ты проложил для нас стопою величавой?
От твоего ль огня я факел засветил?
Твой голос понял ли, встающий из могил?
Ах, я совсем один перед величьем власти.
Я миром окружен, где воют, бьются страсти:
Уплаты ищет Рим, пора смирить датчан,

Франциск, Венеция, там Лютер, Сулейман,[30]
Там тысячи клинков во мраке ждут чего-то,
Ловушки, западни, враги, враги без счета,
Десяток стран, что страх внушают королям.
И этим хаосом я должен править сам!
Я спрашивал тебя: в чем тайна управленья,
С чего начать? И ты ответил мне: «С прощенья!»

---

[30] Примечания: 30

Уплаты ищет Рим, пора смирить датчан, Франциск, Венеция, там Лютер, Сулейман... — Карлу V действительно пришлось, сразу же после избрания его императором, вступить в борьбу с многочисленными противниками — с папой, требовавшим непомерных церковных податей, с Лютером, подрывавшим устои католицизма, и датским королем Христианом II, поддерживавшим протестантизм, с Франциском I — главным его политическим антагонистом в Европе, с Венецией — опаснейшим конкурентом в торговле со странами Средиземноморского бассейна. Борьба Карла V с турецким султаном Сулейманом II относится к более позднему времени.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ
СВАДЬБА

Сарагоса

Терраса Арагонского дворца. В глубине балюстрада лестницы, теряющаяся в саду. Направо и налево двери, выходящие на террасу, которую в глубине сцены замыкает балюстрада с двумя рядами мавританских аркад; сквозь них видны дворцовый парк, фонтаны в тени деревьев, боскеты с блуждающими среди них фонариками, и в глубине — готические и арабские вышки освещенного дворца.

Ночь. Слышны отдаленные фанфары. Маски, домино, рассыпанные тут и там, поодиночке или группами проходят по террасе. На авансцене группа молодых вельмож, с масками в руках, смеется и громко разговаривает.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Санчо де Суньига, граф де Монтерей; дон Матиас Сентурион, маркиз де Альмуньян; дон Рикардо де Рохас, граф де Касапальма; дон Франсиско де Сотомайор, граф де Велалькасар; дон Гарсия Суарес де Карбахаль, граф де Пеньяльвер.

Дон Гарсия

О счастья светлый день! Да здравствует невеста!

Дон Матиас

(смотрит с балкона)

Вся Сарагоса здесь. На улицах нет места.

Дон Гарсия

При свете факелов нет свадьбы веселей,
Нет ночи сладостней, влюбленных нет милей!

Дон Матиас

Всё император наш!

Дон Санчо

Когда в ночном покое
Для хитростей любви с ним вместе шли мы двое,

Кто мог бы нам сказать, чем кончится игра?

Дон Рикардо

(прерывая его)

Я был там.

(Другим.)

Слушайте. Все рассказать пора.
Три сердца пылкие: король, бандит, придворный,
Одною женщиной плененные, упорно
Стремились к ней — и кто ж из них достиг побед?
Бандит!

Дон Франсиско

Но странного, мне кажется, здесь нет.
И счастье и любовь, куда ни кинешь взоры, —
Взлет меченых костей. Выигрывают воры!

Дон Рикардо

Достиг богатства я среди чужих услад.
Сначала граф и гранд, потом в дворце алькад.
Я даром времени не потерял, признаться.

Дон Санчо

Старались королю вы чаще попадаться —

Вот тайна.

Дон Рикардо

Никому не уступал я прав.

Дон Гарсия

И жили вы всегда за счет его забав.

Дон Матиас

А старый герцог где? Ступил на край могилы?

Дон Санчо

Маркиз, не смейтесь так! Он полон гордой силы.
Он донью Соль любил. Он шесть десятков лет
Был черен волосом — и стал за сутки сед.

Дон Гарсия

Но в Сарагосе здесь его уж не видали?

Дон Санчо

Ужели гроб ему поставить в брачной зале?

Дон Франсиско

А император наш?

Дон Санчо

Сегодня грустен он;

Ведь Лютер на него всегда наводит сон.

Дон Рикардо

О Лютер! Вечно он предмет забот и скуки!
С тремя солдатами его бы взял я в руки!

Дон Матиас

И Сулейман его тревожит...

Дон Гарсия

Сулейман!
Что Лютер, что Нептун, что царь подземных стран!
Зачем мне все они? Ведь женщины прекрасны,
Так весел маскарад, и я шучу всечасно.

Дон Санчо

Вся в этом суть.

Дон Рикардо

Он прав. Я сам уже не тот.
Когда день празднества порою подойдет,
Чуть маску нацепил — и голова другая.
Вот странно!

Дон Санчо

(дону Матиасу, тихо)

Если б жил он, маски не снимая!

Дон Франсиско

(показывая на правую дверь)

Не это ль комната супругов молодых?

Дон Гарсия

(кивает головой)

Сейчас они пройдут.

Дон Франсиско

И мы увидим их?

Дон Гарсия

О да!

Дон Франсиско

Я очень рад. Невеста так прекрасна!

Дон Рикардо

А император добр. Эрнани — враг опасный,
И — с Золотым руном! С невестою! Прощен!
Будь император я, давно лежал бы он
На ложе из камней, она б — в шелках лежала.

Дон Санчо

(дону Матиасу, тихо)

О, если б мне его пронзить клинком кинжала!
Из грубой мишуры его создатель сшил;
Одеждою он граф, умом он альгвасил.

Дон Рикардо

(приближаясь)

О чем вы?

Дон Матиас

(дону Санчо, тихо)

Здесь, мой граф, не место ссоре жаркой.

(Дону Рикардо)

Он мне читал сонет, написанный Петраркой.

Дон Гарсия

Заметили ли вы, сеньоры, меж кустов,
Меж роз и юных дев, меж платьев всех цветов
Тот призрак в домино над балюстрадой сада,
Что траурным пятном стоит средь маскарада?

Дон Рикардо

Да, черт возьми!

Дон Гарсия

Кто он?

Дон Рикардо

Когда я угадал,
То — дон Пранкасио, наш славный адмирал.

Дон Франсиско

Нет!

Дон Гарсия

Маски он не снял.

Дон Франсиско

Он этого не хочет.
То — герцог Сома; он о славе лишь хлопочет
И жаждет взор привлечь.

Дон Рикардо

О нет!

Дон Гарсия

Кто б это был?
Под маской!.. Тише, он!

Черное домино медленно проходит по террасе в глубине сцены. Все оборачиваются и следят за ним глазами, чего оно, по-видимому, не замечает.

Дон Санчо

Когда жильцы могил
Выходят, вот их шаг...

Дон Гарсия

(подбегает к Черному домино)

Стой, маска!

Черное домино оборачивается. Гарсия отступает.

Между нами,
Сеньоры: у него в глазах сверкнуло пламя!

Дон Санчо

Коль дьявол он, я с ним поговорю.

(Направляется к Черному домино, которое стоит неподвижно.)

Сквозь сад
Идешь из ада ты?

Маска

Нет, не из ада — в ад!

(Продолжает свой путь и исчезает за перилами лестницы.)

Все с ужасом следят за нею.

Дон Матиас

Могильной мрачностью слова его звучали.

Дон Гарсия

Что страшно в час иной, смешно на карнавале.

Дон Санчо

Плохая шутка!

Дон Гарсия

Что ж! Коль это Сатана
Пришел смотреть наш пляс, — пока нам жизнь дана,
Мы будем танцевать!

Дон Санчо

Смеется он над нами.

Дон Матиас

Узнаем завтра все.

Дон Санчо

(дону Матиасу)

Нет, посмотрите сами,
Что сделал он сейчас?

Дон Матиас

(подойдя к балюстраде)

Сошел, угрюм и нем, —
И больше ничего.

Дон Санчо

Забавно!

(Задумчиво.)

Не совсем.

Дон Гарсия

(проходящей мимо даме)

Маркиза, танец мой?

(Кланяется ей и предлагает руку.)

Дама

О граф, когда мы вместе,
За нами муж следит и думает о мести.

Дон Гарсия

Вот лишний повод нам быть вместе. Он же рад,
Что дело есть ему. Идемте.

Дама подает ему руку, и они уходят.

Дон Санчо

(задумчиво)

Странный взгляд
У этой маски был.

Дон Матиас

Они идут. Вниманье!

Входят Эрнани и донья Соль, под руку. Донья Соль в пышном свадебном наряде; Эрнани в черном бархате с ног до головы, с цепью Золотого руна на шее. Позади них — толпа масок, дам и сеньоров, образующих свиту. Два богато одетых пажа следуют за ними, четыре негра предшествуют им. Присутствующие выстраиваются в ряд и приветствуют их поклонами. Фанфары.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Эрнани, донья Соль; свита.

Эрнани

(приветствуя всех)

Друзья мои!

Дон Рикардо

(подходя и кланяясь)

Ты в нас рождаешь ликованье!

Дон Франсиско

(любуясь доньей Соль)

Святой Иаков! Он Венеру вводит в дом!

Дон Матиас

Какая ждет их ночь вслед за подобным днем!

Дон Франсиско

(показывая дону Матиасу на брачные покои)

Какие будут там лобзания и речи!
Стать феей, видеть все — как дверь закрылась,

свечи

Погасли, — что милей?

Дон Санчо

(дону Матиасу)

Уж поздно. Мы идем?

Все приветствуют новобрачных и уходят — одни в дверь, другие по лестнице в глубине сцены.

Эрнани

(провожая их)

Пускай хранит вас бог!

Дон Санчо

(уходя последним, жмет ему руку)

Будь счастлив!

(Уходит.)

Эрнани и донья Соль остаются одни. Шаги и голоса удаляются, потом замолкают. В начале следующей сцены постепенно умолкают фанфары, и гаснут одни за другими удаляющиеся огни. Понемногу наступают молчание и ночь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Эрнани, донья Соль.

Донья Соль

Мы вдвоем!
Ушли.

Эрнани

(пытаясь привлечь ее в свои объятия)

Моя любовь!

Донья Соль

(краснеет и отступает)

Сейчас... ночной порою...

Эрнани

Мой ангел, ночь пришла, и вместе мы с тобою.

Донья Соль

О, как устала я! Не правда ль, дорогой,
Все это празднество души мрачит покой?

Эрнани

Да, счастье не всегда легко сносить бывает.
Лишь в бронзовых сердцах оно свой след врезает.
Восторг страшит его, плетя гирлянды роз;
В его улыбке смех, а также близость слез.

Донья Соль

Твоя ж улыбка — день!

Эрнани пытается увлечь ее к двери. Она краснеет.

О, подожди немного!

Эрнани

Ах, я твой верный раб! Нет, не гляди так строго!
Все будь по-твоему. Я не хочу просить.
Ты над собой властна. Как скажешь, так и быть.
Когда захочешь ты, я петь, смеяться стану.
Душа моя горит. Скажи «смирись!» вулкану —

И он закроет зев, что был пылать готов,
Покрыв бока свои ковром живых цветов.
Везувий стал рабом, для нежных чувств забавой,
И можешь ты не знать, что грудь в нем дышит лавой.
Цветов твой хочет взор? Прекрасно! Пусть кипит
Гроза в его груди, — но будет зелен вид.

Донья Соль

Со слабой женщиной вы стали добрым, милым,
Эрнани, сердца друг!

Эрнани

Что в имени постылом?
Не называй меня Эрнани! Что мне в нем?
Ты вспоминаешь то, что сам считал я сном.
Я знаю, жил такой Эрнани, и, бывало,
Бесстрашный взор его сверкал клинком кинжала;
Изгнанником он жил в ночной тиши, средь скал,
И только слово «месть» вокруг себя читал;
Проклятье вслед за ним влачилось по стремнине.

Эрнани больше нет. И я люблю отныне
Лишь песню соловья, леса, цветущий луг.
Принц арагонский я и доньи Соль супруг!
Я счастлив!

Донья Соль

Счастлива и я!

Эрнани

Какое дело
До тряпок мне, что я у входа сбросил смело?
В давно покинутый я возвратился зал.
Небесный херувим меня у двери ждал.
Из праха я воздвиг разбитые колонны,
Зажег огонь, раскрыл ряд окон запыленных
И вырвал на дворе растущую траву.
Восторгом, радостью и счастьем я живу.
Пусть замки мне вернут, где раньше предки жили,
И пусть с почетом я войду в совет Кастилий.
Иди ко мне на грудь, с пылающим лицом.
Пускай оставят нас! Забудем все кругом,
Я нем, я ослеплен, вновь жить я начинаю.
Все стер я, все забыл. Безумье? Ум? Не знаю.
Люблю вас! Вы моя! Душа моя полна!

Донья Соль

(рассматривает цепь на его шее)

На черном бархате горит огонь Руна!

Эрнани

Украшен и король цепочкой был такою.

Донья Соль

Не замечала я. Была к нему слепою.
А бархат или шелк — не все ли мне равно?
Лишь на твоей груди заметно мне Руно.
Ты благороден, горд, сеньор мой!

Он хочет увлечь ее.

Лишь мгновенье
Постой! Ты видишь, друг, я плачу от волненья.
Смотри, какая ночь!

(Идет к балюстраде.)

Мой герцог, подожди,
Дай мне взглянуть вокруг, услышать ночь в груди!
Погасли все огни, все звуки карнавала.
Здесь только ночь и мы. Блаженство нас объяло.
Не кажется ль тебе — природа в тихий час
Со счастья нашего не сводит нежных глаз?

Луна на небесах погружена в мечтанье,
Как мы, вдыхает тьму и роз благоуханье.
Смотри, огней уж нет. Повсюду тишина.
Лишь подымается задумчиво луна.
Пока ты говорил, лучи ее дрожали
И с голосом твоим мне в сердце проникали.
Спокойной я была, веселой, милый мой,
И умереть в тот миг хотела бы с тобой!

Эрнани

Несешь забвение ты голосом прелестным!
Он кажется таким далеким и небесным.
Как путник в челноке, теченьем увлечен,
Скользит по воле струй, когда закат зажжен,
И берегов следит кудрявых очертанья,
Так весь я погружен душой в твои мечтанья.

Донья Соль

Уж слишком тихо все, и слишком мрак глубок.
Хотел бы ты звезды увидеть огонек?
Иль голос услыхать, и нежащий и странный,
Летящий издали?

Эрнани

(с улыбкой)

О друг непостоянный!

Ты только что бежать хотела от людей!

Донья Соль

От бала! Но туда, где птицы средь полей,
Где соловей в тени томится песней страстной
Иль флейта вдалеке!.. О, с музыкой прекрасной
Нисходит в душу мир — и, как небесный хор,
Встают в ней голоса и рвутся на простор.
Ах, если б услыхать...

В ночи слышен звук далекого рога.

Эрнани

(содрогаясь, про себя)

О горе!..

Донья Соль

Ангел сам исполнил все мечтанья,
Твой добрый ангел, друг.

Эрнани

(с горечью)

Мой ангел!

Снова звук рога.

(В сторону)

Вот опять!

Донья Соль

Могла ли, дон Хуан, я рог ваш не узнать?

Эрнани

Не правда ль?

Донья Соль

Это вы — участник серенады
Такой прелестной?

Эрнани

Как?

Донья Соль

О, эти маскарады!
Люблю я дальний рог, поющий в тьме лесной!
Он ваш и мне знаком, как голос дорогой.

Рог слышен снова.

Эрнани

(про себя)

Там бродит злобный тигр и шлет свое рычанье.

Донья Соль

То рога вашего, о дон Хуан, звучанье.

Эрнани

(поднимается с выражением ужаса на лице)

Эрнани называй меня! Эрнани я!
Вновь с этим именем слита душа моя.

Донья Соль

(дрожа)

Что слышу я!

Эрнани

Старик!

Донья Соль

Как мрачны ваши очи!
Что с вами?

Эрнани

Там старик смеется в мраке ночи.

Иль вы не видите?

Донья Соль

Ты бредишь? Что с тобой?
Какой старик?

Эрнани

Старик!

Донья Соль

О милый, милый мой,
Что в сердце ты таишь, скажи мне, умоляю,
Скажи!

Эрнани

Но я клялся...

Донья Соль

Клялся?

Тревожно следит за всеми его движениями. Эрнани внезапно останавливается и проводит рукой по лбу.

Эрнани

(в сторону)

Как быть, не знаю...

Нет, пощажу ее.

(Громко.)

Что говорил я? Нет!

Донья Соль

Вы говорили мне...

Эрнани

Нет... Это был лишь бред.
Я болен, может быть... Нет, не страшись, не надо.

Донья Соль

Что делать? Чем помочь? Служить тебе я рада.

Рог звучит снова

Эрнани

(в сторону)

Зовет! Я клятву дал! Зовет!

(Ищет на поясе свой меч и кинжал.)

Ах, где кинжал?
Конец, всему конец!

Донья Соль

О, как ты бледен стал!

Эрнани

То рана старая, огнем былым пылая,
Открылась...

(В сторону.)

Пусть уйдет она.

(Громко.)

О дорогая,
Послушай, где ларец, что я носил с собой
В дни горя и нужды?

Донья Соль

Я знаю, милый мой.
Что делать мне, скажи.

Эрнани

Там есть флакон стеклянный,
Где налит эликсир, целить способный раны,
Дай мне его скорей!

Донья Соль

Иду, иду, мой друг.

(Уходит в дверь, ведущую в брачные покои.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Эрнани

(один)

О, как я счастлив был! Как стал несчастен вдруг!
Уж пишут на стене мне роковое слово,
И вновь судьба глядит в лицо мое сурово!

(Впадает в глубокую, мучительную задумчивость, затем вздрагивает.)

Так! Но замолкло все. Шагов не слышно там.
Когда б то было сном!

На верхней ступени лестницы появляется Черное домино. Эрнани останавливается, словно оцепенев.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Эрнани, Маска.

Маска

«Что б ни предстало нам,

Когда б ты ни решил, в каком бы ни был месте,
Раз день уже настал для этой страшной мести,
Для гибели моей, — труби в мой рог тотчас.
Я — твой». Жильцы могил тогда слыхали нас.
Ну что же? Ты готов?

Эрнани

(тихо)

То — он!

Маска

Пришел к тебе я,
В твой дом, сказать, что срок уже настал. Скорее!
Ты медлишь?

Эрнани

Хорошо. На мне твоя печать.
Что должен сделать я?

Маска

Ты можешь выбирать —
Кинжал иль этот яд. Я все принес с собою.
Мы вместе выйдем.

Эрнани

Да.

Маска

Молись.

Эрнани

Я тверд душою.

Маска

Твой выбор?

Эрнани

Яд.

Маска

Пусть так! Скорей дай руку. Вот!

(Подает Эрнани флакон. Тот берет его, побледнев.)

Пей!

Эрнани подносит флакон к губам, затем отшатывается.

Эрнани

Подожди, молю! Пускай заря взойдет!
Коль сердце есть в тебе и нежных чувств отрада...
Не привиденье ты, не выходец из ада,

Не проклятый мертвец, не демон, — и следа
Клейма ты не несешь со словом «никогда»;
Коль знаешь счастья ты полет неудержимый —
Любить, быть молодым, жениться на любимой,
Коль женщина с тобой блаженства знала дрожь, —
До завтра дай мне жить! А завтра ты придешь!

Маска

Все «завтра», «завтра»... Нет! Срок этот — слишком дальний.
Сегодня же ты звон услышишь погребальный.
Зачем мне ночь терять? А если я умру —
Кто жизнь твою возьмет, как нужно, поутру?
Мне одному идти в могилу? Путь нам вместе.

Эрнани

Нет, демон, не с тобой. Я этой дикой мести
Не признаю.

Маска

Ах, так? Я понял все вполне!
Ужели так ничем ты и не клялся мне?
А голова отца? Ты позабыл, конечно?
О да, ты мог забыть: ведь юность так беспечна.

Эрнани

Отец! О мой отец!.. Теряю разум я.

Маска

Ты клятве изменил; черна душа твоя.

Эрнани

О!..

Маска

Коль в Испании нет ничего святого
И старых грандов сын уже не держит слова, —

(делает шаг, чтобы уйти)

Прощай!

Эрнани

Не уходи!

Маска

Тогда...

Эрнани

О злой старик,
Уйти теперь, когда я вижу счастья лик!..

Донья Соль возвращается, не замечая Маски, которая стоит в глубине сцены.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и донья Соль.

Донья Соль

Я не нашла ларца!

Эрнани

(в сторону)

Она! Она! О боже,
В какой ужасный миг!

Донья Соль

Что с ним? Его тревожит
Мой голос... Что в руке твоей? Блуждает взгляд!
Что держишь ты в руке, скажи мне?

Домино сбрасывает капюшон. Донья Соль, вскрикнув, узнает дона Руй Гомеса.

Это яд!

Эрнани

О боже!

Донья Соль

(к Эрнани)

О, скажи, какой ты тайной связан?
Что от меня скрывал?

Эрнани

Молчать я был обязан.
Жизнь мною отдана тому, кем я спасен,
И Сильве долг платить обязан Арагон.

Донья Соль

Вы не его, а мой! Отныне жизнью, кровью
Вы связаны со мной.

(Дону Руй Гомесу.)

Да, я сильна любовью.
Я защищу его, кто б на пути ни стал!

Дон Руй Гомес

(оставаясь неподвижным)

Коль можешь, защищай. Но все ж он клятву дал.

Донья Соль

То правда?

Эрнани

Я клялся.

Донья Соль

Нет, нет, ты, без сомненья,
Свободен от нее! То бред был, ослепленье!

Дон Руй Гомес

Идем!

Эрнани хочет уйти. Донья Соль пытается его удержать.

Эрнани

Оставь! Уйти я должен с ним сейчас.
Ему я слово дал. Отец мой слышит нас.

Донья Соль

(Дону Руй Гомесу.)

Уж лучше вам отнять тигренка у тигрицы,
Чем у меня того, с кем жизнь успела слиться!
Вы знаете ль, кто я? Жалела я всегда
И вашу седину и дряхлые года;
Была я девушкой невинной и покорной,
Но гневом и слезой сверкает взгляд мой черный.

(Выхватывает кинжал, спрятанный на груди.)

Вы видите кинжал? Бесчувственный старик,
Иль уж не страшен взгляд, что в сердце вам проник?
Смотрите же, дон Руй! Из одного мы рода.
Вы — дядя мне. Но пусть у нас одна природа —
Супруга моего коснуться я не дам.

(Отбрасывает кинжал и падает перед герцогом на колени.)

Ах, я у ваших ног! Явите милость нам!
Прощенье, о сеньор! Я женщина, слаба я,
Теряю силы я, насильно уступая,
Молю пощады я у ваших ног, в пыли!
О, если б сжалиться над нами вы могли!

Дон Руй Гомес

Что слышу, донья Соль?

Донья Соль

О, сжальтесь! Мы в Кастильи
Все резки на словах. Когда б вы все забыли,
Вернули мне его! Ведь не были вы злым!
Пощады! Вы меня убейте вместе с ним!
Я так его люблю!

Дон Руй Гомес

Да, слишком!

Эрнани

Эти слезы...

Донья Соль

Нет, нет, я не хочу, чтоб те сбылись угрозы,
Чтоб умер ты. Нет! Нет!

(Дону Руй Гомесу)

Он будет невредим —
И вас я полюблю, быть может.

Дон Руй Гомес

Вслед за ним?
Остатками любви и дружбою небрежной'
Хотите вы смирить порыв страстей мятежный?

(Показывая на Эрнани.)

Он лишь один вам мил! И счастлив он вполне.
А я? Иль, мните вы, приятна жалость мне?
Все будет у него: любовь, душа, корона.
Вам на меня взглянуть позволив благосклонно,
Он может, чтоб мою тем успокоить грудь,

Вам слово разрешить несчастному шепнуть,
Бродяге, что ему уж надоел немало,
С презрением плеснет остатки из бокала.
Бесчестие! Позор! Нет, надобно кончать.
Ну, пей!

Эрнани

Я слово дал. Хочу его сдержать.

Дон Руй Гомес

Скорей!

Эрнани подносит флакон к губам. Донья Соль отводит его руку.

Донья Соль

О, подожди! Внемлите мне вы оба.

Дон Руй Гомес

Нет, ждать я не могу. Уж он стоит у гроба.

Донья Соль

Мгновенье, о сеньор! Как жестоки сейчас
Вы оба! Слушайте, что я хочу от вас.
Мгновенье — вот и все, что женщине здесь надо,
Позвольте же сказать, что для души отрада,

Что в сердце у нее! О, дайте же сказать!

Дон Руй Гомес

(к Эрнани)

Я тороплюсь.

Донья Соль

Зачем так сердце мне терзать?
Что сделала я вам?

Эрнани

Ах, плач ее — терзанье!

Донья Соль

(снова удерживая его руку)

Мне многое сказать вам надо на прощанье.

Дон Руй Гомес

(к Эрнани)

Пора!

Донья Соль

(повиснув на руке Эрнани)

О дон Хуан, излиться дай душой,
И делай все тогда, что хочешь...

(Вырывает у него флакон.)

Мой он, мой!

(Высоко поднимает флакон перед взорами Эрнани и изумленного старика.)

Дон Руй Гомес

Когда две женщины решают дело чести,
Нам мужество искать в другом уж нужно месте.
Поклялся хорошо ты головой отца, —
Пойду к нему, чтоб он узнал все до конца!
Прощай!

(Делает несколько шагов к выходу, Эрнани удерживает его.)

Эрнани

Остановись!

(Донье Соль)

Мне ль отступить с позором?
Мне ль быть обманщиком, изменником и вором?
Иль хочешь, чтоб я шел, куда глаза глядят,
С клеймом на лбу моем? Отдай, верни мне яд,
Верни его — молю всем сердцем, всею страстью!

Донья Соль

(мрачно)

Ты хочешь?

(Пьет из флакона.)

Пей теперь!

Дон Руй Гомес

(в сторону)

Как? И она? Несчастье!

Донья Соль

(возвращает Эрнани наполовину опорожненный флакон)

Возьми его.

Эрнани

(дону Руй Гомесу)

Старик, смотри, как ты жесток!

Донья Соль

О милый, для тебя тут есть еще глоток!

Эрнани

(берет флакон)

Ах!

Донья Соль

Ты бы ничего мне не оставил в склянке.
Не знаешь сердца ты супруги-христианки,
Не знаешь страсти той, в чьих жилах Сильвы кровь.
Я первой выпила. Пей ты, моя любовь!
Пей, если хочешь...

Эрнани

О, что слышу я, несчастный!

Донья Соль

Ты этого хотел.

Эрнани

Но эта смерть ужасна!

Донья Соль

Нет, нет!

Эрнани

Но этот яд — прямой к могиле путь.

Донья Соль

Не вместе ли должны мы в эту ночь заснуть?
А где — не все ль равно?

Эрнани

За клятвопреступленье
Вот месть твоя, отец!

(Подносит флакон к губам.)

Донья Соль

О, страшные мученья!
Отбрось скорей флакон!.. Ах, я схожу с ума!
Остановись, Хуан! В той склянке смерть сама!
Дракон, стоглавый яд, в какой-то дикой страсти
Растет в груди моей, мне сердце рвет на части!
О, можно ль так страдать? Весь ад в душе моей!
Ах, что со мной сейчас? Огонь! Огонь! Не пей!
Нет, ты не вынесешь!

Эрнани

(дону Руй Гомесу)

Ты — порожденье ада!
Ужели для нее другого нету яда?

(Пьет и отбрасывает флакон.)

Донья Соль

Что сделал ты?

Эрнани

А ты?

Донья Соль

О милый мой, приди
В объятия мои!

Садятся рядом.

Ты слышишь боль в груди?

Эрнани

Нет.

Донья Соль

Это свадьбы час. Блаженств ночных начало.
Не слишком ли бледна я для невесты стала?

Эрнани

Ах!

Дон Руй Гомес

Час судьбы пробил.

Эрнани

Горит вся грудь моя!
Страдает донья Соль — и это вижу я!

Донья Соль

Мне лучше, милый мой! Сейчас мы без усилья,
Чтоб вместе нам лететь, свои расправим кры-

лья.

Вдвоем мы ринемся к иной, большой стране.

О, обними меня.

Обнимаются.

Дон Руй Гомес

Проклятие на мне!

Эрнани

(слабеющим голосом)

Благодарю судьбу за весь мой путь прекрасный

В изгнанье, средь врагов, в ночи, всегда опасной,

За то, что в час, когда я жизнью утомлен,

Здесь, на твоей груди, мне послан этот сон!

Дон Руй Гомес

Как счастливы они!

Эрнани

(все более слабеющим голосом)

Мне ночь легла на очи.

Страдаешь ты?

Донья Соль

(так же глухо)

Нет, нет.

Эрнани

Ты видишь свет средь ночи?

Донья Соль

Где?

Эрнани

(со вздохом)

Вот...

(Падает.)

Дон Руй Гомес

(поднимает его голову, голова падает.)

Он мертв.

Донья Соль

Он мертв? О нет! Он крепким сном
Заснул! О мой супруг! Как хорошо вдвоем!
Мы оба здесь легли. То свадьбы нашей ложе.

(Голос ее звучит все глуше.)

Зачем его будить, сеньор де Сильва? Боже,
Он так устал сейчас...

(Поворачивает к себе лицо Эрнани.)

Взгляни, любовь моя!
Вот так... в мои глаза...

(Падает.)

Дон Руй Гомес

Мертва!.. И проклят я!

(Убивает себя.)

КОРОЛЬ ЗАБАВЛЯЕТСЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Появление этой драмы на сцене вызвало неслыханное распоряжение министра.

На следующий день после первого представления автор получил от г-на Жулена де Ла Саль, директора Французской Комедии, следующую записку, которую он бережно хранит:

«Сейчас половина одиннадцатого, и я сию минуту получил *приказ*[31] прекратить представления *Король забавляется*. Г-н Тейлор[32] сообщает мне этот приказ министра. 23 ноября».

Сначала автор не поверил. Распоряжение министра было до такой степени беззаконным, что казалось невероятным.

В самом деле, хартия, названная «хартией-правдой»,[33] гласит: «Французы имеют право публиковать...» Заметьте, что в тексте не сказано

---

[31] Примечания: 31

Это слово подчеркнуто в записке. (*Прим. автора.*)

[32] Примечания: 32

Тейлор — барон Исидор Тейлор; состоял в 1824 г. в должности королевского комиссара при театре Французской Комедии.

[33] Примечания: 33

Хартия-правда — имеется в виду конституция (хартия) 1830 г. Королю Луи-Филиппу приписывалась фраза: «Отныне хартия станет правдой».

только «право печатать», но в самом широком смысле: «право публиковать». Но ведь театр — лишь способ публикации, так же как пресса, гравюра и литография. Свобода театра подразумевается, следовательно, в хартии наряду со всеми остальными формами свободы мысли. Основной государственный закон прибавляет: «Цензура никогда не будет восстановлена». Но в тексте не сказано: «цензура газет, цензура книг», а сказано: «цензура», цензура вообще, всякая цензура, как цензура произведений для печати, так и цензура театра. Следовательно, театр не может впредь законным образом подвергаться цензуре.

В другом месте хартии сказано: «Конфискации отменяются». Но изъятие пьесы из репертуара после представления — не только чудовищный акт цензуры и произвола, это самая настоящая конфискация, это ограбление театра и автора.

И наконец, чтобы все было четко и ясно, чтобы четыре или пять великих социальных принципов, отлитых из бронзы Французской революцией, оставались в неприкосновенности на своих гранитных пьедесталах, чтобы нельзя было исподтишка урезывать основные права всех французов старым, иззубренным оружием, которое, числом в сорок тысяч статей, разъедается

ржавчиной и гниет без употребления в арсенале наших законов, хартия в своей заключительной статье прямо отменяет все, что в прежних законах противоречит ее букве и духу.

Это бесспорно. Изъятие пьесы по распоряжению министра есть посягательство на свободу при помощи цензуры, на собственность при помощи конфискации. Все наше публичное право восстает против подобного насилия.

Автор не мог поверить такому проявлению наглости и безрассудства; он поспешил в театр. Там ему со всех сторон подтвердили это распоряжение. Министр действительно отдал своею властью, по божественному праву министра, этот *приказ*. Министр не обязан был приводить доводы. Министр отнял у автора его пьесу, отнял его право, отнял его собственность. Оставалось только заключить его, поэта, в Бастилию.

Повторяем, в наше время, когда подобное распоряжение неожиданно преграждает вам путь и хватает вас за шиворот, первое, что вы испытываете, это чувство глубокого удивления. Множество вопросов встает мгновенно в вашем уме: «Где же закон? Где же право? Могут ли совершаться такие вещи? Было ли в самом деле то, что называется июльской революцией? Ясно, что мы уже

больше не в Париже, — в каком же вилайете мы живем?»

Изумленный и растерянный, театр Французской Комедии попытался предпринять кое-какие шаги, чтобы добиться у министра отмены этого необычайного постановления. Но все его хлопоты были напрасны. Диван — я оговорился — совет министров собрался днем. Двадцать третьего числа это был только приказ министра, двадцать четвертого он стал приказом министерства. Двадцать третьего пьеса была запрещена только временно, двадцать четвертого — окончательно. Театру было даже приказано снять со своей афиши эти два устрашающие слова: *Король забавляется*. Сверх того, ему было приказано, этому злосчастному театру Французской Комедии, не жаловаться и молчать. Быть может, было бы красиво, честно и благородно сопротивляться такому азиатскому деспотизму. Но театры не осмеливаются. Боязнь лишиться своей привилегии делает их невольниками и верноподданными, которыми можно командовать и помыкать как угодно, делает их евнухами и немыми рабами.

Автор остался и вынужден был остаться непричастным к этим хлопотам театра. Он, поэт, не зависит ни от какого министра. Эти просьбы и

ходатайства, быть может, с точки зрения чисто денежной, подсказывались его интересами, но их воспрещал ему долг свободного писателя. Просить пощады у власти — значит признавать ее. Свобода и собственность не выпрашиваются в передних. Право нельзя рассматривать как милость. О милости — взывайте к министру! О праве — взывайте к стране!

Поэтому автор обращается к стране. У него есть два пути добиться правосудия — общественное мнение и государственный суд. Он избирает оба.

Пред лицом общественного мнения процесс состоялся и был выигран. Автор должен во всеуслышание поблагодарить здесь всех почтенных и независимых лиц, причастных к литературе и искусству, выказавших ему в данном случае столько сочувствия и столько сердечности. Он заранее рассчитывал на их поддержку. Он знает, что, когда дело коснется борьбы за свободу мысли и разума, он пойдет в бой не один.

Власть — отметим это здесь мимоходом — питала основанную на весьма низком расчете надежду на то, что найдет в этом деле союзников даже среди оппозиции, воспользовавшись литературными страстями, уже давно бушующими вокруг автора. Она думала, что литературная

вражда устойчивее вражды политической, ибо считала, что корни первой заложены в человеческом самолюбии, а корни второй — только в интересах. Власть ошиблась. Ее грубое вмешательство возмутило честных людей всех направлений в искусстве. К автору присоединились, чтобы выступить против самовластия и несправедливости, как раз те, кто сильнее всего нападал на него накануне. Если чья-либо закоренелая вражда случайно и оказалась слишком прочной, то эти лица раскаиваются теперь в том, что оказали власти минутное содействие. Все порядочные и уважаемые люди из числа врагов автора протянули ему руку, с тем, быть может, чтобы снова возобновить литературную борьбу, когда окончится борьба политическая. Во Франции у того, кто подвергается гонениям, нет других врагов, кроме самого гонителя.

Если теперь, установив, что распоряжение министра позорно, возмутительно и противозаконно, мы на минуту снизойдем до обсуждения его по существу и постараемся выяснить, какие причины, по всей вероятности, вызвали это происшествие, то прежде всего встанет такой вопрос, — и нет человека, который не задавал бы его себе: «Каков мог быть мотив подобной меры?»

Приходится откровенно сказать, — ибо это действительно так, и если будущее займется когда-нибудь нашими маленькими людьми и мелкими делами, это окажется весьма любопытной подробностью данного любопытного случая, — что наши цензурных дел мастера, кажется, почувствовали свою нравственность оскорбленною пьесой *Король забавляется*; она возмутила целомудрие жандармов, отряд бригадира Леото был в театре и нашел ее непристойной, блюстители нравственности прикрыли свои лица, господин Видок[34] покраснел. Словом, лозунг, который цензура дала полиции и который уже несколько дней бормочут вокруг нас, таков: «Дело в том, что пьеса эта безнравственна». Осторожнее, господа! Помолчали бы вы лучше на этот счет!

Объяснимся все же: не с полицией — полиции я, как человек порядочный, запрещаю рассуждать об этих вещах, — а с немногими почтенными и добросовестными лицами, которые, поверив чужим словам или побывав на спектакле, но не разобравшись в нем, необдуманно повторяют это мнение, хотя для опровержения его, быть может,

---

[34] Примечания: 34

Видок — полицейский сыщик, в прошлом уголовный преступник; приобрел известность благодаря опубликованным в 1828 г. весьма пошлым, рассчитанным на сенсацию «Мемуарам Видока».

было бы достаточно одного только имени обвиняемого поэта. Драма теперь напечатана. Если вы не присутствовали на спектакле, прочтите ее. Если вы были там, все же прочтите. Вспомните, что этот спектакль был не столько спектаклем, сколько битвой, вроде битвы при Монлери[35] (да простят нам это немного тщеславное сравнение), где обе стороны, и парижане и бургундцы, утверждали, что они «сцапали победу», как говорит Матье.

Моя пьеса безнравственна? Вы это находите? Безнравственна по содержанию? Вот ее содержание. Трибуле — урод, Трибуле — немощен, Трибуле — придворный шут: тройное несчастье его озлобило.[36] Трибуле ненавидит короля за то, что он король, вельмож — за то, что они вель-

---

[35] Примечания: 35

...вроде битвы при Монлери... — Битва при Монлери произошла в 1465 г. между войсками французского короля Людовика XI и войсками его врагов-феодалов во главе с бургундским герцогом Карлом Смелым. Она описана историографом Людовика XI Матье в его книге «История царствования Людовика XI».

[36] Примечания: 36

Трибуле — придворный шут королей Людовика XII и Франциска I, упоминаемый в хрониках того времени и в романе Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», где он назван «глупомудрым». Настоящее его имя было Фериаль; Трибуле — его прозвище, происходящее от старофранцузского глагола «tribouler» — дергать, беспокоить. Однако характер персонажа, выведенного Гюго под этим именем, является вымышленным, так же как и весь сюжет драмы.

можи, людей — за то, что не у всех у них горб на спине. Его единственное развлечение — беспрерывно сталкивать вельмож с королем, ломая более слабого о более сильного. Он развращает короля, портит его, разжигает в нем низменные чувства; он толкает его к тирании, к невежеству, к пороку; он натравливает его на все дворянские семьи, беспрестанно подстрекая к тому, чтобы соблазнить чью-нибудь жену, похитить чью-нибудь сестру, обесчестить чью-нибудь дочь. Король — лишь паяц в руках Трибуле, всемогущий паяц, разбивающий все жизни, а шут дергает его за ниточку. Однажды в разгар придворного празднества, в ту самую минуту, когда Трибуле подбивает короля похитить жену де Косе,[37] Сен-Валье врывается к королю и гневно укоряет его за то, что он обесчестил Диану де Пуатье. Трибуле высмеивает и оскорбляет этого отца, у которого король отнял дочь. Отец поднимает руку и проклинает Трибуле. На этом основана вся пьеса. Истинный сюжет драмы — *проклятие Сен-Валье*. Слушайте дальше. Начинается второй акт. На кого пало это

[37] Примечания: 37

Де Косе Шарль — полководец Франциска I, маршал Франции Сен-Валье (Жан де Пуатье, сеньер де Сен-Валье) — вельможа при дворе Франциска I. Все, что говорится в драме о дочери Сен-Валье Диане де Пуатье, не соответствует историческим фактам.

проклятие? На королевского шута Трибуле? Нет. На Трибуле-человека, на отца, у которого есть сердце, у которого есть дочь. У Трибуле есть дочь, в этом заключается все. У Трибуле нет никого на свете, кроме дочери, он скрывает ее от всех в безлюдном квартале, в уединенном доме. Чем шире он распространяет по городу заразу порока и разврата, тем старательнее держит взаперти и в уединении свою дочь. Он воспитывает свое дитя в невинности, в вере и в целомудрии. Больше всего он боится, чтобы она не совратилась, ибо он, человек злой, хорошо знает, какие страдания это влечет за собой. Так вот, проклятие старика обрушится на единственное существо в мире, которое дорого Трибуле, — на его дочь. Тот самый король, которого Трибуле подстрекает к похищению женщины, похитит у него дочь. Провидение поразит шута точно таким же способом, каким оно поразило Сен-Валье. А затем, так как дочь обесчещена и погибла, Трибуле расставит королю сети, чтобы отомстить за нее, но в эти сети попадет его дочь. Итак, у Трибуле два воспитанника — король и дочь, — король, которого он обучает пороку, и дочь, которую он растит для добродетели. Король погубит дочь. Трибуле хочет похитить для короля госпожу де Косе — и похищает свою дочь. Он

хочет убить короля, желая отомстить за дочь, — и убивает ее. Возмездие не останавливается на полпути; проклятие отца Дианы свершается над отцом Бланш.

Не нам, конечно, решать, драматична ли эта идея, но она несомненно нравственна.

В основе одной из пьес автора лежит рок. В основе этой пьесы — провидение.

Мы еще раз подчеркиваем, что обсуждаем здесь пьесу не с полицией, — мы не оказываем ей такой чести, — но с той частью публики, которой это обсуждение может показаться необходимым. Пойдем дальше.

Если это произведение нравственно по замыслу, то не безнравственно ли оно по выполнению? Вопрос, поставленный таким образом, повидимому сам себя упраздняет; но все же займемся им. Очевидно, нет ничего безнравственного ни в первом, ни во втором акте. Может быть, вас шокирует ситуация третьего? Прочтите этот третий акт и скажите чистосердечно: разве он не производит глубоко целомудренного, добродетельного и пристойного впечатления?

Или вы имеете в виду четвертый акт? Но с каких это пор королю больше не разрешается ухаживать на сцене за служанкой гостиницы? Это уже

не ново ни в театре, ни в истории. Больше того: история нам разрешила показать вам Франциска I пьянствующим в трущобах улицы Пеликана. Показать короля в публичном доме было бы тоже не ново. Греческий театр, театр классический, делал это, и Шекспир, театр романтический, делал это тоже. Так вот: автор данной драмы этого не сделал! Ему известно все, что писали о доме Сальтабадиля. Но зачем приписывать ему то, чего он не говорил? Зачем утверждать, будто он преступил границу, от которой зависит все в подобном случае, тогда как он вовсе ее не преступил? В цыганке Магелоне, которую так оклеветали, не больше бесстыдства, чем в любой из Лизет и Мартон старинного театра. Лачуга Сальтабадиля — постоялый двор, таверна, кабачок «Сосновая шишка», подозрительная харчевня, разбойничий притон — все, что вам угодно, но не публичный дом. Это страшное место, зловещее, отвратительное, ужасное, — но не место разврата.

Остаются, таким образом, лишь некоторые

особенности слога. Прочтите.[38]

Автор согласен признать судьями суровой чистоты его речи тех самых лиц, которых возмущают отец Офелии и кормилица Джульетты, Бомарше и Реньяр, *Урок женам* и *Амфитрион*, Данден и Сганарель, особенно же главная сцена *Тартюфа* — того *Тартюфа*, который в свое время также подвергся обвинению в безнравственности![39] Но там, где было необходимо быть откровенным, автор счел себя обязанным сделать это на свой страх и риск, всегда, однако, оставаясь серьезным и соблюдая чувство меры. Он хочет, чтобы искусство было целомудренно, а не чопорно.

Так вот она, эта пьеса, против которой министерство старается вызвать столько предубеж-

---

[38] Примечания: 38

Автор настолько уверен в том впечатлении, которое произведет его пьеса на читателя, что он считает почти излишним обратить внимание на то, что пьеса напечатана в том виде, как он написал ее, а не в том, как ее играли, то есть что она содержит довольно большое количество отдельных мест, вошедших в печатное издание, но изъятых автором из сценического текста ввиду господствующего в театре требования скромности. Так, например, в день представления вместо таких строк:

Есть у меня сестра, занятная девчонка,
Плясунья ловкая, чье обращенье тонко, —
Сумеет всякого к нам на ночь привести, —

Сальтабадиль произнес:

Есть у меня сестра, прелестное созданье,

Притом же умница, искусная в гаданье, —

Лишь стоит молодцу к нам вечерком зайти...

Был изменен целый ряд других строк, но не стоит на этом останавливаться. (*Прим. автора.*)]

[39] Примечания: 39

Реньяр Жан (1655-1709) — французский драматург, автор развлекательных комедий нередко фривольного содержания. *«Школа жен»*, *«Амфитрион»* — комедии Мольера, где изображаются двусмысленные положения, связанные с вопросами брака и любви. *Данден, Сганарель* — персонажи из комедий Мольера, ревнивцы, обманутые своими женами. *Главная сцена «Тартюфа»* — имеется в виду сцена из комедии Мольера, в которой святоша-лицемер Тартюф пытается соблазнить жену своего благодетеля Оргона.

дений! Вот она, эта безнравственность, эта непристойность, обнаженная до конца. Какая глупость! У власти были свои тайные причины, — мы их сейчас укажем, — чтобы возбудить против пьесы *Король забавляется* как можно больше предрассудков. Ей очень хотелось, чтобы публика задушила в конце концов эту пьесу за мнимую вину, не выслушав ее оправданий, как Отелло душит Дездемону. *Honest Iago!*[40]

Но поскольку оказалось, что Отелло не задушил Дездемону, Яго снял маску и сам принялся за дело. На следующий день после спектакля пьеса была запрещена *приказом*.

Если бы мы согласились хотя бы на минуту поверить в эту нелепейшую выдумку, будто в данном случае наших повелителей волнует забота об общественной нравственности и что, возмущенные распущенностью, в которую впали за последние два года некоторые театры, они решили, потеряв терпение, показать наконец, вопреки всем правам и законам, пример строгости на каком-нибудь произведении и писателе, мы должны были бы признать выбор произведения весьма странным, но не менее

---

[40] Примечания: 40
Честный Яго (*англ.*).

странным и выбор писателя. В самом деле, что это за человек, на которого обрушились наши близорукие власти? Это писатель такого свойства, что если и дозволительно сомневаться в его таланте, то уж нравственный его облик ни у кого не вызывает сомнений. Это человек порядочный, нравственность которого испытана, засвидетельствована и всем известна, — случай в наше время редкий и заслуживающий уважения. Это поэт, который раньше, чем кто-либо, возмутился бы распущенностью театров и восстал бы против нее; поэт, который полтора года тому назад, когда разнесся слух, что театральная инквизиция будет незаконно восстановлена, вместе с несколькими драматургами, отправился к министру и предупредил его, что следует воздержаться от введения подобной меры, и при этом настойчиво требовал репрессивного закона против эксцессов театра, протестуя вместе с тем в резких словах — министр, наверное, не забыл их — против цензуры. Это художник, преданный искусству, никогда жалкими способами не домогавшийся успеха, привыкший всю жизнь смотреть публике прямо и открыто в лицо. Это человек чистосердечный и умеренный, уже не раз вступавший в бой за всякую свободу и против

всякого произвола, отвергший в 1829 году, в последний год Реставрации, все, что предлагало ему тогдашнее правительство в возмещение убытков от запрета, наложенного на *Марьон Делорм*; человек, в ущерб своим материальным интересам не разрешивший годом позже, в 1830 году, когда свершилась июльская революция, поставить на сцене эту самую *Марьон Делорм*, поскольку она могла дать повод к нападкам на низвергнутого короля, который запретил ее, и к оскорблениям по его адресу, — поведение вполне понятное, какого придерживался бы на месте автора всякий честный человек, но которое, пожалуй, должно было сделать его впредь неприкосновенным для всякой цензуры. Объясняя причины своего поведения в данном случае, он писал в августе 1831 года:

«Вообще говоря, скандальный успех, достигаемый с помощью политических намеков, мало улыбаются автору, — об этом он заявляет прямо. Подобный успех немногого стоит и бывает непрочен... К тому же именно теперь, когда нет больше цензуры, авторы должны сами быть своими цензорами, честными, строгими и внимательными. Тогда они будут высоко держать знамя искусства. Если обладаешь полной свободой, надо соблю-

дать во всем меру».[41]

Сделайте вывод сами. С одной стороны — перед вами человек и его произведение; с другой — министерство и его действия.

Теперь, когда мнимая безнравственность этой драмы опровергнута до конца, теперь, когда все нагромождение негодных и постыдных доводов рухнуло, попираемое нами, пора, казалось бы, назвать истинный мотив этой меры, закулисный, придворный, тайный мотив, мотив, о котором не говорят, мотив, в котором не решаются сами себе признаться, мотив, который так ловко был скрыт под вымышленным предлогом. Этот мотив уже просочился в публику, и публика верно его угадала. Мы больше о нем ничего не скажем. То, что мы показываем нашим противникам пример вежливости и воздержанности, быть может, служит в нашу пользу. Это не плохо, когда частное лицо дает правительству урок достоинства и благоразумия, когда гонимый дает его гонителю. К тому же мы не из тех, кто думает исцелить свою рану, растравляя больное место другого. К сожалению, это правда, что в третьем акте пьесы есть строка, в которой неуклюжая

---

[41] Примечания: 41
Предисловие к «Марьон Делорм». (*Прим. автора.*)

проницательность близких ко двору лиц обнаружила намек (скажите на милость, намек!). Его не замечали до тех пор ни публика, ни сам автор; но, раскрытый таким образом, он превратился в жестокое и кровное оскорбление. К сожалению, это правда, что данной строки было достаточно, чтобы смущенной афише Французской Комедии было приказано ни разу не являть больше любопытствующему взору публики короткую бунтарскую фразу: *Король забавляется*. Мы не будем приводить здесь эту строку, своего рода каленое железо; мы не укажем ее даже в другом месте, разве только в самом крайнем случае и если нас достаточно неосторожно поставят в такое положение, что у нас не останется иного способа самозащиты. Мы не будем воскрешать старые исторические скандалы. Насколько возможно, мы избавим высокопоставленное лицо от последствий этого легкомысленного поступка придворных угодников. Даже против короля можно вести великодушную войну. Только такую мы и намерены вести. Но пусть сильные мира сего поразмыслят над тем, как неудобно иметь другом медведя, не умеющего убивать иначе, как только булыжником цензуры, неуловимые намеки, которые случайно садятся им на лицо.

Мы даже не уверены в том, что не проявим в нашей борьбе некоторой снисходительности к самому министерству. Все это, сказать по правде, очень печально. Июльское правительство еще совсем недавно появилось на свет, ему всего тридцать три месяца, оно еще в колыбели, у него бывают легкие вспышки детской ярости. Заслуживает ли оно, чтобы против него расточали много возмужалого гнева? Когда оно подрастет, мы посмотрим.

Однако если на минуту взглянуть на этот вопрос только с личной точки зрения, то, быть может, автор больше, чем кто бы то ни было, страдает от цензурной конфискации, о которой идет речь. В самом деле, за те четырнадцать лет, что он пишет, у него не было ни одного произведения, которое не удостоилось бы при своем выходе в свет тягостной чести быть избранным в качестве поля битвы и не исчезло бы сразу на более или менее продолжительное время в пыли, дыму и грохоте сражения. Поэтому, когда пьеса автора впервые ставится на сцене, самое важное для него, раз он не может надеяться на тишину в зрительном зале на первом спектакле, — ряд последовательных представлений. Если случается, что в первый день его голос покрывается шумом, что его мысль

остается непонятой, последующие дни могут исправить первый. Первое представление *Эрнани* вызвало бурю в зрительном зале, но *Эрнани* прошел пятьдесят три раза. Первое представление *Марьон Делорм* вызвало бурю в зрительном зале, но драма *Марьон Делорм* прошла шестьдесят один раз. *Король забавляется* вызвал такую же бурю. Вследствие вмешательства министерства он прошел всего один раз. Автору, несомненно, причинили большой ущерб. Кто вернет ему, в неприкосновенном и первоначальном виде, этот третий опыт, имеющий для него такое большое значение? Кто ему скажет, что последовало бы за этим первым представлением? Кто вернет ему публику второго спектакля, публику обычно беспристрастную, где нет ни друзей, ни врагов, публику, которая поучает поэта, поучаясь у него?

Переживаемый нами сейчас переходный политический момент весьма любопытен. Это одно из тех мгновений общей усталости, когда в обществе, даже наиболее проникнутом идеями независимости и свободы, возможны всяческие проявления деспотизма. Франция быстро шагала вперед в июле 1830 года; она проделала три изрядных дневных перехода; она проделала три больших этапа на поприще цивилизации и про-

гресса. Сейчас многие выбились из сил, многие просят сделать привал. Хотят остановить отважные умы, которые не утомились и продолжают идти дальше. Хотят подождать замешкавшихся, которые остались позади, и дать им время нагнать остальных. Отсюда проистекает странная боязнь всего, что движется вперед, всего, что шевелится, что вслух рассуждает и мыслит. Причудливая ситуация, которую легко понять, но трудно определить. Это — все те, кто боится великих идей. Это — союз тех, чьим интересам грозит поступательное движение теорий. Это — торговля, которая пугается философских систем; это — купец, который желает продавать; это — улица, которая внушает страх прилавку; это — вооруженная лавочка, которая обороняется.

На наш взгляд, правительство злоупотребляет этой наклонностью к отдыху и боязнью новых революций. Оно дошло до мелочной тирании. Оно приносит вред и себе и нам. Если оно думает, что в умах царит теперь равнодушие к идеям свободы, то оно ошибается. Есть только усталость. У него строго потребуют когда-нибудь отчета во всех противозаконных действиях, которые с некоторых пор всё учащаются. Какой огромный путь заставило оно нас проделать! Два года тому

назад можно было опасаться за порядок, а теперь приходится дрожать за свободу. Вопросы свободомыслия, разума и искусства самодержавно разрешаются визирями короля баррикад. Весьма прискорбно видеть, как заканчивается июльская революция, *mulier formosa superne*.[42]

Конечно, если исходить из незначительности произведения и автора, о которых здесь идет речь, мера, предпринятая министерством — пустяк, всего лишь неприятный маленький государственный переворот в литературе, единственное достоинство которого заключается в том, что он не очень выделяется в коллекции беззаконных действий, продолжением которых он служит. Но если посмотреть на дело шире, то станет ясно, что речь идет не только о драме и поэте, но что здесь затронуты, как мы уже отметили вначале, свобода и собственность в целом. Это великие и важные вещи; и хотя автор не может прямо привлечь к ответственности министерство, укрывшееся за непризнанием ответственности совета министров по суду, и вынужден начать это важное дело предъявлением простого гражданского иска к театру Французской Комедии,

---

[42] Примечания: 42

Прекрасная женщина сверху (*лат.*) (из «Науки поэзии» Горация).

он надеется, что его процесс явится в глазах всех значительным процессом в тот день, когда он предстанет перед коммерческим судом, имея по правую руку свободу, а по левую собственность. Он выступит сам, если это понадобится, в защиту независимости своего искусства. Он будет упорно отстаивать свое право — с достоинством и с простотою, не выказывая злобы против отдельных личностей, но не выказывая и страха. Он рассчитывает на всеобщее содействие, на искреннюю и дружескую поддержку прессы, на справедливость общественного мнения, на беспристрастие суда. Его ждет успех, он в этом уверен. Осадное положение будет снято в литературной столице, так же как и в столице политической.

Когда это совершится, когда он вернется, принеся с собой нетронутой, неприкосновенной и нерушимой свою свободу поэта и гражданина, он снова мирно возобновит дело своей жизни, от которого его отрывают и которое ему хотелось бы не покидать ни на одно мгновение. Он должен выполнить свою задачу, он это знает, и ничто не в силах отвлечь его. Сейчас ему выпадает на долю политическая роль; он ее не домогался, но он согласен принять ее. Притесняющая нас власть, право же, мало выиграет от того, что мы,

люди искусства, оставим наш добросовестный, спокойный, возвышенный, благородный труд, наши священные обязанности по отношению к прошлому и будущему, и, исполненные негодования, чувства обиды и суровости, присоединимся к непочтительной и насмешливой толпе зрителей, уже пятнадцать лет провожающей шиканьем и свистом кучку жалких политических пачкунов, которые думают, будто они создают общественный строй тем, что ежедневно с большим трудом, обливаясь потом и задыхаясь, перетаскивают груды законопроектов из Тюильри в Бурбонский дворец и из Бурбонского дворца в Люксембургский!

30 ноября 1832

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Король Франциск Первый.
Трибуле.
Бланш.
Де Сен-Валье.
Сальтабадиль.
Магелона.
Клеман Маро.
Де Пьен.
Де Горд.
Де Пардальян.
Де Брион.
Де Моншеню.
Де Монморанси.
Де Косе.
Де Латур-Ландри.
Де Вик.
Госпожа де Косе.
Тетушка Берарда.
Дворянин из свиты королевы.
Лакей короля.
Врач.
Вельможи, пажи, простонародье.

Париж. — 152…

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
СЕН-ВАЛЬЕ

Ночное празднество в Лувре. Великолепные залы полны разряженных мужчин и женщин. Факелы, музыка, танцы, смех. — Лакеи проносят золотые блюда и серебряные кубки; проходят группы вельмож и дам.

Праздник подходит к концу; за окнами белеет рассвет. Во всем чувствуется распущенность; праздник немного смахивает на оргию. В архитектуре, мебели, одежде — стиль Возрождения.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Король — как на портрете Тициана; де Латур-Ландри.

Король

Давно пора кончать! Медлительность обидна.
Откуда, кто она? Мещаночка, как видно,
Но очень хороша!

Латур-Ландри

Попалась вам она
У церкви Сен-Жермен?

Король

Бываю издавна
По воскресеньям там.

Латур-Ландри

И неизвестность длится
Два месяца?

Король

Увы!

Латур-Ландри

А где живет девица?

Король

За тупиком Бюсси.

Латур-Ландри

Там, где Косе живет?

Король

Стена против стены.

Латур-Ландри

Я знаю дом. И вот
Ее вы выследили?

Король

Злобная старуха
Сует повсюду нос и наставляет ухо,
Следит вовсю.

Латур-Ландри

Ах, так?

Король

А вечерами к ней
Весьма таинственно, неслышней и темней,
Чем призрачная тень, какой-то неизвестный,
Закутавшись плащом чернее тьмы окрестной,
Проходит через сад.

Латур-Ландри

Вам путь указан!

Король

Ха!
Дверь вечно под замком, да и стена глуха.

Латур-Ландри

Преследуя ее на улице, однако,

Ужель не дождались вы никакого знака?

Король

Я безошибочно могу оказать: она
Моим присутствием не слишком смущена.

Латур-Ландри

Узнала ли она, что вы — король?

Король

(отрицательно покачав головой)

В обличье
Простого школяра я скрыл свое величье.

Латур-Ландри

Любовь чистейшая! Дух вознесен горе!
А ваша девочка — любовница кюре.

Входят несколько вельмож и Трибуле.

Король

Сюда идут!.. В любви тот никогда не плачет,
Кто молча действует.

(Обращается к Трибуле, который только что подошел и слышал последние слова.)

Ведь так?

Трибуле

Кто лучше прячет
Интригу хрупкую, кто тоньше тянет нить,
Сумеет в целости ее и сохранить.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Король, Трибуле, де Горд, вельможи. Вельможи великолепно одеты. Трибуле в платье шута, как на портрете Бонифацио. Король рассматривает проходящих женщин.

Латур-Ландри

Вандом божественна.

Горд

А я заметить смею,
Что Альб и Моншеврейль не меркнут рядом с нею.

Король

Всем трем красавицам я предпочту Косе,

Горд

Сир! Осторожнее! Подслушивают все —
И, между прочим, муж.

(Показывает королю на де Косе, проходящего в глубине сцены.)

Де Косе — коротконогий толстяк, «один из четырех самых тучных господ во Франции», по словам Брантома.[43]

Король

Мне дела нет до мужа!

Горд

Диане Пуатье расскажет он к тому же.

Король

Пускай!

(Проходит в глубину сцены, разговаривая с дамами.)

Трибуле

---

[43] Примечания: 43

...по словам Брантома... — Пьер Брантом (1540-1614) — французский писатель, автор мемуаров, в которых дается живая картина придворной жизни и нравов того времени. Сочинение Брантома «Жизнь знаменитых людей и великих полководцев французских и иностранных» — один из основных источников Гюго при работе его над драмой «Король забавляется».

(де Горду)

Так дразнит он Диану. Десять дней
Его величество и не заходит к ней.

Горд

А к мужу он ее не отошлет?

Трибуле

Уверен,
Что нет.

Горд

Отец прощен — и, значит, смысл потерян
Ей дорожить дворцом.

Трибуле

Но Сен-Валье — чудак!
Как он благословил такой неравный брак?
Как мог отец постлать супружеское ложе —
Уроду с дочерью, что, словно ангел божий,
В небесной прелести на диво сложена?
Как бросил он ее в объятья горбуна?

Горд

Действительно, он глуп. Я видел, как читали
Ему помилованье. Я стоял не дале,
Чем от тебя сейчас. Он побледнел и мог

Пролепетать одно: «Храни монарха бог!»
Решительно — сошел с ума!

Король

(проходит с г-жой де Косе)

Бесчеловечно!
Вы едете?

Г-жа де Косе

(со вздохом)

Увы! И муж со мной, конечно.

Король

Покинуть наш Париж! Но это же позор!
Круг избранных вельмож на вас покоит взор.
Ослеплены умы красою вашей нежной.
И в лучший миг, когда в сей жизни безмятежной
И каждый дуэлянт и каждый виршеплет
Вам лучший свой сонет и шпагу отошлет;
И ваших глаз огонь принудит всех красавиц
Беречь любовников и чувствовать к вам зависть;
Когда вы светочем явились для двора, —
Вас нет — и солнца нет, и ночи быть пора!
Забыть про этот блеск, бежать от всех успехов,

В провинциальный край безжалостно уехав! —

Г-жа де Косе

Молчите!

Король

Никогда!.. Что за каприз! К чему,
Вдруг люстры погасив, повергнуть бал во тьму?

Г-жа де Косе

Вот мой ревнивец, сир!

(Быстро отходит от короля.)

Король

Не муж, а сущий дьявол!

(К Трибуле)

Я ей читал стихи и сам катрен[44] составил.

---

[44] Примечания: 44
Катрен — четверостишие.

Тебе показывал Маро[45] мои стихи?

Трибуле

Я не читаю их. Стихи всегда плохи,
Когда поэт — король.

Король

Дурак!

Трибуле

Простонародье
Рифмует «кровь» — «любовь» и дальше в этом роде,
А вы пред красотой должны быть без прикрас:
Стихи — лишь для Маро, а нежности — для вас.
Король рифмующий смешон!

Король

Сонеты дамам
Мне сердце веселят. Снабжаю Лувр тем самым

---

[45] Примечания: 45

Маро Клеман (1496-1544) — один из видных поэтов французского Возрождения; состоял одно время на службе у Франциска I. В своих легких, изящных стихах, полных светлой жизнерадостности, он отчасти отразил нравы придворного общества. Однако Клеман Маро отнюдь не был таким беспринципным придворным угодником, каким изобразил его Гюго. Гуманист и свободомыслящий в религиозных вопросах, он часто обличал жестокость и несправедливость; много раз он подвергался гонениям и должен был окончить жизнь на чужбине.

Крылами.

Трибуле

Чтобы стал он мельницей простой!..

Король

Я высеку тебя, негодник!.. Но постой!
Вот Куален идет!

(Быстро идет к г-же де Куален и говорит ей любезности.)

Трибуле

(в сторону)

Мчись, ветреник, по кругу —
То к этой, то к другой!

Горд

(подходит к Трибуле, показывая ему происходящее в глубине сцены)

Покинувши супруга,
Выходит де Косе. Бьюсь об заклад, сейчас
Уронит невзначай для короля как раз
Перчатку.

Трибуле

Поглядим.

Г-жа де Косе, с досадой следившая за вниманием, которое оказывает король г-же де Куален, роняет букет. Король покидает г-жу де Куален, поднимает букет г-жи де Косе и вступает с нею в разговор, как будто очень нежный.

Горд

(к Трибуле)

Ну что?

Трибуле

Вот это ловко!

Горд

Попался наш король.

Трибуле

А женщина — чертовка
Весьма ученая.

Король обнимает за талию г-жу де Косе и целует ей руки. Она смеется и весело болтает. В этот момент из двери в глубине входит де Косе. Де Горд показывает на него Трибуле. Де Косе останавливается и неподвижно смотрит на короля и на свою жену.

Горд

Вот муж!

Г-жа де Косе

Подите прочь!

(Выскальзывает из объятий короля и убегает.)

Трибуле

Что потерял толстяк? Чем думает помочь?

Король идет к столу в глубине и наливает себе стакан вина.

Косе

(приближается к авансцене, погруженный в задумчивость, про себя)

О чем-то шепчутся?

(Быстро подходит к де Латур-Ландри; тот знаком дает понять, что хочет ему что-то сообщить.)

Латур-Ландри

(таинственно)

Супруга ваша — прелесть!

Де Косе с сердитым видом направляется к де Горду, тоже будто подзывающему его.

Горд

(тихо)

Что вы в ту сторону так странно засмотрелись? Что угнетает вас? Чем поражен ваш ум?

Де Косе с досадой отходит и оказывается лицом к лицу с Трибуле; тот уводит его в угол сцены, а де Горд и де Латур-Ландри громко хохочут.

Трибуле

Что, сударь, топчетесь? Что прете наобум?

(Смеется и поворачивается спиной к взбешенному де Косе.)

Король

(возвращается)

Я счастлив! Сам Зевес с самим Гераклом вместе
В сравнении со мной — мальчишки из предместья!
Весь их Олимп — кабак! Как бесподобна страсть!
Как счастлив я! А ты?

Трибуле

Избрал благую часть.
Смеюсь исподтишка, минуты не промешкав.
Вам — наслаждение, а мне — моя усмешка.
Вам — счастье короля, мне — счастье горбуна.

Король

Мать родила меня для радостного сна.

(Глядя на де Косе, который уходит)

Один лишь де Косе расстраивает дело,
Мешает празднику.

Трибуле

Тупица обалделый!

Король

Не будь несчастного, — все мило на земле.

Все мочь, всего хотеть, всем править!.. Трибуле!

Какое счастье — жить! Желанья постоянно
Несутся дальше...

Трибуле

Сир! Мне кажется, вы пьяны!

Король

Но стой! Опять она в сиянье глаз и плеч!

Трибуле

Косе?

Король

Идем за мной! Ты будешь нас стеречь.

(Поет)

Ликует в день воскресный
Народ моей страны!
Все женщины прелестны...

Трибуле

(поет)

Мужчины все пьяны!

Уходят. Появляется группа вельмож.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Де Горд, де Пардальян, белокурый молоденький паж; де Вик, мэтр Клеман Маро, в одежде личного слуги короля; затем де Пьен и другие вельможи. Время от времени проходит с очень озабоченным и задумчивым лицом де Косе.

Клеман Маро

(поклонившись де Горду)

Что нового у нас?

Горд

Король, меж нас порхая,
Вновь забавляется.

Маро

Что ж! Новость неплохая.
Он забавляется? Тем лучше.

Косе

(проходя сзади них)

Во сто крат

Опаснее король, когда он жизни рад.

Горд

Толстяк убийственно острит. И я взволнован.

Маро

Король его женой как будто очарован?

Де Горд утвердительно кивает. Входит де Пьен.

Горд

А вот и герцог наш!
Здороваются.

Пьен

Друзья мои! Могу
Я сделать кавардак в любом людском мозгу!
Могу вас рассмешить! Могу вам рассказать я!
Забавнейшая вещь! Предел невероятья!

Горд

Но что же?

Вокруг них собирается кружок.

Пьен

Тсс. Маро, пожалуйте сюда!

Маро

Что, герцог?

Пьен

Вы глупец великий.

Маро

Никогда
Ни в чем великим я и не был и не буду.

Пьен

Я вспомнил ваших строк рифмованную груду,
Ваш стих о Трибуле: «Он папа дураков:
Каким в пеленках был, и в тридцать лет таков».[46]
Вы сами, мэтр, болван!

Маро

Клянусь вам Купидоном,
Не понял.

Пьен

Пардальян, внимайте о бездонном
Секрете Трибуле.

---

[46] Примечания: 46

Ваш стих о Трибуле. — Приводимые здесь стихи принадлежат в действительности не Клеману Маро, а его отцу Жану Маро, занимавшему при Франциске I пост королевского историографа.

Де Горд, де Пардальян, Маро и подошедший к группе де Косе образуют кружок около герцога.

Пусть этот слух зловещ,
Но с ним произошла неслыханная вещь.

Пардальян

Он спину выпрямил?

Косе

Он коннетаблем будет?

Маро

Зажарен поваром и подан нам на блюде?

Пьен

Нет, нет! Еще смешней! Есть у него... Ага!
Догадываетесь?

Горд

Дуэль с Гаргантюа?

Пьен

Нет!

Пардальян

Пущен ложный слух о некой обезьяне
Противней, чем он сам?

Маро

Звенит в его кармане?
Свиданье у него с Пречистою в раю?

Горд

Есть у него душа?

Пьен

Я пять очков даю —
Не догадаетесь, что у него — вовеки! —
У Трибуле-шута, у Трибуле-калеки...

Маро

Горб, очевидно, есть?

Пьен

Даю вам сто вперед!..
Любовница!

Все хохочут.

Маро

Хо-хо! Наш герцог славно врет!

Пардальян

Вот сказки!

Пьен

Господа, клянусь вам небесами!
Есть дама. Есть и дом. Вы убедитесь сами.
И каждый вечер шут, закутанный плащом,
Там бродит, как поэт, в мечтанья облачен.
Сегодня встретимся мы ночью на прогулке.
Я покажу вам дом — в том самом переулке,
Где особняк Косе.

Маро

Есть тема для стихов:
Горбатый Купидон в объятиях грехов!

Пардальян

(смеется)

Вот не к лицу ему!

Горд

(смеется)

Он оседлал кобылу —
Конька из дерева!

Маро

Полна такого пылу

Его любезная, что устрашит в Кале
Все войско англичан[47] по знаку Трибуле.

Все смеются. К ним подходит де Вик. Де Пьен прикладывает палец ко рту.

Пьен

Тсс!..

Пардальян

(де Пьену)

Как же объяснить, что в сумерки и тайно
Выходит наш король за встречею случайной?

Пьен

Пусть вам ответит Вик.

Вик

Могу сказать одно:
Он забавляется, а как — нам все равно.

Косе

---

[47] Примечания: 47

Его любезная, что устрашит в Кале все войско англичан... — Намек на французскую национальную героиню XV в. Жанну д'Арк, возглавившую один из французских отрядов во время Столетней войны с Англией. В результате патриотического подъема французского народа, ярко проявившегося в выступлении Жанны д'Арк, англичане были изгнаны из Франции и к 1450 г. в их руках остался лишь порт Кале.

Нам лучше помолчать!

Вик

Пускай осталось в тайне,
В какую сторону влечет его мечтанье, —
Куда по вечерам, неузнанный, в плаще,
Он мчится весело, и спит ли вообще,
И чье ему окно любезно дверью служит, —
Кто не женат, друзья, об этом пусть не тужит!

Косе

(покачивая головой)

Вельможи постарей расскажут, что всегда
Король найдет себе забаву, господа.
Те, у кого жена иль дочь, не спи ночами!
Могущественный враг у мужа за плечами.
Для сотен подданных страшна такая власть.
Полна клыков его улыбчивая пасть.

Вик

(тихо)

Боится короля!

Пардальян

Зато жена прелестна
И несколько смелей.

Маро

Что для него не лестно.

Горд

Вы ошибаетесь на этот раз, Косе.
Веселых королей мы обожаем все.

Пардальян

Скучающий король — что может быть тяжеле?.
Девчонка в трауре, интрига без дуэли.

Пьен

Бокал с простой водой.

Вик

Май, что дождлив и хмур.

Маро

(тихо)

Сюда идут король и Трибуле-Амур.

Входят король и Трибуле. Придворные почтительно расступаются.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, король и Трибуле.

Трибуле

(продолжая начатый разговор)

Ученых ко двору! Куда же людям скрыться?

Король

Так нам советует любезная сестрица:
Ученых при дворе угодно видеть ей.[48]

Трибуле

Сир, согласитесь: вы из нас двоих пьяней.
Я вправе рассуждать скорей, чем вы, толково
И преимущества не упущу такого.
Оно огромно, сир, и кажется вдвойне;
Не пьян и не король — как не кичиться мне?
Пусть будет здесь чума, пусть будет лихорадка
—

---

[48] Примечания: 48

...единственной сестрицы: ученых при дворе угодно видеть ей. — Сестра короля Франциска I, Маргарита Наваррская, собрала при своем дворе кружок ученых гуманистов; она защищала религиозное свободомыслие, покровительствовала поэтам и сама была даровитой писательницей.

Но не ученые!

Король

Тебе отвечу кратко:
Так нам велит сестра.

Трибуле

И очень худо, сир,
Со стороны сестры. Я обыщу весь мир.
Нет волка, нет совы, такой вороны нету,
Нет гуся, нет быка, о, даже нет поэта,
Магометанина, фламандца-толстяка,
Глупца теолога, медведя иль щенка —
Растрепанней, смешней, уродливей раз во сто
И большей глупости покрытого коростой,
Надменней и грязней в ничтожестве самом,
Чем этот вид ослов, навьюченных умом.
Иль вы откажетесь от радости, от женщин,
Чьей нежною красой ваш праздник был увенчан?

Король

Однажды мне сестра шепнула на ушко,
Что женщинами жизнь украсить не легко,
Что так соскучишься...

Трибуле

Но для чего от скуки —
Лекарство странное! — сзывать людей науки?
Поверьте: замысел принцессы не силен,
Похож на прежние — и не удастся он.

Король

Ученых ни к чему, — но пять иль шесть поэтов...

Трибуле

Я более боюсь, все хорошо изведав,
Виршекропателей, бормочущих стихи,
Чем дьявол ладана, — прости мне бог грехи!

Король

Но пять иль шесть...

Трибуле

Всего? Ну, вот вам и конюшня
Иль академия! Ай, как нам будет душно!

(Показывая на Маро)

Довольно и Маро, чтоб не попасть впросак!
Он портит праздники за шестерых писак.

Маро

Благодарю!

(Про себя)

Болтун! Молчал бы ты почаще!

Трибуле

У вас есть женщины! Мир праздничный, блестящий!
У вас есть женщины! О боже мой! И вы
Вдруг захотели, сир, мечтаете, увы,
Скучать с учеными!

Король

Мне честь моя порукой —
Смешна мне эта роль; я не дружу с наукой.

Среди стоящих в глубине громкий смех.

(К Трибуле)

Там на смех подняли тебя, хромой сатир!

Трибуле

Другого дурака.

Король

Кого же?

Трибуле

Вас, мой сир.

Король

Чего они хотят?

Трибуле

Скупцом вас называют
За то, что почести в Наварру уплывают,
И ни гроша для них.

Король

Пречистая, спаси!
Там трое — Моншеню, Брион, Монморанси?

Трибуле

Да, трое.

Король

Вот они. Все кажется им мало!
Тот коннетаблем стал, а этот адмиралом,
А третий, Моншеню, наш личный мажордом.
Неблагодарные! Как жить с таким гнездом?

Трибуле

Чтоб справедливый суд для них уравновесить,
Повысить можно их.

Король

Куда еще?

Трибуле

Повесить.

Пьен

(смеясь, обращается к трем вельможам, остающимся в глубине сцены)

Слыхали, господа, остроту горбуна?

Брион

(с яростью глядя на Трибуле)

Конечно!

Монморанси

Жалкий раб!

Моншеню

Заплатит нам сполна!

Трибуле

(королю)

Однако пустота должна быть в вашем счастье,
Пока нет женщины, подруги вашей страсти,
Чьи очи скажут: «нет», чье сердце скажет: «да».

Король

Откуда ты узнал?

Трибуле

Большого нет труда
Короной обольщать.

Король

Так, значит, дамы нету,
Влюбившейся в меня, а не в корону эту?

Трибуле

Не зная, кто вы?

Король

Да.

(В сторону)

По счастью, далека
Моя красавица ночного тупика.

Трибуле

Не горожанка ли?

Король

А что же?

Трибуле

Больше риска!
Сир, берегитесь их, не подходите близко:

Купцы безжалостны, как римляне, подчас, —
Чуть тронешь их добро, отыщут всюду вас.
Так будем поскромней — шут и король, нагрянем
К вельможам собственным, — дадут вам жен дворяне.

Король

Я с госпожой Косе улажу как-нибудь.

Трибуле

Неплохо!

Король

На словах. Но сделать — не забудь —
Трудней!

Трибуле

Сегодня же похитить!

Король

А супруга?

Трибуле

В Бастилию!

Король

О нет!

Трибуле

Так превратите в друга.
Пусть будет герцогом.

Король

Ревнив, и скуп, и зол!
Поднимет страшный крик, что это произвол...

Трибуле

(размышляя)

Изгнать немыслимо. А заплатить — обидит...

Де Косе приближается сзади к королю и шуту и слышит их разговор. Трибуле радостно ударяет себя по лбу.

Есть средство легкое, — так ваше дело выйдет.
Простое средство есть, с ним согласятся все.

Де Косе подходит все ближе и прислушивается.

Срубите голову бездельнику Косе!

Де Косе в ужасе отшатывается.

Как будто заговор с Испанией иль Римом...

Косе

(не выдержав, громко)

Вот дьявол!

Король

(смеясь, треплет по плечу де Косе; к Трибуле)

Вот и он, казавшийся незримым!
Вот эту голову? Об этой думал ты?
Любуйся же, дружок, вглядись в ее черты:
Ни выражением, ни мыслью не богата.

Трибуле

Есть признак более значительный: рогата.

Косе

Срубить мне голову!

Трибуле

А что?

Король

Он разъярен.

Трибуле

Какой это король, кто сжат со всех сторон,

Кто не решается фантазии дать волю?

Косе

Срубить мне голову! Шутить я не позволю!

Трибуле

Нет проще ничего! И разве есть нужда
Такую голову носить сохранно?

Косе

Да!
Тебя я накажу, дурак!

Трибуле

А мне не страшно!
Я окружен у вас толпой врагов всегдашней
И не боюсь врагов. Чем я рискую тут?
Одной башкой шута и отвечает шут.
Не страшно, сударь мой! Раздавите, как муху?
Вдавите в спину горб — и выдавится брюхо:
Я стану толще вас.

Косе

(хватается за рукоять шпаги)

Вот сволочь!

Король

Стойте, граф...
Шут, брось!

(Смеясь, уходит вместе с Трибуле.)

Горд

Король ушел, обоих разыграв.

Пардальян

Смеяться пустякам — для короля бесславно.

Маро

Он забавляется, но это не забавно.

Придворные провожают уходящего Трибуле злобными взглядами.

Брион

Отмстим шуту!

Все

Идет!

Маро

Но он в стальной броне!
Как подойти к нему? Как ранить?

Пьен

Ясно мне —
Он всем нам насолил, и каждого обидел,
И кару заслужил.

Все с любопытством окружают де Пьена.

Сегодня ночью выйдя,
Вооружитесь все — и к домику тому,
За тупиком Бюси. Ни звука никому!

Маро

Я понял.

Пьен

Решено?

Все

Все ясно!

Пьен

Тише! Вот он!

Входят король, окруженный женщинами, и Трибуле.

Трибуле

(в стороне, про себя)

С кем поиграть еще? Кто не совсем обглодан?

Лакей

(входя к Трибуле, тихо)

Старик, весь в трауре, явился к королю, —
Де Сен-Валье.

Трибуле

(потирая руки)

Ого! Вот это я люблю.
Пустить его сюда!

Лакей уходит.

Начнется суматоха.
Отлично! Встретим мы де Сен-Валье неплохо!

Шум и крики за входной дверью.

Голос

(за сценой)

Пустите к королю!

Король

(прерывая беседу)

Нет!.. Кто там? Не сейчас!

Тот же голос
Пустите к королю!

Король

(быстро)

Нет, нет!

Старик в траурном одеянии расталкивает толпу и устремляется к королю, пристально на него глядя. Все придворные в изумлении отступают.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и де Сен-Валье; он в глубоком трауре, у него седые волосы и борода.

Сен-Валье

(королю)

Мне надо вас!

Король

Де Сен-Валье!

Сен-Валье

(неподвижно, на пороге)

Да, я. Так звался я когда-то.

Король в гневе делает шаг к нему. Трибуле его удерживает.

Трибуле

Я потолкую с ним, король, запанибрата!

(Обращается к де Сен-Валье с актерской напыщенностью.)

Вы в некий заговор вступили против нас.
Король наш милосерд, и мы простили вас.
Какого дьявола придумали вы все же
На зятя своего иметь внучат похожих?
Ваш зять чудовищен, собою дурен, нищ,
И нос его в прыщах, и сам он — скверный прыщ:
Тщедушен, одноглаз и толст, как тот придворный,

(показывает на де Косе — тот вздрагивает от гнева)

Или, верней, горбат, как ваш слуга покорный.
Дочь ваша — рядом с ним? Раздастся общий смех!
Ведь если б не король, он бы испортил всех
Внучат! Он наплодит кривых и рыжих деток,

Как ни смотри на них, смешных и так и этак,
Пузатых, как вон тот,

(снова показывает на де Косе и кланяется ему, вызывая его негодование)

иль горбунов, как я.
Нет! Будет королем вся спасена семья!
И вырастет у вас лихое поколенье —
Трепать вам бороду и прыгать на колени.

Придворные возгласами и смехом выражают Трибуле свое одобрение

Сен-Валье

(не глядя на Трибуле)

Среди других обид еще одна!.. Король,
Должны вы выслушать, в чем скорбь моя и боль.
По Гревской площади я шел босой недавно,
И если пощажен, то пощажен бесславно.
Я вас благословил, но пребывал во сне:
Я не предчувствовал, что предстояло мне.
Под видом милости был срам мне уготован.
Вы не уважили ни старика седого,
Ни крови Пуатье, дворянской сотни лет.
А с Гревской площади я шел и дал обет

Пожертвовать собой для вашей славы честной.
Так бога я молил, незрячий, бессловесный.
И вот вы, Валуа, в тот день иль в ту же ночь
Склонили без стыда мою родную дочь,
Себя ни жалостью, ни грустью не тревожа,
В объятья подлые, на гибельное ложе.
Так обесчещена и растлена во тьме
Графиня де Брезе, Диана Пуатье.
В тот миг, когда я ждал судьбы моей и казни,
Дитя, ты мчалась в Лувр, чтоб слушать о соблазне.
И твой король забыл свой рыцарственный долг.
Зов правды для него давно уже умолк:
Он тешил только блажь свою недорогую.
Ужель я жизнь купил, твоим стыдом торгуя?
На Гревской площади палаческой рукой
Построенный помост был должен в час дневной
Стать плахой для отца; но в сумраке вечернем —
Увы! — взамен того он ложем стал дочерним.
Бог отомщающий, сказал ли слово ты,
Увидев эшафот средь этой суеты,
Средь этой роскоши, рожденной вашей властью,

Кичливой в милостях, но скрытной в любострастье?
Поступок дурен ваш, непоправим позор!
Пускай бы залили моею кровью двор!
Пускай бы, наконец, не по заслугам старым,
Отец наказан был бесчестящим ударом.
Но взяли вы дитя в обмен на старика,
И женщину в слезах, чей ужас и тоска
На все податливы, вы оскорбили подло!
Вы это сделали. За это счет я подал.
Границы прав своих перешагнули вы.
Дочь для меня, король, дороже головы.
О да! Я был прощен! Такая вещь сегодня
Зовется милостью. Зачем я бурю поднял?
Вы б лучше сделали, мою не тронув дочь,
Придя ко мне в тюрьму, хотя бы в ту же ночь.
Я закричал бы вам: «Не нужно мне пощады!
Но пожалейте вы мою семью и чадо!
Могила — не позор. И я готов к концу.
Снесите голову — не бейте по лицу!
Мой господин король, — так я вас звать обязан, —
Поверьте: дворянин-христианин наказан
И обезглавлен злей, когда теряет честь.
Король, ответьте мне, ведь в этом правда есть?»

Так я сказал бы вам. И в тот же вечер в церкви,
Лобзая седины и очи, что померкли,
Стояла бы она, не опустив лица,
И помолилась бы за честного отца.
Но я не требую от вас ее обратно:
Всегда прощаемся мы с честью безвозвратно.
Нежна ли к вам она или, дичась, дрожит —
И знать мне незачем. Меж нами стыд лежит.
Останьтесь с ней. А я — мне любо год за годом
Среди веселья вас смущать своим приходом.
Какой-нибудь отец, иль брат, или супруг
Отмстит вам и за нас — все может статься вдруг.
На каждом празднике я вам являться буду,
Чтобы сказать одно: вы поступили худо!
Так молча слушайте меня. И до конца,
Король, вам не поднять смятенного лица.
Вы, правда, можете меня молчать заставить —
В темницу ввергнуть вновь и завтра обезглавить.
Но не посмеете, боясь, что через день

(показывает на свою голову)

Вот с этой головой в руках придет к вам тень!

Король

(задыхаясь от гнева)

Ом забывается! Он провинился тяжко!
Арестовать его!

По знаку де Пьена двое стражей с алебардами подходят с двух сторон к де Сен-Валье.

Трибуле

(смеясь)

Сир, болен старикашка!

Сен-Валье

(поднимая руку)

Проклятье вам двоим!

(Королю)

Нет в этом торжества —
Спускать своих собак на раненого льва!

(К Трибуле)

Но кто бы ни был ты, лакей с гадючьим жалом,
Высмеиватель злой моих отцовских жалоб, —
Будь проклят!

(Королю)

Я стою как равный вам. И честь
Мне ту же следует, что королю, принесть.

Отец — пред королем. Но старость стоит трона.
И на моем челе есть некая корона, —
Да не коснется взор нечистый ни один!
Блеск лилий Валуа темней моих седин.[49]
Сир, вы ограждены от всякого удара
Законом. За меня — отмщает божья кара!

[49] Примечания: 49

Блеск лилий Валуа темней моих седин... — На гербе королевского дома Валуа, к которому принадлежал Франциск I, были изображены белые лилии.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
САЛЬТАБАДИЛЬ

Самый безлюдный угол тупика Бюси. Направо скромный маленький домик с двориком, окруженным стеною. Дворик этот занимает часть сцены. В нем несколько деревьев и каменная скамья. В стене — дверь на улицу. Над стеной небольшая терраса с крышей, опирающейся на аркады в стиле Возрождения. На террасу выходит дверь второго этажа. Терраса соединена с двориком высеченной лестницей в две-три ступеньки. Налево высокая стена сада особняка де Косе. На заднем плане здания и колокольня церкви св. Северина.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Трибуле, Сальтабадиль. В продолжение части сцены — де Пьен и де Горд, в глубине.

Трибуле в плаще, без всяких атрибутов шутовского ремесла, показывается на улице и направляется к двери в стене. Человек в черном, тоже закутанный в плащ, края которого подняты шпагой, следует за ним.

Трибуле

(задумчиво)

Я проклят стариком!

Человек

(кланяясь ему)

Эй, сударь!

Трибуле

(раздраженно оборачивается и шарит в карманах)

Ни гроша...

Человек

Мне милостыню? Фу!

Трибуле

(знаком просит оставить его в покое и идти своей дорогой)

Ухватка хороша.

Входят де Пьен и де Горд; они издали наблюдают.

Человек

Вы заблуждаетесь. Ношу я, сударь, шпагу.

Трибуле

(отступая на шаг)

Уж не воришка ли?

Человек

(подходит с ласковым видом)

Не прибавляйте шагу.
Я часто наблюдал вас ночью. Вы должны
Быть верным сторожем у собственной жены.

Трибуле

(в сторону)

Вот дьявол!

(Громко)

Никому до этого нет дела!

(Хочет уйти. Человек его удерживает.)

Человек

Но ваше благо нас чувствительно задело.
Что ж, познакомимся. Полезен буду впредь.

(Подходит еще ближе.)

На вашу милую осмелился смотреть
Какой-то нежный хлыщ. А ревность зла...

Трибуле

(нетерпеливо)

И что же?

Человек

(приятно улыбаясь, тихо и быстро)

За небольшую мзду он будет уничтожен.

Трибуле

(облегченно вздохнув)

Отлично!

Человек

Из чего поймете вы, что я
Достоин вас вполне.

Трибуле

Еще бы!

Человек

Цель моя —
Вполне благая цель.

Трибуле

Вы человек полезный.

Человек

(скромно)

Хранитель чести дам и рыцарь их любезный.

Трибуле

А сколько стоил бы ваш нож из-за угла?

Человек

Смотря кого и как. Есть разные дела.

Трибуле

Вельможу знатного.

Человек

Вельможи носят шпаги.
Тут надо припасти уменья и отваги
И шкурой рисковать. На этого врага
Охота дорога.

Трибуле

Охота дорога!
Но разве мещанин так шею и подставит
Под всякий острый нож?

Человек

(улыбается)

Нужда его заставит
В большой лишь крайности шалить так широко.
Дворянам, сударь мой, жизнь защищать легко.
Случается и так, что из-за крупных денег
Пролезет прямо в знать какой-нибудь мошенник,
Прибавив мне хлопот. Но эта дрянь жалка...
Мне платят и вперед, не пряча кошелька.

Трибуле

(покачивая головой)

О, вы рискуете! К вам виселица близко!

Человек

(улыбаясь)

Плати в полицию — вот и избегнешь риска.

Трибуле

Любого мог бы ты?

Человек

(утвердительно кивнув головой)

Вам бы ответил я...
Спаси нас бог, молчу... Щадим мы короля...

Трибуле

Как ты работаешь?

Человек

Готов на что угодно —
На улице любой иль дома.

Трибуле

Благородно!

Человек

Я шпагу острую всегда ношу с собой
И встречи жду во тьме.

Трибуле

А если дома бой?

Человек

Есть у меня сестра, занятная девчонка,
Плясунья ловкая, чье обращенье тонко, —
Сумеет всякого к нам на ночь привести.

Трибуле

Я понял.

Человек

Видите? Вам лучше не найти!
Мы скромно действуем — без шума, без торговли
И без помощников. Пошлите нас на ловлю!
Заметьте: сверх того, я не принадлежу
К ночным грабителям, приученным к ножу.
Пришлось бы нанимать штук десять из ватаги:
Их смелость коротка, короче всякой шпаги.

Вытаскивает из-под плаща необыкновенной длины шпагу.

Мой проще инструмент.

Трибуле в ужасе отступает.

Готов служить.

Трибуле

(удивленно рассматривает шпагу)

Ого!
Благодарю! Сейчас не надо ничего.

Человек

(пряча шпагу)

Досадно! Если вам понадобится, сударь, —
Обычно я брожу в пяти шагах отсюда;
Зовусь Сальтабадиль.

Трибуле

Цыган?

Человек

Скорее — грек.

Горд

(в глубине)

Я имя запишу. Бесценный человек!

Человек

Не поминайте злом за то, что вам известно!

Трибуле

За что? У всякого свой заработок честный.

Человек

Чем по миру ходить и лодырничать, я,
Кормилец четырех детишек...

Трибуле

Чтоб семья
Была пристроена...

(Знаком отпуская его)

Пошли вам бог удачи.

Пьен

(в глубине, показывая де Горду на Трибуле)

Еще светло. Уйдем! Заметит он иначе.

Оба уходят.

Трибуле

Прощайте!

Человек

(кланяется)

Ваш слуга повсюду и всегда!

Трибуле

(глядя ему вслед)

Мы оба как птенцы из одного гнезда:
Язык мой ядовит — его клинок неистов.
Я продаю свой смех — он продает убийство.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

После того как человек скрылся, Трибуле неспешно открывает дверь в стене двора. Осторожно оглядывается, затем вынимает ключ из скважины и запирает дверь изнутри. Делает несколько шагов по двору со встревоженным и озабоченным видом.

Трибуле

Я проклят стариком. Пока он говорил
И называл меня лакеем, я дурил.
О, я был подлецом, смеялся... Но я очень
Словами старика остался озабочен.

(Садится на скамейку у каменного стола.)

Я проклят им!..

(В глубокой задумчивости, опустив голову на руки)

В руках природы и людей
Я становился все жесточе и подлей.
Вот ужас: быть шутом! Вот ужас: быть уродом!
Все та же мысль гнетет. Все та же — год за го-

дом.

Уснешь ли крепким сном или не в силах спать,
—

«Эй, шут, придворный шут!» — услышишь ты опять.

Ни жизни, ни страстей, ни ремесла, ни права,
—

Смех, только смех один, как чумная отрава.
Солдатам, согнанным, как стадо, в их строю,
Что вместо знамени тряпицу чтут свою,
Любому нищему, что знает только голод,
Тунисскому рабу и каторжникам голым,
Всем людям на земле, мильонам тварей всех
Позволено рыдать, когда им гадок смех, —
А мне запрещено! И с этой мордой злобной
Я в теле скорчился, как в клетке неудобной.
Противен самому себе до тошноты,
Ревную к мощи их и к чарам красоты.

Пусть блеск вокруг меня, — тем более я мрачен.

И если, нелюдим, усталостью охвачен,
Хотя бы краткий срок хочу я отдохнуть,
С очей слезу смахнуть, горб со спины стряхнуть,
—

Хозяин тут как тут. Весельем он увенчан;
Он — всемогущий бог, любимец многих жен-

щин;
Забыл он, что есть смерть и что такое боль;
Доволен жизнию и сверх всего — король!
Пинком ноги он бьет несчастного паяца
И говорит, зевнув: «Заставь меня смеяться!»
Бедняк дворцовый шут! Ведь он — живая тварь,
И вот весь ад страстей, томивший душу встарь,
Свое злопамятство, и гордость небольшую,
И ужас, что хрипит в его груди, бушуя,
Весь этот вечный гнет, весь этот тайный зуд,
Все чувства черные, что грудь ему грызут, —
По знаку короля он вырывает с мясом,
Чтоб хохотал любой смешным его гримасам.
Вот мерзость! Встань, ложись, не помни ни черта, —
А нитка за ногу все дергает шута!
Все гонят и клянут, презренного ругая.
А вот и женщина — она полунагая;
Он жаждет с нею быть. Веселая краса
Берет его в постель и треплет, будто пса.
Так знайте, господа весельчаки вельможи, —
Я ненавижу вас. Меня вы, знаю, тоже.
Как заставляет шут расплачиваться вас!
Как на любой щипок ощерится тотчас!
Как демон, шепчется с хозяином советчик!

Едва возникшие карьеры — вроде свечек,
И только ты в когтях очутишься его, —
Вмиг оперения лишишься своего.
Вы сделали шута собакой. Жребий волчий —
В бокалы пьяные своей прибавить желчи,
И доброту изгнать, и сердце сжать в комок,
И этот острый ум, который мыслить мог,
Глушить в бубенчиках, и тайно пробираться
По вашим праздникам, как некий дух злорадства,
Со скуки разрушать чужую жизнь всегда.
И все тщеславье в том, что у других беда...
И всюду и всегда, куда ни кинет случай,
Носить ее в себе, мешая с жизнью жгучей,
И бережно хранить, и прятать ото всех,
И ярко наряжать в свой надоевший смех —
Старуху Ненависть!

(Подымается со скамьи.)

Долой все, что томило!
Не стал ли я другим пред этой дверью милой?
Мир, из которого иду я, позабыт.
Пусть не проникнет в дом все, что меня томит.

(Снова задумывается.)

Я проклят стариком!.. Зачем же мысль дурная
Все возвращается? Ее я прогоняю.

Все будет хорошо.

(Пожимает плечами.)

Иль я сошел с ума?

(Подходит к двери дома и стучит.)

Дверь открывается. Выходит девушка в белом и радостно бросается ему в объятия.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Трибуле, Бланш, потом Берарда.

Трибуле

Дочь!

(Радостно прижимая ее к груди)

Обними меня. Да, это ты сама —
Здесь, рядом! Пред тобой — все радость. Прочь унынье!
Дитя, я счастлив. Я дышу свободно ныне.

(С восторгом смотрит на нее.)

Милее с каждым днем... Тебе не скучно тут?
Пусть руки милые мне шею обовьют!

Бланш

(обнимая его)

Как вы добры ко мне!

Трибуле

(садится)

Не добротой — любовью
Я полон. Вот и все. Ты дочь моя по крови.
Не будь тебя со мной, как жил бы я тогда?

Бланш

(кладет ему руку на лоб)

Но вы вздыхаете? Какая-то беда
Печалит вас, отец? Какая-то тревога?
И о семье своей я знаю так немного...

Трибуле

Нет у тебя семьи.

Бланш

Но имя есть у вас?

Трибуле

Зачем оно тебе?

Бланш

Соседи столько раз

В той местности, где я воспитывалась прежде,
Меня сироткою считали по одежде.

Трибуле

Да, лучше б я тебя оставил в том краю.
Но разве мог забыть про девочку свою?
Ты мне дороже всех, нужней всего живого...

(Снова обнимает ее.)

Бланш

Но если о себе не скажете ни слова...

Трибуле

Из дома — никуда?

Бланш

Два месяца почти
А в церковь восемь раз всего пришлось пойти.

Трибуле

Так!

Бланш

Хоть о матери скажите мне немножко!

Трибуле

Не вспоминай о ней, о нашем горе, крошка.

Не вспоминай о той, чей образ, как сквозь сон,
В тебе таинственно сегодня повторен.
Та женщина была на женщин не похожа.
В огромном мире, где душа убита ложью,
Она нашла меня и полюбила так
За то, что я урод, за то, что я бедняк.
И умерла. И смерть ее хранит навеки
Таинственный рассказ о нежности к калеке —
О дивной молнии, блеснувшей мне на миг,
О райском отблеске, что я в аду постиг.
Будь ей легка земля, пристанище всех смертных,
Лелей ее в своих объятьях милосердных!

(Поднимает глаза к небу.)

Но ты осталась мне. О боже, счастлив я!

(Плачет, спрятав лицо в руках Бланш.)

Бланш

Отец, вы плачете? Иль вам не жаль меня?
Я ваших слез боюсь. Как сердце вдруг упало!

Трибуле

Мой смех увидевши, что б ты тогда сказала?

Бланш

Что с вами? Вы в тоске? Откройте свой секрет.

Хотя бы имя мне свое скажите.

Трибуле

Нет.
Зачем оно тебе? Отец — и только. Слушай!
В других местах следят за мною злые души.
Я гадок одному иль проклят был другим...
Что в имени моем? Что сделаешь ты с ним?
Хочу хотя бы здесь, хочу с тобою рядом,
В глаза невинные впиваясь долгим взглядом,
Быть для тебя отцом, не более отца,
И, значит, честным быть и добрым до конца.

Бланш

Отец мой!

Трибуле

(снова страстно сжимает ее в объятиях)

Можно ли дороже быть и ближе?
Люблю тебя взамен всего, что ненавижу!
Сядь рядом, девочка. Ты об отце своем
Забудешь? Говори! И если мы вдвоем,
И если пальцами ты руку мне сжимаешь,
Каких же тайн моих еще не понимаешь?
Одно лишь счастие доступно для меня.

Есть у других друзья, есть братья, есть родня,
Есть верная жена, вассалы, важный предок,
Иль свита предков есть, и хор детей нередок.
Но у меня есть ты! Кто так богат другой?
Мое сокровище, мой ангел дорогой!
Тот верит в господа, — твоей душе я верю.
Тот молод и любим, он все откроет двери;
У тех есть гордость, блеск, здоровье и очаг,
Они добры, — мой свет в одних твоих очах.
Дитя мое! Мой мир! Все милое в отчизне!
Моя сестра и мать, невеста, сердце жизни!
Закон, вселенная, и вера, и страна,
Все это — ты одна, все — только ты одна!
Я всюду оскорблен и сгорбился покорно.
О, потерять тебя... Нет, этой мысли черной
Не в силах вынести и полсекунды я.
Так улыбнись. Мила улыбка мне твоя.
Похожа ты на мать. Была она красива.
Проводишь ты рукой по лбу неторопливо,
Как будто бы с очей смахнуть стремишься ты
Все, чем омрачена лазурь их чистоты.
Как будто ты с небес на землю прилетела, —
Вся светлая душа мне видима сквозь тело.
Но и закрыв глаза, я вижу — это ты.
Пусть превращусь в слепца — не страшно слепоты:

В последней темноте на дне души незрячей
Тебя, мой светлый день, я навсегда запрячу.

Бланш

Я бы хотела вас счастливым сделать.

Трибуле

Как?
Я счастлив тем одним, что я с тобой, бедняк:
Довольно этого, чтоб сердце не слабело.
Как волосы темны! Была ты раньше белой.
Кто мне поверил бы...

(Гладит, улыбаясь, ее волосы.)

Бланш

(вкрадчиво)

Пред тем как тушат свет,
Нельзя ли посмотреть мне на Париж?

Трибуле

(порывисто)

Нет, нет!
Не смей, дитя мое! По вечерам в Париже
Ведь не гуляла ты?

Бланш

(вздрогнув)

Нет, никогда.

Трибуле

Смотри же!

Бланш

Ходила в церковь я.

Трибуле

(в сторону)

Ее и там найдут;
Начнут преследовать; быть может, украдут
Дочь бедного шута. Бесчестье будет явным —
И только смех за ним...

(Громко)

Прошу тебя о главном —
Будь дома как в тюрьме. О, если б знала ты,
Как страшен наш Париж для женской чистоты,
Как здесь развратники шныряют, как опасны
Здесь люди знатные!

(Поднимает глаза к небу.)

О боже, силой властной

Убереги ее, спаси ребенка ты
От бурь и непогод, что мнут твои цветы.
Храни и сон ее от помышлений грязных,
Пускай бедняк отец является в свой праздник
Лелеять тайное сокровище свое,
Любуясь розою и свежестью ее!

(Прячет голову в ее ладонях и плачет.)

Бланш

Не стану я просить у вас прогулок дальних.
О чем вы плачете?

Трибуле

Тут нету слез печальных, —
Я слишком хохотал в ту ночь.

(Подымается.)

Часы бегут.
Пора опомниться и снова лезть в хомут.
Прощай же!

Темнеет.

Бланш

(целуя его)

Поскорей вернитесь!

Трибуле

Видишь, детка.
На службе сам себе принадлежу я редко. —
Эй, где вы, тетушка?

В дверях показывается старая дуэнья.

Берарда

Что, сударь?

Трибуле

Ведь никто
Здесь не видал меня?

Берарда

Все было заперто,
И так пустынно здесь.

Совсем смерклось. По ту сторону стены, на улице, появляется король в простой одежде темного цвета. Он оглядывает высокую стену и запертую дверь с явными признаками неудовольствия и нетерпения.

Трибуле

(обнимая дочь)

Прощай же, дорогая!

(Берарде)

И дверь на улицу закрыть я предлагаю.

Берарда утвердительно кивает головой.

Я знаю — в Сен-Жермен, от всех уединен,
Укромный домик есть. Нам подошел бы он.

Бланш

Мне этот нравится. Я вижу угол сада
С балкона.

Трибуле

На балкон вам выходить не надо!

(Прислушивается.)

Шаги на улице?

(Подходит к двери, открывает ее и тревожно вглядывается в темноту.)

Король прячется в тени двери, которую Трибуле полуоткрыл.

Бланш

По вечерам нельзя

Мне воздухом дышать?

Трибуле

(возвращается)

Нет, нет! Везде глаза!

В тот момент, когда Трибуле поворачивается спиной к двери, король проскальзывает в полуоткрытую дверь и прячется за большим деревом.

(Берарде)

И лампу на окно не ставьте. Все опасно.

Берарда

(всплеснув руками)

Да никакой сюда не сунется несчастный!

(Поворачивается и замечает короля за деревом.)

В ту минуту, как Берарда открыла рот, чтобы крикнуть, король бросает ей кошелек. Она хватает его, сжимает в руке и ничего уже не говорит.

Бланш

(к Трибуле, который осматривает террасу с фонарем в руке)

Держать нас взаперти и окружить стеной!
Но что же нам грозит?

Трибуле

Не мне — тебе одной.

(Еще раз обнимает ее.)

Прощай же, доченька!

Фонарь в руке Берарды освещает Трибуле и Бланш.

Король

(за деревом, в сторону)

Как! Трибуле!

(Смеется.)

Тем лучше!
Есть дочь у Трибуле! Чертовски странный случай!

Трибуле

(уже собравшись уходить, снова возвращается)

Когда ты в церковь шла, никто за вами в ночь
Не следовал сюда?

Бланш смущенно опускает глава.

Берарда

Ах, что вы!

Трибуле

Во всю мочь
Кричите в случае тревоги.

Берарда

Ах, конечно!

Трибуле

А постучатся в дверь — не отворять беспечно!

Берарда

(с жаром)

Хотя бы сам король!

Трибуле

Особенно — король.

(Обнимает еще раз дочь и уходит, тщательно закрыв за собой дверь.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Бланш, Берарда, король.

В первой части сцены король стоит, спрятавшись за деревом.

Бланш

(задумчиво, слушая удаляющиеся шаги отца)

Мне очень совестно.

Берарда

Откуда эта боль?

Бланш

Малейших пустяков боится он, бедняжка!
Он плакал, уходя. Ему, как видно, тяжко.
Он добрый. Надо бы все рассказать ему
О том, как юноша за нами шел во тьму, —
Ты догадалась ведь? Тот самый, неизвестный.

Берарда

Все рассказать? Зачем? Ему неинтересно, —
Ваш батюшка дикарь и несколько чудак.

Иль ненавидите вы кавалера так?

Бланш

Я? Ненавижу? Нет! Наоборот! С той ночи,
Что нам он встретился и поглядел мне в очи,
Не в силах мысли я от юноши отвлечь.
Он мне мерещится; его я слышу речь;
Я вечно с ним; его воображаю рядом.
Как нежен он, как смел! С каким веселым взглядом!
Как гордо он прошел и поклонился мне!
Как был бы он хорош, представьте, на коне!

Берарда

Блестящий кавалер!

Проходит мимо короля. Он дает ей горсть золотых.

Бланш

В нем видно...

Берарда

(протягивая руку королю, продолжающему сыпать золото)

Превосходство.

Бланш

В его больших глазах блистает благородство, Великодушие...

Берарда

И щедрость!

(При каждом своем слове она снова протягивает руку, которую король снова наполняет золотыми монетами.)

Бланш

Смелый взгляд!

Берарда

(протягивая руку)

Он доблестен...

Бланш

Он добр...

Берарда

Он нежен...

Бланш

Он крылат...

Берарда

(протягивая руку)

Красавчик!

Бланш

(вздыхая)

Как он мил!

Берарда

(при каждом слове рука ее снова протягивается)

Он статен бесподобно!
А нос! Глаза! Лицо! Весь облик!

Король

(в сторону)

Как подробно!
Старуха по частям влюбляется в меня!

Бланш

Мне этот разговор приятен.

Берарда

Вижу я.

Король

(в сторону)

Ну, масла лей в огонь!

Берарда

Он доблестный мужчина.
Он щедр. Он мил. Он добр.

Король

(опустошив карманы)

Еще? Вот чертовщина!

Берарда

(продолжая)

Он знатен, кажется. Изящно он одет.
Блистает золото на кружевах манжет.

(Протягивает руку.)

Король знаками показывает, что у него больше ничего нет.

Бланш

Нет, нет! Не надо мне твоих вельмож. Мне ближе
Неопытный школяр и новичок в Париже,
Хотя бы и бедняк.

Берарда

Я об заклад побьюсь,
Что он простой школяр.

(В сторону)

Вот так дурацкий вкус!
В мозгах у девочки все превратилось в кашу.

Пробует еще раз протянуть руку королю.

А этот юноша так любит милость вашу!

Король делает вид, что не замечает.

(Про себя)

Наш молодец иссяк. Нет платы — нет похвал.

Бланш

(по-прежнему не замечая короля)

О, только бы скорей воскресный день настал!
Когда он далеко, что злей моей печали?
Я помню этот день: молитвы отзвучали,
Он подошел ко мне, — а сердце так стучит!
Я брежу день и ночь. Никто не облегчит
Разлуки медленной. И только верю страстно:
Мой образ перед ним проходит ежечасно.
Лишь я одна царю в его душе; и он
В другую женщину не может быть влюблен;

И без меня ему не мило все живое,
Ни отдых, ни игра...

Берарда

(в последний раз пытаясь получить что-нибудь от короля)

Ручаюсь головою!

Король

(снимает с пальца кольцо и протягивает ей)

Кольцо за голову!

Бланш

Как бы хотелось мне
Не в утренних мечтах, не в полуночном сне
Увидеть пред собой...

Король выходит из засады и бросается перед ней на колени. Она смотрит в другую сторону.

Сказать, смежая веки:
«Будь счастлив! Радуйся! Тебя... »

(Обернувшись, видит короля, стоящего на коленях, и в изумлении останавливается.)

Король

(раскрывая объятия)

«...Люблю навеки!»
Признайся, милая! Откинь ненужный страх.
Как сладко прозвучит «люблю» в твоих устах!

Бланш

Берарда, милая!

(Испуганно ищет глазами исчезнувшую Берарду.)

Зачем же ты из сада
Ушла?

Король

(на коленях)

Но мы вдвоем. Нам целый мир ограда!

Бланш

(дрожа)

Откуда, сударь, вы?

Король

Из ада иль с небес, —
Архангел сверженный иль вознесенный бес, —
Я полюбил тебя.

Бланш

О, пощадите, сударь!
Пока не видели, ступайте прочь отсюда!..

Король

Уйти? Когда в руках любимую держу?
Ты мне принадлежишь! И я принадлежу
Тебе! Ведь ты сама...

Бланш

(смущенно)

Он все слыхал!

Король

Конечно!
Столь дивный благовест я мог бы слушать вечно.

Бланш

О, вы сказали все. Молю, ступайте прочь!
Уйдите!

Король

Две судьбы соединила ночь.
То двойственной звезды лучи над небосводом,
И сердце девушки я разбудил приходом.

Я послан божеством, чтобы открыть любви
Твои уста, дитя, младые дни твои.
Вглядись же, милая! Над нами солнце блещет.
В нас пламя нежное ликует и трепещет.
Наследственную власть смерть унесет с собой,
Летучей славы гул умчит кровавый бой.
Быть притчей многих уст, владея полвселенной,
Стать императором... — нет, и величье тленно.
Но будет на земле рождаться вновь и вновь
Одно лишь прочное — и это есть любовь.
Бланш! Твой возлюбленный приносит счастье это.
Его, пугливая, ждала ты, как расцвета.
Жизнь — блещущий цветок; любовь — его пчела.
Голубка слабая в объятиях орла!
Мощь служит грации опорой безмятежной.
И вот твоя рука в моей забылась нежно.
Люби меня, люби!

(Хочет ее обнять. Она сопротивляется.)

Бланш

Оставьте!

Король прижимает ее к себе и целует.

Берарда

(в глубине сцены; в сторону)

Наконец!

Король

(про себя)

Она моя!

(Громко)

Скажи, что любишь!

Берарда

Вот наглец!

Король

Бланш, повтори опять!

Бланш

(опуская глаза)

Вам самому понятно,
Вы слышали.

Король

(снова страстно целуя ее)

Мой рай!

Бланш

Я гибну безвозвратно!

Король

О нет, я счастье дам тебе!

Бланш

(вырываясь из его объятий)

Вы мне чужой!
Как вас зовут?

Берарда

(в глубине сцены; про себя)

Пора признаться, милый мой.

Бланш

Ведь вы не дворянин, надеюсь, не вельможа?
Отец боится их.

Король

Конечно, нет!

(в сторону)

О боже!

Но кто?..

(Старается придумать.)

Гоше Майе — увы, школяр простой
И бедный.

Берарда

(пересчитывая полученное от короля золото)

Ловкий лжец!

На улице появляются де Пьен и де Пардальян, в плащах, с потайным фонарем.

Пьен

(Пардальяну, тихо)

Вот и ограда. Стой!

Берарда

(быстро спускается с террасы; тихо)

Как будто там шаги!

Бланш

(в испуге)

Там мой отец, наверно.

Берарда

(королю)

Ступайте же!

Король

Уйти? А тот разлучник скверный
Избегнет рук моих?

Бланш

(Берарде)

Пусть выйдет он скорей
На набережную!

Король

Уже расстаться с ней?
Разлюбишь ведь!

Бланш

А вы?

Король

Любить я вечно буду.

Бланш

Нет, вы обманете. Мы поступили худо.

Король

Последний поцелуй в прекрасные глаза!

Берарда

(в сторону)

Вот бурный молодец! Не поцелуй — гроза!

Бланш

(слабо сопротивляясь)

Уйди!

Король целует ее, затем входит в дом вместе с Берардой. Бланш некоторое время смотрит на дверь, в которую они вошли, затем тоже входит в дом. Тем временем улица наполняется вооруженными дворянами в плащах и масках. К де Пьену и де Пардальяну один за другим присоединяются де Горд, де Косе, де Моншеню, де Брион, де Монморанси, Клеман Маро. Ночь очень темная. Потайной фонарь заговорщиков закрыт. Они подают условные знаки и показывают на дом Бланш. За ними следует лакей, несущий лестницу.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дворяне, потом Бланш, выходит из двери второго этажа на террасу, держа в руках факел, освещающий ее лицо; потом Трибуле.

Бланш

Гоше Майе! Навеки сердцу биться
При этом имени!

Пьен

(другим дворянам)

Вот и моя девица.

Пардальян

Посмотрим!

Горд

(де Пьену, пренебрежительно)

Поглядим твой выбор, трубадур
Мещанок городских и деревенских дур!

В это время Бланш поворачивается так, что дворяне могут рассмотреть ее лицо.

Пьен

(де Горду)

Ну, что вы скажете?

Маро

Признаюсь, что красотка!

Горд

Вот это грация! Стан из эфира соткан!

Пардальян

Но как! В любовницах у Трибуле она!
Притворщик!

Маро

Лучший приз — на долю горбуна!
Юпитер одобрял и не такую помесь.

Бланш входит в дом. В ее окне виден только свет.

Пьен

Мы дело разберем, с ней ближе познакомясь.

Меж нами решено, что Трибуле мы мстим, —
Так как же пренебречь нам случаем таким?
Приставить лестницу и, долго не гадая,
Взобраться и украсть ее у негодяя —
И прямо в Лувр; а там красотка поутру
Его величеству придется по нутру.

Косе

Возложит на нее король благие руки.
Маро.
И дьявол их бери обоих на поруки!

Пьен

Вот это сказано!

Горд

За дело, господа!

Входит Трибуле.

Трибуле

(в глубине сцены, задумчиво)

Опять я тут... Зачем вернулся я сюда?

Косе

Вы не находите, — блондинка иль брюнетка, —
Король по женщинам всегда стреляет метко?

А украдут его супружескую честь, —
Что скажет он на то?

Трибуле

(сделав несколько шагов вперед)

Таинственная весть —
Проклятье старика! Или грозят мне беды?

Ночь настолько черна, что он не видит около себя де Горда и задевает его, проходя мимо.

Кто это?

Горд

(отшатывается в изумлении; тихо)

Трибуле!

Косе

(тихо)

Достичь двойной победы!
Убьем шута!

Пьен

О нет!

Косе

Ручаюсь за успех.

Пьен

Над кем же завтра нам смеяться? Кончен смех!

Горд

Да, заколов шута, пересолим мы лихо.

Косе

Но он мешает здесь!

Маро

Прошу я слова. Тихо!
Сейчас улажу все.

Трибуле

(замер на месте и прислушивается)

Здесь люди говорят!

Маро

(подходя к нему)

Эй, Трибуле!

Трибуле

(грозным голосом)

Кто здесь?

Маро

Наш небольшой отряд.

Трибуле

Кто это?

Маро

Я, Маро.

Трибуле

Темно, как в печке. Вы ли?

Маро

Сам дьявол на небо свои чернила вылил.

Трибуле

Зачем вы здесь?

Маро

Пришли мы на охоту все —
Украсть для короля красавицу Косе.

Трибуле

(облегченно вздыхая)

Отлично!

Косе

(в сторону)

Я ему переломаю кости!

Трибуле

(к Маро)

Но как же к де Косе вы попадете в гости?

Маро

(тихо, к де Косе)

Давайте ключ.

Де Косе дает Маро ключ; тот передает его Трибуле.

(К Трибуле)

Смотри: вот это ключ дверной.
Пощупай! Герб Косе тут выдавлен резной.

Трибуле

(ощупывая ключ)

Три рыбьих плавника.

(В сторону)

Я, видно, правда, олух!

(Указывая на стену налево)

Там особняк Косе.

(К Маро, возвращая ему ключ)

Наш разговор недолог.
Крадете вы жену у толстяка? Я ваш!

Маро

Мы в масках.

Трибуле

Маску мне!

Маро надевает ему маску и поверх нее повязку, закрывающую уши и глаза.

А что еще мне дашь?

Маро

Держи нам лестницу.

Они приставляют лестницу к террасе у балкона. Маро подводит к ней Трибуле, и заставляет держать ее.

Трибуле

(держа лестницу)

Гм! Никого не вижу.
Достаточно ли вас?

Маро

Темно во всем Париже!

(Другим, смеясь, тихо)

Любой из вас кричи и топочи за двух!
Повязка хороша: он сразу слеп и глух.

Дворяне подымаются по лестнице, открывают дверь с террасы и входят в дом. Вскоре один из них снова спускается во двор и открывает дверь на улицу. Затем появляются во дворе и остальные. Они выносят через эту дверь Бланш, полуодетую, с завязанным ртом, пытающуюся вырваться.

Бланш

Отец! На помощь! Ах! Отец! Ко мне!

Голоса уходящих дворян

Удача!

(Скрываются вместе с Бланш.)

Трибуле

(один, у приставной лестницы)

Устроили мне тут чистилище в придачу!
Пора бы кончить им!

(Подносит руку к маске, нащупывает повязку.)

А шутка-то горька!
Глаза завязаны!

Срывает повязку и при свете брошенного фонаря замечает, что на земле что-то белеет; поднимает этот предмет и узнает покрывало своей дочери. Обернувшись, видит, что лестница приставлена к его террасе и что дверь его дома открыта. Вне себя, вбегает туда и через мгновение выходит обратно, волоча за собой Берарду, полуодетую, с завязанным ртом. Он смотрит на нее в отчаянии, потом начинает рвать на себе волосы, издает нечленораздельные вопли. Наконец к нему возвращается дар речи.

Проклятье старика!

(Падает без чувств.)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
КОРОЛЬ

Приемная перед спальней короля в Лувре. Позолоченная резная мебель, ковры — все в стиле Возрождения. На переднем плане стол, кресла и складной стул. В глубине большая позолоченная дверь. Слева дверь в спальню короля, завешенная ковром. Справа открытый буфет с золотой, украшенной эмалью, посудой. Дверь в глубине ведет в парк.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дворяне.

Горд

Но как же кончится ночное приключенье?

Пардальян

Чтоб лопнул Трибуле от своего мученья,
Не чувствуя, что здесь красавица его!

Косе

Ищи любовницу, дурак! Но отчего

Ему и не узнать? Видали нас дорогой.

Моншеню

Все слуги будут врать. Приказано им строго —
Не видеть женщины, а про господ забыть.

Пардальян

Сумеет мой лакей любого с толку сбить;
Послал я хитреца. Войдет к шуту — и слугам
Расскажет, что видал, как увозили цугом
Девицу в Сен-Дени в ночной туманный час,
А девка будто бы кричала и дралась.

Косе

(смеясь)

От Лувра в Сен-Дени он хорошо отброшен!

Горд

Повязкой на глазах надолго огорошен.

Маро

Я написал ему, так дурачка дразня:

(Вытаскивает лист и читает.)

«Твоя красавица со мной. Ищи меня!
Обшарь вселенную. Ручаюсь адским пеплом,
Мы с ней вне Франции».

Горд

И подписался?

Маро

«Беглым».

Все громко смеются.

Пардальян

Вдогонку кинется!

Косе

Хотел бы я взглянуть!
Пусть отправляется в свой безнадежный путь,
Сжимая кулаки и злобно зубы стиснув.
Так мы расплатимся с обидой ненавистной!

Боковая дверь открывается. Выходит король в роскошном утреннем халате. За ним — де Пьен. Придворные расступаются и обнажают головы. Король и де Пьен хохочут.

Король

(показывая на дверь в глубине)

Где? Там?

Пьен

Любовница шута!

Король

Ужель она?
Ого! Любовницу украсть у горбуна!

Пьен

А может быть, жену?

Король

(про себя)

Жену иль дочь! Прелестно!
Семейство у шута? Мне не было известно...

Пьен

Угодно вам?

Король

Весьма!

Де Пьен уходит и тут же возвращается, ведя за руку шатающуюся Бланш под вуалью. Король садится в кресло и принимает непринужденную позу.

Пьен

(к Бланш)

Красавица, для вас
Бояться и дрожать еще наступит час
Пред королем.

Бланш

(по-прежнему под вуалью)

Король — тот юноша? О небо!

(Падает на колени перед королем.)

Услышав ее голос, король вздрагивает и делает знак присутствующим выйти.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Король, Бланш.

Оставшись с нею вдвоем, король отбрасывает вуаль, скрывавшую ее лицо.

Король

Бланш! Вы!

Бланш

Гоше Майе!

Король

(смеясь)

Кем бы еще я ни был, —
Ошибка или нет, — я в упоенье вновь.
Моя красавица! Мой рай! Моя любовь!
Дай мне обнять тебя!

Бланш

(отступая назад)

Нет, нет, король, оставьте!
Мне трудно говорить. Мне трудно верить правде.
Кто вы? Гоше Майе или король, увы, —
Но кем бы ни были, жалеть способны вы?

(Снова опускается на колени.)

Король

Способен ли жалеть? Боготворю безмерно,
Все, что сказал Гоше, я повторю наверно.
Любим тобой, люблю, — мы счастливы вдвоем.
Готов любить тебя и во дворце своем.
Ты думала, что я школяр иль прощелыга?
Но если жребий дал мне высшей власти иго,
Раз я рожден таким, — не станешь ты, дитя,
Бояться короля, мне за рожденье мстя.
Ведь я не виноват, что не хожу с котомкой!

Бланш

(в сторону)

О, если б умереть! Как он смеется громко!

Король

Турнирам, праздникам, и танцам, и пирам,
Любовным радостям в лесу по вечерам,
Ста развлечениям, в полночи потаенным, —
Верь участи такой! Она дана влюбленным.
Мы два любовника, два друга, муж с женой.
Всем суждено стареть. По чести, жизнь — дурной
Обносок шелковый, потраченный с годами.
Блестит он кое-где любовью, как звездами.
Какой бы жалкой жизнь без блесточек была!

(Смеется.)

Я много размышлял про важные дела.
Вот мудрость: господа благодарить почаще,
Любить любимую и целоваться слаще!

Бланш

(потрясенная, отступает)

О, где моя мечта? Совсем, совсем другой!

Король

Ты, верно, думала — я на любовь тугой,
Угрюмый дурачок, что действует без пыла
И хочет, чтоб его без памяти любила
Любая женщина, — глупейший из шутов,
Лишь вздохи жалкие он испускать готов.

Бланш

(отталкивая его)

О, как несчастна я! Оставьте!

Король

Знаешь, кто я?
Вся Франция — со мной. Я — весь народ. Я стою
Один — пятнадцати мильонов человек.
Все — наше. Все — для нас. Мы их король навек.
Мой суверенный блеск ужели ты осудишь?
Бланш! Если я король, ты королевой будешь!

Бланш

Но есть у вас жена!

Король

(смеясь)

Ты глупенькая, да?
Жена любовницей бывает не всегда.

Бланш

Любовницею стать? О стыд!

Король

Как это гордо!

Бланш

Отец — вот мой король. Мое решенье твердо!

Король

Отец твой — мой горбун. Да, только и всего!
Мой шут! Мой Трибуле! Он создан для того,
Чтоб волю исполнять мою!

Бланш

(горько плачет, обхватив голову руками)

О боже правый!
Все вам принадлежит?

(Рыдает.)

Король бросается к ее ногам, чтобы утешить.

Король

(с нежностью)

Не плачь! Рассудим здраво.

Ты так мне дорога! Дай руку.

Бланш

Никогда!

Король

(ласково)

Но любишь все-таки? Скажи еще раз «да»!

Бланш

Нет, ни за что!

Король

Тебя невольно я обидел.
О лучше б этих слез я никогда не видел!
Прелестные черты печалью омрачить!
Уж лучше умереть! Мне королем прослыть
Без чести рыцарской, без доблести и жара —
Вот это было бы заслуженною карой.
Заставить женщину так плакать — о позор!

Бланш

(рыдая, растерянно)

Так, значит, все игра, что было до сих пор?
Скорей к отцу, чтоб жизнь его не стала адом!
Пустите же меня. Мое жилище — рядом

С особняком Косе. Известно вам оно...
Но кто вы? Не пойму я, кто вы! Все равно!..
Как унесли меня! Кричали как беспутно!
Все это, как во сне, я вспоминаю смутно.

(Плачет.)

Считала добрым вас...

(В ужасе отступает.)

Любила иль люблю,
Сама не разберусь... Как верить королю?

Король

(пытается ее обнять)

Я вам внушаю страх?

Бланш

(отталкивая его)

Оставьте!

Король

(борется с ней)

В знак прощенья
Один лишь поцелуй!

Бланш

(отбиваясь)

Нет!

Король

(смеется, в сторону)

Что за отвращенье!

Бланш

(вырывается из его рук)

Не трогайте! Вот дверь...

(Замечает отворенную в спальню короля дверь, бросается туда и запирается.)

Король

(вынимает из-за пояса золотой ключ)

Ключ от которой — тут.

(Отпирает дверь, быстро входит в спальню и запирает за собой дверь на ключ.)

Маро

(в течение некоторого времени уже наблюдавший из двери в глубине, смеясь)

Ей в спальне короля пощады не дадут!

Несчастное дитя!

(Зовет де Горда)

Эй, граф!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Маро, потом придворные, потом Трибуле.

Горд

(к Маро)

Что за тревога?

Маро

Овечку жадный лев понес уже в берлогу.

Пардальян

(прыгая от радости)

Бедняга Трибуле!

Пьен

(остававшийся у двери и следивший за происходящим снаружи)

Тсс! Вот он.

Горд

Тишина!
Не выдавать игры — и месть завершена.

Маро

Он может одного меня считать виновным —
Со мной он говорил.

Пьен

Так будьте хладнокровным.

Входит Трибуле. Ничего с виду в нем не изменилось. У него обычный шутовской наряд, обычное безразличие, но он очень бледен.

Пьен

(как бы продолжая начатый разговор и делая знаки молодым дворянам, которые при виде Трибуле едва удерживаются от смеха)

Здорово, Трибуле!.. Так вот что, господа:
Еще один куплет прибавим мы сюда.

(Поет)

Бурбон, Марсель увидя,[50]

---

[50] Примечания: 50

«Бурбон, Марсель увидя... » — Гюго приводит здесь куплеты из старой солдатской песни, найденной им в мемуарах Брантома.

Своим солдатам рек:
«О боже, кто к нам выйдет,
Лишь ступим за порог?»

Трибуле

(продолжая песню)

То спуски, то подъемы:
Ах, горы не легки.
Дошли, но даже дома
Свистели в кулаки.

Все

Прекрасно!

Трибуле

(медленно выходит на авансцену; про себя)

Где она?

(Продолжает петь.)

Дошли, но даже дома
Свистели в кулаки.

Горд

(аплодируя)

Эй, браво, Трибуле!

Трибуле

(разглядывая смеющиеся вокруг лица; про себя)

Причастны и они! Все ясно!

Косе

(ударив Трибуле по плечу, с оглушительным хохотом)

На земле
Есть новости, дурак?

Трибуле

(остальным, показывая на де Косе)

Смеется, как хоронит.

(Передразнивая де Косе)

Есть новости, дурак?

Косе

(продолжая смеяться)

В запасе ничего нет?

Трибуле

(оглядев его с головы до ног)

Коль скоро милостью хотите нас дарить,

Одно вы сможете — от скуки уморить.

В течение всей первой части этой сцены у Трибуле вид человека наблюдающего, ищущего, выведывающего. Почти все время только его взгляд выражает это. Но когда ему кажется, что никто на него не смотрит, он передвигает стул, трогает дверную ручку, желая узнать, заперта ли дверь. Но говорит он со всеми, как всегда, насмешливым, беспечным, непринужденным тоном. Придворные пересмеиваются и обмениваются знаками, беседуя о разных вещах.

Трибуле

(про себя)

Тут где-то спрятали... Спроси их только — встречу
Сейчас же смех.

(С веселым видом подходит к Маро.)

Маро! Какой был скверный вечер!
Ты все же насморка не получил вчера?

Маро

(прикидывается удивленным)

Вчера?

Трибуле

(подмигивая, с понимающим видом)

Я очень рад. Чем кончилась игра?

Маро

Игра?

Трибуле

(кивает головой)

Ну да!

Маро

(с невинным видом)

Всю ночь, без свеч и без пирушки,
Как некий праведник, храпел я на подушке
И встал здоров и свеж, едва взошла заря.

Трибуле

Ты, значит, дома был? Привиделось мне зря!

(Замечает на столе платок и бросается к нему.)

Пардальян

(де Пьену, тихо)

Он на моем платке разглядывает метку.

Трибуле

(бросает платок; про себя)

Нет, это не ее!

Пьен

(молодым людям, смеющимся в глубине)

Спокойно!

Трибуле

(про себя)

Где же детка?

Пьен

(де Горду)

Над чем смеялись вы?

Горд

(показывая на Маро)

Вот, черт возьми, остряк!
Он всех нас рассмешил!

Трибуле

(про себя)

Что веселятся так?

Горд

(к Маро, со смехом)

Не смей невежливо смотреть! Тебе на плечи
Я брошу Трибуле и шею искалечу.

Трибуле

(де Пьену)

Еще не выходил король?

Пьен

Конечно, нет.

Трибуле

И не стучал еще из спальни в кабинет?

(Подходит к двери.)

Де Пардальян его удерживает.

Пардальян

Не разбуди его величества!

Горд

(де Пардальяну)

Послушай!
Сейчас наглец Маро нам сказкой тешил душу:

Три мужа, возвратясь, — откуда, знать нельзя,
Как он рассказывал, вы помните, друзья? —
Застали жен своих с другими...

Маро

Не найдя их!..

Трибуле

Заботится у нас мораль о негодяях!

Косе

Все жены неверны!

Трибуле

(к де Косе)

Эй, берегитесь!

Косе

Как?

Трибуле

Страшитесь, де Косе!

Косе

Чего?

Трибуле

Я вижу знак, —

Горит у вас на лбу. Подвиньтесь ближе к свету.

Косе

Но что же?

Трибуле

(смеясь ему в лицо)

Узнаю, чем кончат сказку эту!

Косе

(взбешенный, угрожающим тоном)

Га!

Трибуле

Вот он, господа! Вот любопытный зверь!
Он знатно разъярен и зарычал теперь.

(Передразнивая де Косе)

Га!

Общий смех. Входит дворянин из свиты королевы.

Пьен

Что вы, Водрагон?

Дворянин

Я послан госпожою,
Ее величеством. Есть у нее большое
Желанье с королем беседовать тотчас.

Де Пьен знаками показывает ему, что это невозможно. Тот настаивает.

Пьен

(нетерпеливо)

Король еще не встал.

Дворянин

Неверно! Среди вас
Он появлялся ведь?

Раздражение де Пьена растет. Он продолжает делать знаки, которых дворянин не понимает. Трибуле внимательно наблюдает за ним.

Пьен

Он на охоте.

Дворянин

Что вы!
Пажи не вызваны, борзые не готовы
На псарне.

Пьен

(в сторону)

Дьявол!

(Прямо в глаза дворянину, гневно)

Речь моя вполне ясна:
Сегодня никого не примут.

Трибуле

(внезапно, громовым голосом)

Здесь она!
Там, с королем, она!

Придворные поражены.

Горд

Сошел с ума несчастный!

Трибуле

Что я сказать хочу, всем вам должно быть ясно!
Вы скверно сделали, сказав мне: прочь, дурак!
Вы все, Косе и Пьен, весь сатанинский мрак,
Брион, Монморанси, сознайтесь: не вчера ли
Из дома моего вы женщину украли?
И Пардальян и вы там были. И сейчас

Вы прячете ее здесь, в Лувре. Знаю вас!

Пьен

(хохочет)

Его любовница! Звезда среди красавиц
Или уродина.

Трибуле

(грозно)

Там дочь моя, мерзавец!

Все

Дочь!

Общее изумление.

Трибуле

(скрестив руки на груди)

Это дочь моя! Посмейтесь, господа!
Что ж онемели вы? Странна моя беда?
Был шут — и вдруг отец! И дочерью гордится!
У волка дикого волчонок ведь родится.
И у меня могла родиться дочь. Ну что ж!

(Повышая голос)

Вам шутка нравилась. Конец ее хорош.

Эй вы, отдайте дочь! Пускай себе бормочут,
Пусть шепчут на ухо об этом иль хохочут.
А мне плевать на вас. Вы победили, мстя.
Эй вы, придворные! Отдать мое дитя!

(Бросается к двери.)

Ведь там она!

Дворяне становятся перед дверью, преграждая ему путь.

Маро

Сошел с ума и лезет драться.

Трибуле

(в отчаянии отступает)

Придворные льстецы! Орда лакеев! Братство
Бандитов! Все они украли дочь мою.
Что женщина для них? О, я их узнаю!
Но, к счастью, наш король такой увенчан грязью,
Что жены всех вельмож во всем разнообразье
Ему принадлежат. Девичья честь — ничто!
Столь глупой роскоши не признает никто.
Любая женщина — угодье, вид оброка,
Что королю мужья выплачивают к сроку,

Источник милости, — не очень ясно, чьей, —
И путь разбогатеть в любую из ночей
И в люди вылезти, достоинством торгуя!

(Глядя пристально им в глаза)

Найдется хоть один, кто бы сказал, что лгу я?
Все правда, господа! В беспутном дележе
Готовы вы продать — иль продали уже —
За титул, за кусок, за дрянь любого рода

(де Пардальяну)

Ты — мать,

(де Бриону)

а ты — жену,

(де Горду)

а ты — сестру бы продал!

Один из пажей

(наливает стакан вина и пьет, напевая)

Бурбон, Марсель увидя,
Своим солдатам рек:
«О боже, кто к нам выйдет... »

Трибуле

Кто выйдет, Обюссон, не знаю, — но вобью
Я в горло твой стакан и песенку твою!

(Ко всем)

Вельможи, герцоги, чей старый титул громок, —
О стыд!.. Вермандуа, династии потомок;
Брион, чьи прадеды миланский знатный род;
Де Горд и Пардальян, которых чтит народ;
Монморанси — вы все, всей знати средоточье,
Вы дочь у бедняка украли этой ночью!
Но не пристали вам, сынам таких родов,
Презренные сердца под вывеской гербов.
Иль вы не рыцари? Иль мать вас не рожала?
Иль с конюхом она в постели полежала?
Ответьте, выродки!

Горд

Эй, шут!

Трибуле

Где серебро?
Король ведь заплатил вам за мое добро?
Почем на каждого?

(Рвет на себе волосы.)

Все вместе с ней теряю!

А если б захотел?.. Она дороже рая.
Он заплатить бы рад!

(Глядя на всех)

Или хозяин ваш
Воображает, что возьму я, что ни дашь?
Он в силах титулом покрыть мое уродство?
Или убрать мой горб, даря мне благородство?
Смерть! Он купил меня живьем! Его дела
Жестоки и низки. Его игра подла.
Убийцы, рыцари больших дорог, сеньоры,
Мучители детей и женской чести воры!
Где дочь моя? Она нужна мне! Я хочу
Знать наконец, когда ребенка получу!
Смотрите — вот рука: она не знаменита,
Орудье бедняка... мозолями покрыта...
И вот вам кажется, что безоружна месть?
Нет шпаги у меня — но когти все же есть!
Я ждал достаточно. Всему есть мера, право!
Откройте эту дверь! Сейчас же!

Снова в ярости бросается на дверь, но его оттесняют. Несколько мгновений он борется, потом отходит к авансцене и падает на колени, измученный, без сил.

Всей оравой —

На одного меня!

(Заливаясь слезами)

Я плачу наконец!

(К Маро)

Маро, ты разыграл меня. Ты молодец!
Есть у тебя душа, живое дарованье,
И сердце бедняка есть под ливрейной рванью...
Где спрятали ее? Что с нею? Как узнать?
Она ведь тут? Скажи! Нас окружает знать,
Но побеседуем по-братски — это можно.
Ведь ты же умница средь челяди вельможной!
Маро! Добряк Маро! Но ты молчишь!

(Ползет на коленях к вельможам.)

И вы
Простите мне за все! Я ползаю, увы!
Я болен, я устал. Молю, имейте жалость!
Бывало, я острил. Была обидна шалость.
Но если б знали вы, какая боль в спине!
Как скрючен я горбом! Но это в стороне...
Плохие дни у всех бывают, — а уродам
Они простительны. Служил я год за годом.
Я шут заслуженный. Прошу я, наконец,
Пощады. Вам нельзя ломать свой бубенец!
Над глупым Трибуле смеялись вы так часто.

Мне нечего сказать и больше нечем хвастать.
Отдайте, господа, сокровище мое!
Тут, в спальне короля, вы заперли ее.
Где девочка моя? Пощады! Ваша милость!
Мне делать нечего, когда не сохранилась
Она, мое дитя. Судьба моя горька.
Все разом отнято сейчас у старика.

Все продолжают молчать. В отчаянии он поднимается.

Смеются иль молчат! И это все? О боже!
Вам весело смотреть, как с содранною кожей
Оплакивает шут погубленную дочь,
Как рвет он волосы, что поседели в ночь!

Внезапно дверь королевской спальни отворяется. Оттуда выходит Бланш, растерянная, с безумным взглядом; одежда ее в беспорядке; с отчаянным криком она бросается к отцу.

Бланш

Отец!

Трибуле

О, вот она! Вот счастие! Вот горе!
Вот девочка моя! Мое семейство в сборе.

Столь невиновная в несчастии сама!

(Его душат слезы и нервный смех.)

Не правда ль, господа, легко сойти с ума?
Простите, что в слезах впервые к вам я выйду.
И с этой девочкой, такою кроткой с виду,
Что стоит посмотреть — и лучше станешь сам,
Я волю дать готов своим смешным слезам.

(К Бланш)

Не бойся ничего! Ведь это чья-то шутка.
Смеются — и пускай! Конечно, было жутко!
Они добры, честны. Раз я люблю тебя, —
Дадут нам жить вдвоем, спокойно и любя.

(Вельможам)

Ведь так?

(К Бланш, обнимая ее)

Но ты со мной! Какое счастье снова!
О, я готов забыть все, что случилось злого,
Недавно плакавший теперь захохотал,
И потерявший все еще богаче стал.

(Глядя на нее с беспокойством)

Ты плачешь, — но о чем?

Бланш

(пряча в руках пылающее и заплаканное лицо)

Кто эту тяжесть снимет?
Стыд!

Трибуле

Что сказала ты?

Бланш

(прячет лицо у него на груди)

О нет, не перед ними!
Вам одному.

Трибуле

(дрожа от гнева, поворачивается к королевской двери)

Ага! Насильник! И ее!

Бланш

(с рыданием бросается к его ногам)

Останемся вдвоем!

Трибуле

(в три прыжка бросается к озадаченным вельможам и расталкивает их пинками)

Ступайте вон, зверье!
И ежели король сюда войдет иль даже
Пройдет поблизости...

(Обращается к Вермандуа)

Вы, кажется, из стражи?
Скажите, чтоб не смел входить! Еще я здесь!

Пьен

Вот полоумный шут! Смотри, какая спесь!

Горд

(удерживая его движением руки)

Младенцам и шутам не возражать пристойно,
Но надо их стеречь!

Дворяне уходят.

Трибуле

(садится в кресло короля и подымает дочь с полу; голосом, исполненным мрачного спокойствия)

Поговорим спокойно.
Теперь скажи мне все.

(Обернувшись, замечает, что де Косе остался. Приподнявшись, показывает

ему на дверь.)

Вы слышали? Назад!

Косе

(пятится, подчиняясь властному тону Трибуле)

Им все позволено! Шуты еще грозят!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Трибуле, Бланш.

Трибуле

(мрачно)

Ну, говори теперь.

Бланш

(опустив глаза и прерывая речь рыданиями)

Должна я, очевидно,
Вам рассказать, как в дом пробрался он... Мне стыдно!

(Плачет, прижимая руки к лицу.)

Трибуле обнимает ее и осторожно вытирает ей слезы.

Уже давно... Хочу начать издалека...
Меня преследовал... Нет, память не легка...
Он молча шел за мной... Нет, надо вам заметить,
Что в церкви суждено его мне было встретить.

Трибуле

Да! Короля!

Бланш

Мой стул он тронул и ко мне
Слегка приблизился в церковной тишине...

(Голос ее слабеет.)

Вчера он к нам пришел, сумел проникнуть сразу...

Трибуле

Избавлю я тебя от тяжкого рассказа.
Все уж отгадано!

(Подымается.)

О горе! Боже мой!
Посмел он заклеймить чело твое чумой!

Дыханьем осквернил тобою полный воздух
И грубо разорвал венец твой в юных звездах!
Мое убежище, где я — слуга ничей;
Заря, будившая меня от всех ночей;
Душа моей души, что мне добро внушала
И на бесчестие благой покров кидала;
Приют, что я нашел, отверженный для всех;
Небесный ангел мой, крепчайший мой доспех —
Погибла, брошена в болоте непролазном.
Разбит святой венец, что я считал алмазным.
Несчастье роковой удар мне нанесло.
Что делать при дворе, где торжествует зло,
Где я всегда встречал одно искусство блуда,
Да наглость пьяную, да морду лизоблюда?
Ведь раньше только ты, невинная краса,
Могла порадовать еще мои глаза!
Да, я послушен был, я принял эту участь,
Всей этой гнусностью по долгу службы мучась.
Пусть чванство я встречал в развратнике любом,
Слыхал кичливый смех над горем, над горбом, —
Я жребием моим, что со стыдом был смешан,
Вполне доволен был: я ею был утешен.
Сам падая, хотел ее поднять — и вот,

Алтарь воздвигнул там, где строят эшафот.
Но мой алтарь разбит! Ты не напрасно плачешь
И личико свое в смятенье горьком прячешь.
Плачь больше, плачь еще! Часть горя иногда
От слез девических проходит без следа.
И если можешь ты, отдай отцу все горе!

(Задумчиво)

Вот только сделаю, что следует, — и вскоре
Покинем мы Париж. О, только б ускользнуть!

(По-прежнему задумчиво)

В один короткий день так изменить свой путь!

(В ярости поднимается.)

Проклятье! Кто бы мог мне предсказать недавно,
Что этот подлый двор, беспутный и бесславный,
Способный девушку бесчестно растоптать,
Бегущий от всего, в чем божья благодать,
Неслыханно легко творящий безобразья
И запятнавший все своей кровавой грязью, —
Что он дойдет еще до мерзости такой
И загрязнит тебя холодною рукой!

(Оборачивается к королевской двери.)

А ты, король Франциск!.. Прошу я ныне бога,
Чтоб оступился ты! Крута твоя дорога!
Чтоб он открыл твой склеп, да рухнешь ты туда!

Бланш

(подымая глаза к небу, в сторону)

Не слушай, господи! Люблю его всегда!

Шум и шаги в глубине. На галерее показывается группа солдат с дворянами. Впереди де Пьен.

Пьен

(зовет)

Эй, Моншеню, поднять решетку. Гость объявлен:
Сейчас в Бастилию де Сен-Валье отправлен.

Солдаты по двое проходят в глубину. Окруженный ими де Сен-Валье, поравнявшись с дверью, останавливается и обращается к комнате короля.

Сен-Валье

(громким голосом)

Обиду я нанес особе короля,
Свое отчаянье хоть этим утоля.
Но, прокляв короля, не услыхал ответа.
Ни молнии с небес, ни друга в мире нету.
Он будет жить. Не жду я вести дорогой.

Трибуле

(подымая голову и смотря ему в лицо)

Граф, ошибаетесь. За вас отмстит другой.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
БЛАНШ

Пустынный берег Сены, пониже предместья Сен-Жермен. Направо — лачуга, нищенски обставленная глиняной посудой, дубовыми скамейками. На чердаке в окно можно разглядеть убогое ложе. Зритель видит все, что внутри: стол, камин и в глубине крутую лестницу, ведущую на чердак. В левой от актеров стене дома проделана дверь, выводящая прямо на улицу. Стена плохо сложена, в ней трещины и щели, сквозь которые можно легко разглядеть все происходящее внутри. В двери потайное окошко, закрытое решеткой. Над дверью навес, на навесе вывеска харчевни. Остальную часть сцены занимает берег. Слева — ветхий, полуразрушенный парапет, под которым течет Сена. В парапет вделана стойка для колокола. На заднем плане, за рекой — лес Везине. Справа, за поворотом реки, — холм и Сен-Жермен с замком вдали.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Трибуле и Бланш — снаружи, Сальтабадиль — внутри. В течение всей этой сцены у Трибуле обеспокоенный, тревожный вид человека, боящегося, что ему помешают, заметят его, застанут врасплох. Он часто оглядывается по сторонам, особенно часто поглядывая на лачугу. Сальтабадиль сидит на столе в харчевне и чистит портупею, не слыша ничего, что происходит вокруг.

Трибуле

Его ты любишь?

Бланш

Да.

Трибуле

Я думал — подожду,
И выветрится страсть, рожденная в бреду...

Бланш

Люблю.

Трибуле

Вот женская причуда! Если можно,
Хоть объясни, за что.

Бланш

Не знаю.

Трибуле

Это ложно
И дико!

Бланш

Никогда! Один я знаю суд,
И этот суд — любовь. Пускай мне жизнь спасут,
Пускай любой другой к моим ногам положит
Богатство, почести и славу, — не поможет:
Я сердца не отдам. А он? Пускай ему
Я злом обязана, — иного не приму
Я жребия. Того, что было, не забуду,
И если жизнь мою отдать должна я буду
За вас двоих — врага и друга моего, —
Отец, как и за вас, умру я за него.

Трибуле

Прощаю, девочка.

Бланш

Меня он любит тоже.

Трибуле

Он?.. Дурочка!

Бланш

Да, да! Клялся он славой божьей.
К тому же он красив, и смелый разговор
Так за сердце берет, и этот пылкий взор
Для каждой женщины так нежен и прелестен!
Король блистательный и храбрый!

Трибуле

(в гневе)

Он бесчестен!
Но не похвалится, — как ни внушай вам страсть,
—
Что безнаказанно мог жизнь мою украсть!

Бланш

Но вами он прощен!

Трибуле

Простил я святотатца?
Он должен в западню еще у нас попасться.
Час пробил!

Бланш

Месяц уж, как я горю в огне...
Он прежде был вам мил.

Трибуле

Да, так казалось мне.

(Яростно)

Отмщу я за тебя!

Бланш

(умоляюще)

Отец, прошу пощады!

Трибуле

Почувствуешь ли ты хоть легкую досаду,
Узнав, что он солгал?

Бланш

Не верю. Нет в нем лжи.

Трибуле

Когда увидишь все глазами, — о, скажи,
Не перестанешь ты его любить напрасно?

Бланш

Не знаю. Он клялся. Меня он любит страстно —

Так он сказал вчера.

Трибуле

(с горечью)

Когда же?

Бланш

Вечерком.

Трибуле

Смотри же! Из двоих тебе один знаком.

(Указывает Бланш на одну из щелей в стене; она смотрит.)

Бланш

(тихо)

Но там один!

Трибуле

(тоже понизив голос)

Смотри!

Король в платье простого офицера появляется в низком зале харчевни. Он вошел в дверцу из соседней комнаты.

Бланш

(вздрогнув всем телом)

Отец, куда мне скрыться?

В течение всей последующей сцены она, как бы прикованная к щели; смотрит и слушает. К остальному она безучастна. Порой ее охватывает дрожь.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, король и Магелона.

Король ударяет Сальтабадиля по плечу. Тот оборачивается, прервав свое занятие.

Король

Две вещи!

Сальтабадиль

Чем служить?

Король

Стаканом и сестрицей.

Трибуле

Вот он каков, король по милости небес!
В лихое логово, рискуя всем, залез.
От скверного вина ему да будет скверно;
Да напоит его богиня сей таверны!

Король

(в харчевне, поет)

Красотки лицемерят,
Безумен, кто им верит.
Измены их легки,
Как в мае ветерки.

Сальтабадиль молча приносит из соседней комнаты бутылку и стакан и ставит их на стол. Затем дважды стучит в потолок рукоятью длинной шпаги. По этому сигналу с лестницы спускается вприпрыжку хорошенькая девушка, резвая и веселая, одетая по-цыгански. Как только она появляется, король пытается обнять ее, но она уклоняется.

Король

(Сальтабадилю, опять принявшемуся за чистку портупеи)

Приятель, пояс свой до блеска доведи
На улице. Ступай и больше не входи.

Сальтабадиль

Понятно.

Сальтабадиль подымается, неуклюже кланяется королю и уходит, закрыв за собой дверь. Он замечает Трибуле и подходит к нему с таинственным видом. В то время как они обмениваются короткими словами, девушка заигрывает с королем; Бланш наблюдает с ужасом.

Сальтабадиль

(показывая пальцем на дом, тихо)

Как решим? Он в доме. Нож наточен.
Чтоб умер или жил?

Трибуле

Не удаляйся очень.

(Делает ему знак уйти.)

Сальтабадиль исчезает за старым парапетом. Король любезничает с цыганкой, а та, смеясь, отбивается.

Магелона

Ни-ни!

Король

Я только что хотел обнять тебя —
И стала драться ты. «Ни-ни» звучит любя.
«Ни-ни» — большой успех. Поговорим о деле.

Цыганка подходит.

Не убегай. Смотри — прошла уже неделя,
Как в ту харчевенку я с Трибуле пришел
И черноглазую цыганку там нашел.
Неделю, девочка, тебя я обожаю —
Тебя одну.

Магелона

(смеясь)

Хо-хо! Вот черт! Воображаю!
О двадцати других забыл ты, молодец!

Король

(смеется тоже)

Я был несчастием для двадцати сердец.
Я был чудовищем.

Магелона

Хвастун!

Король

Поверь, как другу.
Но вот ты привела меня в свою лачугу,
В поганый свой шинок, где скверная еда
И скверное вино и где твой брат-балда, —
Наверно, страшный плут (на то, ей-ей, похоже),
—
Свою противную показывает рожу.
Пускай! Я эту ночь здесь проведу с тобой.

Магелона

(в сторону)

Наверно не уйдешь!

Король снова хочет ее обнять.

Оставьте!

Король

Вот так бой!

Магелона

Веди себя умней!

Король

Скажу умно и кратко:
Люби любимую и с ней целуйся сладко.
Так проповедовал покойник Соломон.

Магелона

Ты не в проповедях, скорей в шинке умен.

Король

(тянется к ней)

Послушай!

Магелона

(ускользает от него)

Завтра!

Король

Стол я опрокину, девка, —
Посмей лишь повторить! Несносная издевка!
Про «завтра» говорить красотки не должны!

Магелона

(внезапно смиряется и весело садится

за стол рядом с королем)

Изволь! Помиримся.

Король

(берет ее за руку)

Как пальчики нежны!
Не ласками других я ныне озабочен.
Нет ласки для меня нежней твоих пощечин.

Магелона

(с довольным видом)

Смеетесь!

Король

Что за вздор!

Магелона

Я безобразна.

Король

Нет!
Сама должна ты знать, как сладок твой расцвет.
Я весь в огне! Иль ты не знаешь, как мгновенно
В девчонку врежется такой, как я, военный?

Уж если к женщине склоняет взоры он,
То сразу треск и жар — и весь испепелен!

Магелона

(хохочет)

Вы в книжке это все, наверно, прочитали.

Король

(в сторону)

Возможно!

(Громко)

Поцелуй!

Магелона

Вы сразу пьяным стали!

Король

(с улыбкой)

От страсти!

Магелона

Подняли меня вы на смех, да?
Приятный весельчак, повеса!

Король

Никогда!

(Целует ее.)

Магелона

Ну, хватит!

Король

Мы с тобой поженимся.
Магелона.

(смеясь)

Дай слово!

Король

Красотка! Милая! Как разговор твой ловок!

(Сажает ее к себе на колени и говорит ей что-то совсем тихо.)

Магелона смеется, запрокинув голову.

Бланш больше не в силах вынести. Бледная и дрожащая, она оборачивается к неподвижному Трибуле.

Трибуле

(сначала смотрит на нее молча)

Что скажешь ты теперь о мщении, дитя?

Бланш

(с трудом выговаривая слова, очень тихо)

Неблагодарный лжец! О боже, так шутя
Он предает меня! Как бьется сердце! Значит,
Нет у него души. Он ей переиначит
Те самые слова, что мне шептал в ночи.

(Прячет голову на груди отца.)

И эта наглая с ним будет...

Трибуле

(зловещим голосом, тихо)

Помолчи!
Не плачь и предоставь мне действовать.

Бланш

Все будет
По-вашему.

Трибуле

(с мрачной радостью)

Идет!

Бланш

Пускай нас бог рассудит!

Что вы задумали?

Трибуле

(пылко)

Готова западня.
Но не расспрашивай — задушит гнев меня.
Ступай домой. Возьми побольше денег прежде —
И прямо на коня. Скачи в мужской одежде,
Не останавливаясь, до Эврё. Надень
Ботфорты, шляпу, плащ. Приеду через день.
Все платье собрано в том сундуке, что рядом
С портретом матери, — тебе искать не надо;
И конь твой под седлом. Исполни мой приказ.
Случиться страшное должно здесь через час.
Смотри же, Бланш! Назад не возвращайся! Помни!
Ступай.

Бланш

А вы, отец?

Трибуле

Нельзя вернуться в дом мне.

(Обнимает ее и знаком велит уйти.)

Бланш

Мне страшно!

Трибуле

Встретимся мы скоро!

(Обнимает ее.)

Бланш удаляется нетвердыми шагами.

Не грусти.

В продолжение всей этой сцены и следующей продолжается любовная игра и тихий разговор между королем и Магелоной. Как только Бланш скрылась, Трибуле подходит к парапету и делает знак. Появляется Сальтабадиль, Смеркается.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Трибуле, Сальтабадиль — снаружи. Магелона, король — в доме. Трибуле считает золото; Сальтабадиль смотрит.

Трибуле

Вот десять. Я вперед плачу из двадцати.

(Перед тем как вручить золото, оста-

навливается.)

Он здесь останется всю ночь?

Сальтабадиль

(перед тем как ответить, разглядывает небо)

Какие тучи!

Трибуле

(про себя)

Конечно, Лувр ему давно уже наскучил.

Сальтабадиль

И часу не пройдет, польет как из ведра.
Задержат молодца и ливень и сестра.

Трибуле

Я к полночи вернусь.

Сальтабадиль

Что вам мешаться в дело?
Я справлюсь с ним один и брошу в Сену тело.

Трибуле

Нет, нет! Я брошу сам.

Сальтабадиль

Извольте. Через час
Зашью его в мешок и притащу для вас.

Трибуле

(отдает ему золото)

Возьми. И столько же за мной по обещанью.

Сальтабадиль

Как имя молодца, скажите на прощанье!

Трибуле

Ах, имя? Хочешь знать как будто и меня?
Он — Смертный грех, я — Казнь: вот наши имена.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, без Трибуле.

Сальтабадиль, оставшись один, смотрит на небо; со стороны Сен-Жермена находят тучи. Уже почти ночь. Молнии.

Сальтабадиль

Идет гроза. Париж весь под свинцовой тучей.

Не видно ни души на берегу. Тем лучше!

(Задумчиво)

А если рассудить по чести эту вещь, —
Черт бы их взял! Не то вид горбуна зловещ,
Не то мне самому все что-то тут неловко.

(Смотрит на небо и качает головой.)

Король в это время весело болтает с Магелоной.

Король

(пытаясь обнять ее за талию)

Послушай, милая!

Магелона

(ускользая от него)

Постойте!

Король

Вот чертовка!

Магелона

(поет)

Как от апрельской почки,
Пахнёт из винной бочки.

Король

Как плечи хороши! Как линии нежны!
Так анатомию все изучать должны!
Как сделал бог тебя! Какою меркой меря,
Он сердце турка дал тебе, моей Венере?

Магелона

Тру-ля-ля-ля!

(Отталкивает короля.)

Постой! Вот брат мой!

Входит Сальтабадиль и закрывает за собой дверь.

Король

К черту брата!

Далекий удар грома.

Магелона

Гром прогремел.

Сальтабадиль

Сейчас польет, как из ушата.

Король

(ударив Сальтабадиля по плечу)

Пускай гроза и дождь! Угодно мне провесть
Ночь эту у тебя.

Магелона

(насмешливо)

Так хочет ваша честь?
Замашки короля!.. Подымется тревога,
Начнет искать семья.

Сальтабадиль толкает ее и делает ей знаки.

Король

Родни у нас немного.
Нет даже бабушки.

Сальтабадиль

(в сторону)

Тем лучше!

Начинает барабанить дождь. Ночь темным-темна.

Король

(Сальтабадилю)

Можешь лечь
В конюшне, на дворе иль к дьяволу на печь.

Сальтабадиль

(кланяется)

Благодарю.

Магелона

(зажигая лампу, говорит королю быстрым шепотом)

Уйди!

Король

(смеясь, громко)

Уйти в ненастье это?
В такую ночь за дверь не выгнать и поэта!

(Подходит к окну.)

Сальтабадиль

(показывает Магелоне золото; тихо)

Пускай останется. Уже задаток есть, —
И в полночь столько же.

(Королю, учтиво)

Для нас большая честь.

Я предоставлю вам до утра помещенье.

Король

(смеясь)

В июле здесь жара. Наверно, в возмещенье
Так сыро в ноябре.

Сальтабадиль

Угодно ли взглянуть?

Король

Посмотрим!

Сальтабадиль берет лампу. Король, смеясь, что-то шепчет на ухо Магелоне, потом поднимается вслед за Сальтабадилем по лестнице на чердак.

Магелона

Бедненький!..

(Подходит к окну.)

Вот темень! Ну и жуть!

Сальтабадиль

Вот вам кровать, и стул, и стол, коли угодно.

Король

(разглядывает кровать, стол и стул)

А сколько ног всего? Три... девять... Превосходно!
И утварь, кажется, в сражении была
Вся искалечена?

(Подходит к окну с выбитыми стеклами.)

Ни ставен, ни стекла,
И спишь ты на ветру! Как обходиться с ветром,
Хотя и вежливым, но все же слишком щедрым?

Сальтабадиль зажигает ночник на столе

Прощай.

Сальтабадиль

Храни вас бог.

(Уходит. Слышно, как он медленно спускается по лестнице.)

Король

(один, снимает шпагу и перевязь)

Один, черт побери!
Иль в ожиданье благ поспать мне до зари?

(Кладет на стул шляпу и шпагу, снимает ботфорты и ложится на кровать.)

Но эта девушка свежа, ловка, занятна.

(Встает.)

Он двери, кажется, не запер?.. Что ж, приятно
И славно!

(Снова ложится.)

Спустя мгновение видно, что он крепко спит.

Сальтабадиль и Магелона находятся внизу. Гроза разразилась. Ливень, молнии, частые удары грома. Магелона сидит у окна с шитьем в руках. Сальтабадиль с задумчивым видом допивает бутылку, оставленную королем. Оба некоторое время молчат, словно занятые важными мыслями.

Магелона

Миленький какой!

Сальтабадиль

Еще бы нет!
И цену я набил до двадцати монет!

Магелона

До скольких?

Сальтабадиль

Двадцати!

Магелона

Он стоит больше.

Сальтабадиль

Дура!
Но подымись, взгляни — не защитит ли шкуру
Он шпагой?

Магелона повинуется. Гроза в полном разгаре. В глубине сцены появляется Бланш, в мужском платье для верховой езды, в ботфортах со шпорами, вся в черном. Она медленно приближается к лачуге. Сальтабадиль пьет, а Магелона, с лампой в руке, смотрит на спящего короля.

Магелона

(со слезами на глазах)

Бедненький!

(Берет его шпагу.)

Красавчик крепко спит.

(Спускается вниз и отдает шпагу брату.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Король на чердаке; Сальтабадиль и Магелона — внутри; Бланш — снаружи.

Беспрерывные раскаты грома.

Бланш

(медленно идет в темноте, озаряемая молниями)

Случится страшное! Все в голове горит.
Он должен ночь пробыть в такой лачуге низкой.
Уже мне кажется, что миг последний близко.
Отец, прости меня. Тебя тут нет сейчас.
Я слова не сдержу, забуду твой приказ.
Я снова здесь, одна.

(Подходит к дому.)

Но что ж это такое?
Чем это кончится?.. Давно ли я в покое
Жила, невинная, в глуши, среди цветов,
Не зная горестей, не видя страшных снов —

И ввергнута сейчас в такую тьму и горе!
Ни чести, ни добра. Все сметено в позоре.
Иль правда, что сердцам, сгорающим в любви,
Любовь дарит одни развалины свои,
И от всего костра горсть пепла остается?
Он разлюбил меня!

(Горько плачет, затем подымает голову.)

И этот гром, сдается,
Со мной беседует и хочет мне помочь
Додумать мысль мою. Как страшно в эту ночь!
Но женщину в тоске ничто не остановит.
Нет страха у меня!

(Замечает в доме свет.)

О, что-то здесь готовят?

(Подходит ближе, затем отступает.)

Я мешкаю и жду. И сердце бьется так!
К убийству, может быть, давно уж дали знак!

Магелона и Сальтабадиль возобновляют беседу.

Магелона

Ну и погодка!

Сальтабадиль

Брр! Сейчас и в небе, значит,
Один ругается, другой горюет, плачет.

Бланш

А вдруг отец меня увидит здесь одну?

Магелона

Брат!

Бланш

(вздрогнув)

Что-то говорят!

Направляется, вся дрожа, к дому и приникает к щели.

Магелона

Братишка, слышишь?

Сальтабадиль

Ну?

Магелона

О чем я думаю, не знаешь?

Сальтабадиль

Нет.

Магелона

Загадка!

Сальтабадиль

Про черта!

Магелона

Кавалер, который спит так сладко,
Красив, как Аполлон, и вежлив, на мой вкус,
Влюблен в меня. Он спит, как маленький Исус.
Не убивай его!

Бланш

(которая видит и слышит все, в ужасе)

О боже!

Сальтабадиль

Сшей хороший
Мешок.

(Вынимает из сундука старую рогожу и камень и равнодушно протягивает рогожу Магелоне.)

Магелона

Зачем тебе?

Сальтабадиль

Когда я огорошу
Красавца твоего, кому он там ни люб,
Мы с этим камешком пихнем сюда и труп

Магелона

Но...

Сальтабадиль

Не мешайся же в мои дела, девица!

Магелона

Как!..

Сальтабадиль

Если слушать всех, что делал бы убийца?
Заштопай эту рвань.

Бланш

Они сестра и брат!
Мне кажется, что я подслушиваю ад.

Магелона

Поговорим.

Сальтабадиль

Давай.

Магелона

Есть у тебя хоть злоба
Против него?

Сальтабадиль

Зачем? Мы носим шпагу оба.
Такие господа милы мне с давних лет.

Магелона

Красавцу этому на свете равных нет.
А твой горбун — кривой, как буква «эс».

Сальтабадиль

Ну хватит!
Красавец иль горбун — неважно. Кто-то платит;
И за убийство он мне заплатил вперед,
И столько же потом, когда юнец умрет.
Все ясно; кончим спор.

Магелона

Горбатый твой заказчик
Еще придет сюда — вот и сыграет в ящик,
И кончено.

Бланш

Отец!

Магелона

Так, значит, уговор?

Сальтабадиль

(глядя Магелоне в лицо)

Эй, с кем ты говоришь? Я не бандит, не вор!
Убить заказчика, убить за ту же цену?

Магелона

(показывая ему полено)

Тогда пихни в мешок бревно или полено, —
Все в темноте сойдет за мертвого.

Сальтабадиль

Смешно!
Он примет, думаешь, за мертвеца бревно —
Сухое, твердое, корявое, кривое —
Обрубок дерева?

Бланш

Как дико ветер воет!

Магелона

Пощады!

Сальтабадиль

Пой еще!

Магелона

Ты добрый!

Сальтабадиль

Ерунда!
Он должен умереть — и баста!

Магелона

(гневно)

Никогда!
Я разбужу его!

Бланш

Вот доброе созданье!

Сальтабадиль

А десять золотых?

Магелона

Ах, да!

Сальтабадиль

Так до свиданья!
Будь милой, не мешай!

Магелона

Нет! Я его спасу!

(Решительно становится у лестницы, чтобы загородить дорогу брату.)

Сальтабадиль, побежденный ее настойчивостью, подходит к авансцене, словно обдумывая, как бы все уладить.

Сальтабадиль

Так! Но старик придет в двенадцатом часу!
Пускай любая тварь, кому там ни случится, —
Бродяга, нищий ли к нам в двери постучится, —
Открою и убью и вместо твоего
Подкину горбуну. Я больше ничего
Не в силах выдумать. Да, горбуну в угоду
Убью прохожего, — пускай швыряет в воду!
Вот все, что для тебя могу я сделать.

Магелона

Так!
Но, думаешь, придет в такую ночь простак?

Сальтабадиль

Другого средства нет!

Магелона

В такую пору ночи?

Бланш

Ты искушаешь, бог? Моей ты смерти хочешь?
Непоправимый шаг должна я совершить?
Я молода еще. О боже, дай мне жить!
Не торопи меня!

Удар грома.

Магелона

Когда в такую пору
Гость постучится к нам, руками сдвину гору!

Сальтабадиль

А нету никого — погибнет милый твой.

Бланш

Позвать дозор? Но спит дозор сторожевой,
А этот человек отца бы страже выдал!
Нет, смерти не хочу. Не дам отца в обиду.
Забочусь я о нем, должна хранить его...
Так рано умереть, в шестнадцать лет всего!
Холодный, скользкий нож в груди моей — и рана!
О!

Часы бьют три раза.

Сальтабадиль

Бьет без четверти двенадцать. Как ни рано,
Но, видно, некому к нам постучаться в дверь.
Не слышно ничего? Постой еще! Проверь!
Итак, пора кончать, как я соображаю.

(Подходит к лестнице.)

Магелона, рыдая, удерживает его.

Магелона

Брат, подожди еще!

Бланш

Ты плачешь — ты, чужая, —
А я здесь мешкаю и не хочу помочь!
Он разлюбил — конец! Все остальное прочь!
Смерть за него — пускай!

(Снова колеблется.)

И все-таки — так больно!

Сальтабадиль

(Магелоне)

Ждать больше нечего. Пусти меня. Довольно!

Бланш

О, только бы узнать, ударит он куда!
О, только б не страдать! А если — вот беда —
В лицо! О господи!..

Сальтабадиль

(пытаясь оттолкнуть удерживающую его Магелону)

Кого, скажи толково,
Ждать мне взамен его? Нет дурака такого!

Бланш

(дрожа под дождем)

Мне холодно!

(Направляется к двери.)

Иду!

(Останавливается.)

Смерть — под таким дождем!

(Шатаясь, идет к двери и тихонько стучит.)

Магелона

Стучат!

Сальтабадиль

То дождь стучит в окно. Чего мы ждем?

Бланш стучит снова.

Магелона

Стучат!

(Подбегает к потайному окошку и вглядывается в темноту.)

Сальтабадиль

Не может быть!

Магелона

(к Бланш)

Эй, кто там?

(Сальтабадилю)

Бедный малый!

Бланш

Ночлега до зари!

Сальтабадиль

Подрыхнет он немало!

Магелона

Ночь будет хороша.

Бланш

Откройте!

Сальтабадиль

(Магелоне)

Стой пока!
И отыщи мне нож, чтоб наточить слегка!

Магелона дает ему нож. Сальтабадиль его точит о лезвие серпа.

Бланш

Натачивают нож — над ним склонились оба!

Магелона

Стучится прямо в гроб...

Бланш

Дрожу я от озноба!
Так, значит, я умру?

(Бросается на колени.)

Бог, я к тебе иду.
Прощаю тем двоим. Прощаю их вражду.
Отец и ты, господь, простите злое дело
И мне и королю, кого я пожалела;
Простите демону проклятому тому,
Который, вынув нож, надеется на тьму.
Неблагодарному я жизнь мою вручаю.
Пусть, радуясь, любя, забыв меня, скучая,
Живет он много лет и будет счастлив впредь —
Тот, для кого должна сейчас я умереть.

(Подымается.)

Убийца мой готов.

(Снова стучит в дверь.)

Магелона

(Сальтабадилю)

Нетерпелив, однако!

Сальтабадиль

(пробуя клинок на доске стола)

Готово. Встань сюда и дожидайся знака.

Бланш

Как ясно слышу все!

Сальтабадиль встает за дверью так, чтобы вошедший его не заметил.

Магелона

(Сальтабадилю)

Затвор уже сняла.

Сальтабадиль

(за дверью, с ножом в руке)

Открой.

Магелона

(открывает Бланш)

Входите же.

Бланш

(про себя)

Добро под видом зла!

(Отступает.)

Магелона

Ну что ж вы медлите?

Бланш

(в ужасе; в сторону)

Сестра — на помощь брату...
Отец, прости меня! Забудь свою утрату!

(Входит.)

В то мгновение, когда она переступает порог, Сальтабадиль заносит над нею свой нож. Занавес падает.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ
ТРИБУЛЕ

Та же декорация. Внутренность дома Сальта-бадиля скрыта от зрителей ставнями. Полный мрак.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Трибуле, один, медленно выходит из глубины сцены, закутанный в плащ. Гроза стихает. Дождь прекратился. Изредка вспышки молнии и отдаленные раскаты грома.

Трибуле погружен в глубокую задумчивость. В глазах его — мрачная радость.

Трибуле

Вот и возмездие! Час пробил! Наконец-то!
Я целый месяц жду, выискиваю средства.
Я прячу замысел под маской шутовской,
Смеюсь, снедаемый невидимой тоской.

(Глядя на низкую дверь дома)

Вот дверь... Почти держать в руках, почти касаться!
Отсюда вынесут мне тело, может статься.
Час не настал еще. Но я пришел сюда —
Хоть погляжу на дверь, она ли это... Да!
Конечно, это здесь.

Удар грома.

Вот тайна тьмы гнетущей!
Убийство на земле! Гроза в небесной туче!
Как я велик сейчас! Гнев силою огня
В подобье божества преобразил меня.
Какого короля я умерщвляю! Войны
И мир земных держав — в его руке спокойной.
Легла вселенная на эти рамена.
Умри он — и пойдет шататься вся страна!
Я выну гвоздь один, нарушу равновесье,
Толкну его слегка — и города и веси
Придут в движение, начнет Европа вся
Искать опоры вновь, на волоске вися.
И если бы господь спросил сегодня землю:
«Земля! Какой вулкан я на тебя подъемлю?
Кто вздыбит христиан, смутит магометан?

Кто? Папа, Дориа, Карл Пятый иль султан,[51]
Сам Цезарь иль Христос, апостол или воин,
Какой кулак, земля, трясти тебя достоин?
Кто в смутах племена смешает на земле?» —
И в ужасе земля ответит: «Трибуле!»
Кичись же, скоморох! Любуйся тем, что поднял.
Ты мщением своим качаешь мир сегодня!

Последние раскаты грома; в промежутках слышно, как на далеких башенных часах бьет полночь.

Трибуле прислушивается.

Бьет полночь!

(Быстро подходит к дому и стучит в дверь.)

Голос изнутри

---

[51] Примечания: 51

Кто? Папа, Дориа, Карл Пятый иль султан? — Франциск I вел ожесточенные войны с Карлом V за господство в Северной Италии. В ходе этих войн он примкнул к Лиге, организованной против Габсбургов папой Климентом VII и английским королем, а в 1535 г. заключил союз против Карла V с турецким султаном Сулейманом Великолепным. Андреа Дориа стоял во главе генуэзского флота во время итальянских войн Франциска I и вначале поддерживал французов против Миланского герцога; но когда Франциск I отказался дать Генуе обещанные льготы, Дориа внезапно примкнул к Карлу V.

Кто там?

Трибуле

(скорчившись, задыхаясь от волнения)

Я.

Приоткрывается лазейка под дверью.

Голос

Так ждите у дверей.

Сальтабадиль, согнувшись, вылезает из-под двери, волоча за собой что-то тяжелое, длинный тюк, который невозможно рассмотреть в темноте. Ни в руках у него, ни в доме — никакого света.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Трибуле, Сальтабадиль.

Сальтабадиль

Ух, тяжко! Шаг еще! Возьмите поскорей.

Трибуле в порыве восторга помогает ему вынести на авансцену длинный коричневый мешок, в котором, по-видимому, находится труп.

Ваш человек в мешке.

Трибуле

Посмотрим. Посвети-ка!

Сальтабадиль

Как бы не так!

Трибуле

Чего боишься ты? Все тихо.

Сальтабадиль

А вдруг ночной дозор, черт побери, стрелки?
Тут не до факелов! Шуметь нам не с руки.
Платите!

Трибуле вручает ему кошелек. Пока Сальтабадиль считает, Трибуле рассматривает мешок, лежащий на земле.

Трибуле

Ненависть стать счастьем захотела!

Сальтабадиль

Хотите, помогу швырнуть вам в Сену тело?

Трибуле

Сам справлюсь.

Сальтабадиль

(настойчиво)

А вдвоем скорее бы сошло.

Трибуле

Предать врага земле всегда не тяжело.

Сальтабадиль

Я бы сказал — реке!.. Весьма доволен сделкой.

(Подходит к парапету.)

Хозяин, не сюда! На этом месте мелко.

(Показывает ему место, где парапет сломан.)

Орудуйте скорей. Там глубже. В добрый час?

(Входит в дом и запирает за собой дверь.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Трибуле

(один, пристально глядя на мешок)

Добыча! Вот он! Мертв! Взглянуть в последний раз?

(Ощупывает мешок.)

Не стоит. И в мешке я вижу, что похоже!
Вот шпоры острые царапают рогожу.
Конечно, он!

(Выпрямляется и ставит ногу на мешок.)

Теперь смотри на нас, земля!
Вот это — шут, а здесь — останки короля!
Какого! Первого среди владык вселенной!
Вот я топчу его. И он проглочен Сеной,
Как склепом родовым. А саван — чем же плох?
Кто это совершил?

(Скрещивает руки на груди.)

Я, бедный скоморох!
Но как опомниться, как торжество измерить?

Народы на заре откажутся поверить!
Что скажет завтра мир? Что скажет род людской?
Как будет потрясен развязкою такой!
Так кем же он смещен, какой судьбою злейшей —
Его величество, кумир наш августейший,
Принц Валуа, герой, чья грудь в литой броне,
Он, Карла Пятого соперник на коне?
Пред ликом вечности — удачник войн бывалых,
Чья поступь древних стен твердыни колебала!

Изредка слышны раскаты грома.

Он, бившийся всю ночь при Мариньяно,[52] он,
За батальоном в бой бросавший батальон,
Когда же день настал, — да ведомо потомкам, —
Не шпагой дравшийся, а лишь ее обломком, —
Чьим подвигом была вселенная горда,
Король, кумир — и вдруг исчезнет без следа!

---

[52] Примечания: 52

Он, бившийся всю ночь при Мариньяно... — Битва при Мариньяно произошла в 1515 г. между войсками Франциска I и соединенной армией итальянских князей и швейцарцев, хозяйничавших в ту пору в Северной Италии. Победа, одержанная в этом сражении Франциском I, явилась важным этапом в борьбе французских королей за Миланское герцогство.

Во всем величии, средь челяди придворной,
Блистательный монарх вдруг выкраден проворно,
Так точно, как крадут у матерей ребят, —
Никто не знает кем, под громовой раскат!
Весь этот двор и блеск вдруг обернулись дымом!
Король, что поутру казался невредимым,
Исчез, рассыпался в воздушной пустоте,
Зажегся и потух, как молнии вон те!
Мы завтра, может быть, свидетелями будем,
Как, бочки золота показывая людям,
Глашатай заорет прохожим на пути:
«Пропал у нас король! Где короля найти?»
Вот чудеса!

(После некоторого молчания.)

А ты, дитя мое, бедняжка,
Отомщена теперь, — и он наказан тяжко!
Нужна мне кровь была, — за несколько монет
Купил ее!

(В ярости склоняется над трупом.)

Подлец! Ты слышишь или нет?
Дороже дочь моя всех королевских тронов!
Жила ведь, никого и пальчиком не тронув,
Ты взял ее, украл и через час вернул

Мне обесчещенной, и стыд ее согнул.
Ну что же, слышишь ты, — ведь это, правда, странно, —
Ты слышишь, я смеюсь, отмстивший невозбранно!
Да, да! Забывчивым я притворился так,
Чтоб усыпить тебя. И ты считал, простак,
Что гнев отца беззуб, что все легко и просто?
О, в схватке начатой мне не хватало роста!
Я слаб, а ты силен. Но слабый верх возьмет:
Кто ползал пред тобой — тот грудь твою грызет!
Ты мой!

(Еще ниже склоняется над трупом.)

Ты слышишь ли, ты, дворянин от века?
Я шут, я твой дурак, частица человека,
Почти животное! Ты звал меня, как пса!

(Ударяет труп.)

Когда желанье мстить откроет нам глаза
И сонные сердца любая малость ранит, —
Кто хил — тот вырастет, кто низок — тот воспрянет!
И ненависти, раб, не бойся и не прячь!
Расти из кошки тигр! И из шута — палач!

(Приподымается.)

А если бы еще он слышал, как я дерзок, —
Он, не могущий встать!

(Снова наклоняется над мешком.)

Ты слышишь? Ты мне мерзок!
Иди на дно реки, кончай младые дни.
Быть может, приплывешь в аббатство Сен-Дени!
Прощай, король Франциск!

(Берет мешок за один конец и тащит к воде.)

В тот момент, когда мешок уже на парапете, дверь дома открывается, и выходит Магелона. Она беспокойно оглядывается, делает рукой движение, показывающее, что она ничего не видит, входит обратно в дом и сейчас же выходит с королем, показывая ему знаками, что никого нет и что он может спокойно идти. Затем возвращается к себе, а король проходит в глубине сцены по направлению, указанному ему Магелоной. Трибуле собирается столкнуть мешок в Сену.

Трибуле

(держа мешок в руках)

Плыви!

Король

(поет в глубине сцены)

Красотки лицемерят,
Безумен, кто им верит!

Трибуле

(вздрогнув)

Что слышу я?
Иль смутный гул ночной так обманул меня?

(Оборачивается в страхе, прислушивается.)

Король уже ушел, но слышно, как он поет.

Голос короля

Красотки лицемерят,
Безумен, кто им верит!

Трибуле

Проклятье! Горе мне! В моем мешке — не он!
Он спасся и бежал! Он кем-то подменен!
Ах, черт! Обманут я!

(Подбегает к дому. Там открыто только верхнее оконце.)

Бандит!

(Измеряет на глаз высоту, обдумывая, нельзя ли взобраться.)

Окно высоко!

(Возвращается к мешку; в ужасе)

Кого же он взамен сюда впихнул жестоко?
Кто жертва бедная?

(Ощупывает мешок.)

Да, здесь лежит мертвец!

(Распарывает мешок кинжалом и тревожно вглядывается.)

Не вижу! Ночь темна, и небо — как свинец.

(Растерянно озирается.)

Нет света! Весь Париж — как кладбище ночное.

(В отчаянии склоняется над телом.)

Дождемся молнии.

(Несколько секунд пристально смотрит на мешок, из которого наполовину вы-

тащил тело Бланш.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Трибуле; Бланш.

Внезапная вспышка молнии. Трибуле вскакивает и отступает с неистовым воплем.

Трибуле

Дитя мое родное!
Дочь! Небо и земля! Здесь дочь моя! Она!

(Щупает свою руку.)

О боже! Вся рука в крови обагрена!
Я гибну! Дочь моя! Нет, это призрак ложный!
Нет, это все обман! Нет, это невозможно!
Она спешит в Эврё. Она уже в пути.

(Падает на колени перед телом, и устремляет глаза к небу.)

О боже, это сон! Ты мог ее спасти!
Крылами осени ее головку, боже!
Нет, это не она!..

Молния снова озаряет бескровное лицо и закрытые глаза Бланш.

Она! В гнилой рогоже!

(С рыданием бросается на ее тело.)

Она! Дитя мое! Ответь мне только, дочь!
Тебя убили? Да? Ответь! Сегодня в ночь?
И никого вокруг! На всей земле мы двое!
Дочь! Говори, ответь! Дитя мое живое!

Бланш

(как бы воскрешенная криками отца, приоткрывает глаза; слабым голосом)

Кто звал меня?

Трибуле

(как безумный)

Жива, вздохнула, поднялась!
И сердце вновь стучит! И не закрыла глаз!

Бланш

(приподымается; она в рубашке, залитой кровью, ее волосы распущены, ноги в мешке)

Где я?

Трибуле

(поддерживает ее)

Дитя мое! Любовь моя! Бедняжка!
Узнала? Слышишь ли? Ответь!

Бланш

Отец! Мне тяжко...

Трибуле

Вот дьявольская тьма... Что сделали с тобой?
Мне страшно, что тебе я причиняю боль...
Не видно ничего! Ты ранена, родная?
Приподымись же!

Бланш

(прерывающимся голосом)

Нож задел — я это знаю —
Мне сердце...

Трибуле

Кто удар нанес из-за угла?

Бланш

Я гибну... я сама... тогда вам солгала —
Любила слишком... вот... и умираю...

Трибуле

Кара,
Придуманная мной! От моего удара...
Но как же?.. Где они могли тебя найти?

Бланш

(голосом умирающей)

Не заставляй меня рассказывать!

Трибуле

(осыпая ее поцелуями)

Прости!
Как! Потерять тебя, не зная... Ты слабеешь?

Бланш

(стараясь повернуться)

Мне душно... Кончено...

Трибуле

(приподнимая ее, с тоской в голосе)

Бланш! Ты еще не смеешь.
Живи!

(В отчаянии оборачивается.)

Эй, кто-нибудь! На помощь!.. Ни души!

Так и оставят нас, чтоб умерла в глуши?
Ага! Там на стене есть колокол тревожный!

(К Бланш)

Дождешься ты меня? На миг уйти мне можно?
Я принесу воды, тревогу подыму.

Бланш знаком показывает, что это бесполезно.

Так лучше было бы... Не хочешь? Почему?

(Не оставляя ее, зовет на помощь.)

Эй, кто-нибудь!

Полная тишина. Дом погружен в темноту.

Их дом — жилище погребенных!

Бланш в агонии.

Не умирай, постой, голубка, мой ребенок!
Бланш, если нет тебя, я буду нищ и гол.
Не умирай, постой!

Бланш

О!

Трибуле

Локоть мой тяжел?
Тебе мешает он? Переменю я руку.
Так лучше? Легче так? Сейчас утихнет мука.
Дыши! Сейчас придут, помогут и дадут
Тебе воды... Никто не подошел и тут!

Бланш

(с усилием, глухо)

Прости его, отец... Прощай...

Голова ее откидывается.

Трибуле

Она не дышит!

(Подбегает к колоколу и бешено звонит.)

Убийство! Караул! Огня!

(Возвращается к Бланш.)

Дай мне услышать
Хотя бы голос твой! Скажи мне! Пожалей!

(Пытается приподнять ее.)

Зачем же никнешь ты все ниже, тяжелей?
В шестнадцать лет! О нет! Не может быть разлуки!

Бланш своего отца не бросит в этой муке!
О боже мой, за что? Зачем мертвы уста?

Появляются люди, сбежавшиеся с факелами на звон колокола.

Иль бог безжалостен? Иль эта твердь пуста?
Уж лучше не рождать, не жить совсем на свете,
Чем красоту твою мне созерцать в расцвете!
Уж лучше не держать и на руках дитя!
Уж лучше бы совсем малюткой, залетя
В наш мир, ты унеслась, как птицы улетают!
Уж лучше, девочка...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, мужчины, женщины из народа.

Женщина

Как за сердце хватают
Его слова!

Трибуле

(оборачивается)

Ага! Пришли вы наконец?

Проснулись вовремя!

(Берет за ворот возчика, держащего в руке бич.)

Есть лошадь, молодец?
Колеса есть, скажи?

Возчик

Есть! Не хватай руками!

Трибуле

Так! Можешь голову мне размозжить о камень!

(Снова бросается на тело Бланш.)

Дитя любимое!

Один из присутствующих

Отца бы увести!
В таком отчаянье!

Пытаются оттащить Трибуле. Тот сопротивляется.

Трибуле

Не трогайте. Пусти!
Не смейте отнимать! Что я дурного сделал?

Я и не знаю вас!

(К одной из женщин)

Ты выслушать хотела?
Ты плачешь, женщина? Так у тебя в груди
Есть сердце? Пусть они оставят нас!

Женщина вступается за него. Он возвращается к телу Бланш и падает перед ним на колени.

Трибуле

Пади
Ниц, горемычный шут, пред нею на колени!

Женщина

Нельзя устраивать здесь шумных представлений,
А то вас уведут.

Трибуле

(растерянно)

Нет! Кажется, еще
Она жива.

(Обхватывает и приподнимает тело дочери.)

Ко мне склонилась на плечо.

Найдите доктора во что бы то ни стало!
Нам надо отдохнуть. Она ведь так устала.

(Берет ее на руки, как мать уснувшего ребенка.)

Нет, нет! Не умерла! Нет, не захочет бог!
Он знает, как горбун несчастен и убог,
Какая ненависть везде калек встречает,
Как от калек бегут, как их не замечают.
А эта девочка была ко мне нежна,
И, услыхав ваш смех, заплакала б она!
Дай мне скорей платок — я оботру ей губки.
Как розовы они у бедненькой голубки!

(Вытирает ее лицо.)

О, если бы сейчас, как это помню я,
Златоволосая, двухлетняя моя
Пред вами прыгала...

(Крепко прижимает ее к сердцу.)

Несчастное сердечко,
Больная деточка, погаснувшая свечка!

(Любуется ею; понизив голос)

Я на руках держал ребенка иногда —
Вот как сейчас держу. Как ей спалось тогда!
А только разбужу — мила, как ангел божий!

Я не показывал ей смехотворной рожи, —
Но улыбается все больше и светлей,
И я сто тысяч раз целую ручки ей.
Бедняжка умерла! Нет, это сон счастливый.
Смотрите: если бы поближе подошли вы,
Вы убедились бы, как дышит горячо.
Глаза откроются. Я буду ждать еще.
Вы видите? Я прав и потому спокоен.
Я понял: это сон, и чувствую, какой он...
Не делаю того, что мне запрещено,
Но с бедной девочкой останусь все равно.

(Смотрит на нее.)

Какое личико! А горечи и муки
Нет и следа. Вот я уже согрел ей руки.
Пощупайте!

Входит врач.

Женщина

Хирург... Пустите, сударь, к ней!

Трибуле

Не буду вам мешать. Смотрите! Так видней.
Что это, обморок?

Врач

(осматривая Бланш)

Нет, это смерть. Вот рана
Глубокая в боку. И, как это ни странно,
Кровь хлынула вовнутрь, исхода не найдя.

Трибуле

Убил свое дитя! Убил свое дитя!

(Падает на землю.)

РЮИ БЛАЗ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Три рода зрителей составляют то, что принято называть публикой: во-первых, женщины; во-вторых, мыслители; в-третьих, толпа в собственном значении этого слова. Толпа требует от драматического произведения почти исключительно действия; женщины прежде всего желают в нем видеть страсть; мыслители ищут в нем предпочтительно характеры. Внимательно изучая эти категории зрителей, мы наблюдаем следующее: толпа так любит действие, что в случае надобности согласна пренебречь характерами и страстями.[53]

Женщины, интересуясь, правда, и действием, так поглощены развитием страсти, что уделяют мало внимания обрисовке характеров; что же касается мыслителей, то им так нравится видеть на сцене характеры, то есть живых людей, что,

---

[53] Примечания: 53

То есть стилем. Ибо если действие может во многих случаях выражаться самим же действием, то страсти и характеры, за очень немногими исключениями, выражаются только словом. Слово же в театре, твердо закрепленное, а не витающее слово, есть стиль.

Пусть каждое действующее лицо разговаривает так, как ему надлежит говорить, — sibi constet, по выражению Горация. В этом все дело. (*Прим. автора.*)

охотно принимая страсть как естественный побочный элемент драматического произведения, они готовы считать действие досадной помехой. Это происходит оттого, что толпа требует от театра главным образом ярких впечатлений, женщина — чувств, мыслитель — размышлений. Все хотят наслаждения, но одни — наслаждения для глаз, другие — наслаждения для сердца, а последние — наслаждения для ума. Отсюда три рода совершенно разных произведении на нашей сцене: один простонародный и низкий, два прославленных и высоких, но одинаково удовлетворяющих определенную потребность: для толпы — мелодрама; для женщин — трагедия, анализирующая страсть; для мыслителей — комедия, изображающая человеческую природу.

Заметим мимоходом, что мы не собираемся устанавливать здесь что-либо непреложное, и просим читателя, чтобы он сам ввел в высказанную нами мысль ограничения, которые она может потребовать. Общие понятия всегда допускают исключения, мы отлично знаем, что толпа есть нечто великое, где можно найти все — как врожденное чувство прекрасного, так и склонность к посредственному, как любовь к идеальному, так и влечение к пошлому, мы

знаем также, что всякий законченный мыслитель должен быть женщиной по утонченности чувств, и нам хорошо известно, что, благодаря таинственному закону, соединяющему оба пола и душой и телом, в женщине зачастую таится мыслитель. Отметив это и еще раз попросив читателя не придавать безоговорочного смысла немногим словам, которые нам остается сказать, продолжим нашу мысль.

Для каждого, кто всмотрится в три разряда зрителей, о которых мы сейчас говорили, очевидно, что все три правы. Женщины правы, требуя, чтобы душу их волновали; мыслители правы, требуя, чтобы их поучали, а толпа справедливо требует, чтобы ее забавляли. Из этих очевидных обстоятельств вытекает закон драмы. И в самом деле: создавать по ту сторону огненного барьера, называемого театральной рампой и отграничивающего реальный мир от мира идеального, создавать, в условиях сочетания искусства и природы, и наделять жизнью характеры, то есть, повторяем, людей; вложить в этих людей, в эти характеры, страсти, которые развивают характеры и изменяют людей; и, наконец, порождать из столкновения этих характеров и страстей с великими, установленными провидением, за-

конами человеческую жизнь, то есть великие, ничтожные, горестные, смешные или ужасные события, доставляющие душе наслаждение, называемое интересом, а уму дающие назидание, называемое моралью, — такова цель драмы. Драма имеет, следовательно, нечто общее с трагедией, благодаря изображению в ней страстей, и с комедией — благодаря изображению в ней характеров. Драма есть третья большая форма искусства, объемлющая, заключающая в себе и оплодотворяющая и трагедию и комедию. Корнель и Мольер существовали бы независимо друг от друга, не будь между ними Шекспира, протягивающего Корнелю левую руку, а Мольеру правую. Так сходятся оба противоположных электричества комедии и трагедии, и вспыхивающая от этого искра есть драма.

Определяя сущность, закон и цель драмы, как он их понимает и как он уже не раз излагал их, автор вполне отдает себе отчет в том, что силы его очень невелики, а ум весьма ограничен. Он говорит здесь — пусть читатель правильно поймет его — не о том, что он сделал, а о том, что он хотел сделать. Он указывает, что являлось для него исходной точкой. И только.

Мы можем предпослать этой книге лишь

несколько строк, ибо нам не хватает места для более пространного рассуждения. Да позволено нам будет поэтому, не вдаваясь в дальнейшие подробности, перейти от общих мыслей, высказанных сейчас нами и руководящих, по нашему мнению, всем искусством в целом, — при соблюдении, конечно, всех требований идеала, — к некоторым частным мыслям, которые эта драма, Рюи Блаз, может вызвать у вдумчивых людей.

Во-первых, — если затронуть лишь одну сторону вопроса, — каков, с точки зрения философии истории, смысл этой драмы? Поясним это.

Когда монархия близка к развалу, наблюдается ряд своеобразных явлений. Так, прежде всего дворянство обнаруживает склонность к распаду. Распадаясь, оно делится на части, и вот каким образом.

Королевство шатается, династия угасает, закон рушится, политическое единство, раздираемое интригами, дробится; высшее общество дичает и вырождается; все ощущают предсмертную расслабленность — и внешнюю и внутреннюю; крупные государственные установления рухнули, остаются в силе только мелкие — печальное общественное зрелище; нет больше полиции, армии, финансов; все понимают, что приходит

конец. Отсюда во всех умах рождается тоска о прошлом, опасение за будущее, недоверие ко всем и ко всему, уныние и глубокое отвращение. Так как болезнь государства гнездится в самой верхушке, то знать, соприкасающаяся с нею, заболевает первая. Какая участь постигает ее? Часть дворянства, менее честная и менее благородная, остается при дворе. Все должно вскоре рухнуть, время не терпит, надо спешить, надо обогащаться, возвеличиваться и пользоваться обстоятельствами. Все думают только о себе. Каждый, не питая ни малейшей жалости к стране, строит свое маленькое личное счастье на великом общественном несчастии: он придворный, он министр, он торопится стать счастливым и могущественным; он умен, он развращается и преуспевает. Люди домогаются всего, хватают и расхищают все — ордена, звания, должности, деньги, Живут только честолюбием и алчностью. Скрывают под внешней благопристойностью тайное распутство, порождаемое человеческой слабостью. А так как подобная жизнь, состоящая в погоне за наслаждениями и удовлетворением своего честолюбия, требует прежде всего отречения от всех естественных чувств, то люди становятся жестокими. Когда наступает день опа-

лы, в душе придворного, впавшего в немилость, пробуждается нечто чудовищное, и человек превращается в демона.

Безнадежное состояние государства толкает другую, лучшую и более родовитую половину дворянства на иной путь. Она удаляется от двора, возвращается в свои дворцы, замки и поместья. Она проникается отвращением ко всем делам, она ничем не может помочь, ибо приближается конец света: что можно сделать, и стоит ли предаваться отчаянию? Надо забыться, закрыть на все глаза, жить, пировать, любить, наслаждаться. Кто знает, есть ли впереди хотя бы год? Сказав или даже просто почувствовав это, дворянин живо принимается за дело: он заводит вдесятеро больше слуг, покупает лошадей, осыпает деньгами женщин, устраивает празднества, задает пиры, расточает, дарит, продает, покупает, закладывает, прожигает, проедает, отдает себя в руки ростовщиков и быстро проматывает свое имущество. Неожиданно приходит беда. Оказывается, что, хотя монархия быстро катится под гору, он разорился до ее крушения. Все миновало, все кончено. От всей этой роскошной, ярко пылавшей жизни не осталось даже и дыма — он развеялся. Один пепел, и больше ничего. Забытый и покинутый

всеми, обедневший дворянин становится тогда тем, чем может, — искателем приключений, головорезом, беспутным бродягой. Он погружается в толпу и исчезает в этой огромной, тусклой и темной массе, которую он до тех пор едва различал глубоко под собою. Он уходит в нее с головой, он укрывается в ней. У него нет больше золота, но у него осталось солнце — это богатство неимущих. Сначала он жил в верхах общества, теперь он поселяется в низах и мирится с новой жизнью; он презирает своего родственника — честолюбца, богатого и могущественного; он становится философом и сравнивает воров с придворными. Впрочем, он добрый и смелый человек, умный и прямодушный: смесь поэта, нищего и принца; он над всем смеется; расправляется с ночной стражей, не прикасаясь к ней сам, при помощи своих товарищей, как раньше — при помощи слуг; не без изящества сочетает в своем обращении наглость маркиза с бесстыдством цыгана; он запятнан внешне, но чист душой; от дворянина в нем осталась только честь, которую он бережет, имя, которое он скрывает, и шпага, которую он пускает в ход.

Двойная картина, которую мы сейчас бегло обрисовали, встречается в известный момент в

истории всех монархий, но особенно ярко она обнаруживается в Испании конца XVII века. Итак, если только автору удалось выполнить эту часть своего замысла, — в чем он не очень уверен, — в предлагаемой читателю драме первая половина испанского дворянства найдет свое выражение в лице дона Саллюстия, а вторая — в лице дона Цезаря. Они — двоюродные братья.

Здесь, как и везде, набрасывая это изображение кастильской знати около 1695 года, мы, понятно, не имеем в виду редкие и почтенные исключения... Продолжим нашу мысль.

Вглядываясь пристально в эту монархию и в эту эпоху, мы видим, что ниже знати, расколовшейся надвое и до известной степени олицетворяемой двумя людьми, которых мы сейчас назвали, шевелится в тени нечто великое, темное и неведомое. Это — народ. Народ, у которого есть будущее и нет настоящего; народ-сирота, бедный, умный и сильный, стоящий очень низко и стремящийся стать очень высоко; носящий на спине клеймо рабства, а в душе лелеющий гениальные замыслы; народ, слуга вельмож, в своем несчастии и унижении пылающий любовью к окруженному божественным ореолом образу, который воплощает для него среди развалившегося общества

власть, милосердие и изобилие. Народ — это Рюи Блаз.

А над этими тремя людьми, которые, — если смотреть на них под этим углом зрения, — заставляют жить и действовать на глазах зрителя три начала и в этих трех началах — всю испанскую монархию XVII века, — над этими тремя людьми высится чистое и лучезарное создание, женщина, королева, несчастная как женщина, ибо у нее словно и нет мужа; несчастная как королева, ибо у нее словно и нет короля; склонившаяся, в приливе царственного сострадания, а может быть, и женского чувства, к тем, кто стоит ниже ее, и смотрящая вниз, тогда как Рюи Блаз, народ, смотрит вверх.

На взгляд автора, эти четыре соединенные таким образом фигуры, — не умаляя значения второстепенных персонажей, усиливающих правдивость картины в целом, — резюмируют самые яркие черты, которые представляла взору историка-философа испанская монархия сто сорок лет тому назад. К этим четырем фигурам можно было бы, пожалуй, прибавить пятую — фигуру Карла II. Но в истории, как и в драме, Карл II Испанский — не личность, а тень.

Мы спешим оговориться, что сказанное нами

не является объяснением Рюи Блаза. Это только одна из сторон пьесы, это то впечатление, которое драма, если бы она заслуживала серьезного внимания, могла бы, в частности, произвести на человека вдумчивого и добросовестного, исследующего ее, скажем, с точки зрения философии истории.

Но как бы эта драма ни была незначительна, она, как и все на свете, имеет много других сторон, и есть много иных способов рассматривать ее. Идея может, подобно горе, предстать перед нами в нескольких видах. Это зависит от того, с какой точки мы смотрим. Да простят нам слишком пышное сравнение, которым мы пользуемся только для того, чтобы яснее выразить нашу мысль: Монблан, если на него смотреть из Круа-де-Флешер, не похож на Монблан, каким мы его видим из Саланша. Тем не менее это все тот же Монблан. Точно так же — переходя от великого к малому — и эта драма, исторический смысл которой мы сейчас разъяснили, представилась бы нам в совсем ином виде, если бы мы стали рассматривать ее с еще гораздо более возвышенной точки зрения — с точки зрения чисто человеческой. В таком случае дон Саллюстий олицетворял бы безграничное себялюбие и неустанную заботу,

его противоположность, дон Цезарь, — бескорыстие и беззаботность, в Рюи Блазе отразились бы гений и страсть, угнетаемые обществом и устремляющиеся тем выше, чем сильнее этот гнет, и, наконец, королева олицетворяла бы добродетель, подвергающуюся большой опасности вследствие скуки.

С чисто литературной точки зрения характер этого замысла, как он осуществлен в драме, озаглавленной Рюи Блаз, снова изменился бы. В нем могли бы быть олицетворены три высшие формы искусства. Дон Саллюстий воплощал бы драму, дон Цезарь — комедию, Рюи Блаз — трагедию. Драма завязывает действие, комедия осложняет его, трагедия разрубает.

Все эти подходы к данной драме правильны и вполне основательны, но ни один из них не охватывает целого. Абсолютная истина заключается в совокупности произведения. Пусть каждый находит в нем то, что он ищет, — и цель поэта, который, впрочем, не льстит себя этой надеждой, будет достигнута. Философская тема Рюи Блаза — народ, устремляющийся ввысь; человеческая тема — мужчина, любящий женщину; драматическая тема — лакей, полюбивший королеву. Толпа, которая каждый вечер теснится перед

этим произведением, — ибо во Франции никогда не ощущалось недостатка в общественном внимании к творческим попыткам ума, каковы бы они ни были, — толпа, повторяем, видит в Рюи Блазе только последнюю тему, драматическую, — лакея, и, по-своему, она права.

То, что мы сейчас говорили о Рюи Блазе, кажется нам несомненным и по отношению ко всякой другой пьесе. Славные творения великих драматургов замечательны именно тем, что они являют больше сторон для рассмотрения, чем все прочие. Тартюф смешит одних людей и наводит ужас на других. Тартюф — забравшаяся в дом змея, или лицемер, или же лицемерие. Он то человек, то идея. Для одних Отелло — чернокожий, любящий белую женщину, для других он — выскочка, женившийся на дочери патриция; для одних это ревнивец, для других это ревность. Такое разнообразие сторон нисколько не нарушает единства творения. Как мы уже выразились в другом месте: множество ветвей и один-единственный ствол.

Автор драмы потому так подробно остановился на ее историческом смысле, что в его представлении Рюи Блаз по своему историческому содержанию — и, конечно, только по историче-

скому — связан с Эрнани. Огромное значение аристократии показано в Эрнани, как и в Рюи Блазе, наряду с огромным значением королевской власти. С той лишь разницей, что в Эрнани, — поскольку абсолютная королевская власть тогда еще не утвердилась, — знать ведет борьбу против короля то при помощи гордого сознания своего достоинства, то при помощи шпаги; она наполовину феодальна, наполовину непокорна. В 1519 году вельможа живет вдали от двора, в горах, разбойником — как Эрнани, или патриархом — как Руй Гомес. Спустя двести лет положение изменилось. Вассалы превратились в придворных. И если вельможа случайно испытывает еще потребность скрывать свое имя, то не для того, чтобы спастись от преследований короля, а чтобы спастись от преследований своих кредиторов. Он становится не разбойником, а беспутным бродягой. Чувствуется, что королевский абсолютизм долгие годы прохаживался по этим высокородным головам, пригибая одни и сокрушая другие.

И, наконец, — да будет нам позволено сказать в заключение еще несколько слов, — между Эрнани и Рюи Блазом пролегают два столетия Испании, два долгих столетия, в продолжение которых потомству Карла V дано было властвовать

над миром; два столетия, которые провидение не пожелало, — что весьма примечательно, — продлить ни на один час, ибо Карл V родился в 1500 году, а Карл II умер в 1700 году. В 1700 году Людовик XIV наследовал Карлу V, подобно тому как в 1800 году Наполеон наследовал Людовику XIV. Эти бурные взлеты династий, время от времени озаряющие историю, представляются автору прекрасным и овеянным грустью зрелищем, на котором часто останавливается его взор. Порою автор пытается перенести из него кое-что в свои произведения. Так, ему хотелось наполнить Эрнани сиянием утренней зари и окутать Рюи Блаза предвечерними сумерками. В Эрнани солнце австрийского царствующего дома восходит, в Рюи Блазе оно угасает.

Париж, 25 ноября 1838 г.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Рюи Блаз.
Дон Саллюстий де Басан.
Дон Цезарь де Басан.
Дон Гуритан.
Граф де Кампориаль.
Маркиз де Санта Крус.
Маркиз дель Басто.
Граф Альба.
Маркиз де Приэго.
Дон Мануэль Ариас.
Монтазго.
Дон Антонио Убилья.
Коваденга.
Гудиэль.
Лакей.
Алькад.
Привратник.
Альгвасил.
Донья Мария Нейбургская, королева Испании.
Герцогиня Альбукеркская.
Касильда.
Дуэнья.
Паж.

Дамы, сеньоры, члены совета, пажи, дуэньи, альгвасилы, стража.

Мадрид. — 169...

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ДОН САЛЛЮСТИЙ

Зал Данаи в королевском дворце в Мадриде. Роскошная обстановка в полуфламандском стиле времен Филиппа IV. Слева большое окно с золоченым переплетом и квадратиками стекол. По обе стороны его, на срезанных углах, низенькие дверки, ведущие во внутренние покои. В глубине — большая стеклянная перегородка с золоченым переплетом; широкая дверь, тоже стеклянная, ведет в длинную галерею. Эта галерея, идущая через всю сцену, закрыта громадными занавесами, затягивающими сверху донизу стеклянную перегородку. Стол, письменные принадлежности и кресло. Дон Саллюстий входит в дверцу слева; за ним Рюи Блаз и Гудиэль, который несет шкатулку и свертки, видимо, приготовленные для путешествия. Дон Саллюстий — в черной бархатной одежде, придворном костюме времен Карла II; на шее цепь Золотого Руна; поверх черного костюма — роскошный плащ из светлого бархата, расшитый золотом, на черной шелковой

подкладке; шлага с большой чашкой у рукояти; шляпа с белыми перьями. Гудиэль одет во все черное, со шпагой на боку. Рюи Блаз — в ливрее, штаны и куртка коричневые, кафтан — красный, с золотом, без шпаги, голова непокрыта.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Саллюстий де Басан, Гудиэль, время от времени — Рюи Блаз.

Дон Саллюстий

(Рюи Блазу)

Запри входную дверь, а окна отвори.

Рюи Блаз выполняет приказание, затем, по знаку дона Саллюстия, уходит в дверь в глубине. Дон Саллюстий подходит к окну.

Все крепко спят еще. Но брезжит свет зари.

(Живо оборачивается к Гудиэлю)

Вот громовой удар! Пропало все, пропало.
О Гудиэль! Позор! Изгнание! Опала!
Власть сразу рухнула. Еще не знает двор.
Молчи пока и ты. Из-за чего позор?

Ах, я в мои лета увлекся, как мальчишка, —
И вот... Всему виной глупейшая интрижка:
Служанку соблазнил... Великая беда!
Но с королевою приехала сюда
Она из Нейбурга. Плаксивая девчонка
Явилась во дворец и притащить ребенка
Его величеству посмела напоказ!
Жениться мне на ней последовал приказ;
Но отказался я, не скрыв негодованья, —
И вот теперь за то изгнанье. Мне — изгнанье!
Монаршей милости из-за чего лишен?
А то, что двадцать лет поддерживал я трон,
Что был ему всегда опорой и защитой,
Мой неусыпный труд... Забыто все, забыто!
Верховного судьи носил я с честью званье:
При имени моем дрожала вся Испанья.
Мое могущество исчезло, точно дым.
Почет, величье, власть исчезли вместе с ним!
Все сразу рушится под смех толпы презренной!

Гудиэль

Никто не знает ведь...

Дон Саллюстий

Но завтра непременно
Узнают. Завтра, да... Но будем мы в пути!
Упасть я не хочу, я должен в тень уйти.

(Резким движением расстегивает камзол.)

Как туго ты всегда затягиваешь пряжку!
Скорее отпусти, а то дышать мне тяжко.

(Садится.)

Я буду в темноте свою готовить месть!
В подполье буду я интриги сети плесть.
Я — изгнан!

Гудиэль

Кто ж нанес удар вам?

Дон Саллюстий

Королева!
Но страшен будет час возмездия и гнева!
Ты, ты учитель мой все эти двадцать лет,
И от тебя во мне и мысли тайной нет.
Ты мастер опытный, какому удается
На глаз определить всю глубину колодца.
В Кастилью еду я, мой замок родовой;
Там на досуге план обдумаю я свой.
Позор! Из-за кого убит судьбы насмешкой?
Ступай и приготовь к отъезду все. Не мешкай!
Я тут поговорю с бездельником одним
И, может быть, смогу воспользоваться им.

Пока до вечера я здесь еще хозяин.
О! Мести час придет — и будет не случаен,
Но страшен! Поспеши, все приготовь для нас.
Конечно, едешь ты со мной.

Гудиэль с поклоном уходит.

Эй, Рюи Блаз!

Рюи Блаз

(появляется у двери в глубине)

Я здесь.

Дон Саллюстий

Впредь во дворце я ночевать не буду.
Ты должен сдать ключи и запереть повсюду.

Рюи Блаз

(с поклоном)

Сеньор, исполню я все, что угодно вам.

Дон Саллюстий

Но слушай же! Тебе я порученье дам:
Запомни, — это мне теперь всего важнее, —
Что королева здесь пройдет по галерее,
Часа так через два, из церкви в тронный зал.
Мне нужно, чтобы ты здесь королеву ждал.

Рюи Блаз

Я понял вас, сеньор.

Дон Саллюстий

(у окна)

Еще есть приказанье.
Взгляни сюда в окно и обрати вниманье:
Ты видишь — человек по площади идет?
Вот пропуск предъявил он страже у ворот
Так знаком укажи ему ты осторожно,
Что узкой лесенкой сюда подняться можно.

Рюи Блаз выполняет приказание.

(Указывая на дверцу справа.)

И, прежде чем уйти, в каморку загляни:
Три альгвасила там, — проснулись ли они?

Рюи Блаз

(идет к двери, приоткрывает ее и возвращается)

Спят крепко.

Дон Саллюстий

Тише! Стань там у дверей подале
И сторожи — смотри, чтоб нам не помешали.

Входит дон Цезарь де Басан. Измятая шляпа, широкий изодранный плащ, из-под которого видны плохо натянутые чулки и рваные башмаки, бретерская шпага. Входя, он обменивается взглядом с Рюи Блазом, и оба вздрагивают от изумления.

Дон Саллюстий

(наблюдая за ними, в сторону)

Что значит этот взгляд?

Рюи Блаз уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дон Саллюстий, дон Цезарь.

Дон Саллюстий

А, вот и вы, бандит?

Дон Цезарь

Да, вот и я, кузен.

Дон Саллюстий

В лохмотьях! Что за вид!

Дон Цезарь

(с поклоном)

Я счастлив видеть вас.

Дон Саллюстий

Везде разносят славу
О ваших подвигах...

Дон Цезарь

И вам они по нраву?

Дон Саллюстий

Да, нечего сказать! Достойная игра!
Дон Карлос дочиста ограблен был вчера —
И в ночь пасхальную! Все отняли бродяги —
Все, вплоть до пояса и драгоценной шпаги.
Он рыцарь ордена Сант-Яго, и ему
Оставлен плащ.

Дон Цезарь

Мой бог! Оставлен? Почему?

Дон Саллюстий

Затем, что на плаще был знак святого братства,
А казнь особая грозит за святотатство.

Что вы мне скажете о подвиге таком?

Дон Цезарь

Какой ужасный век, в котором мы живем!
Подумать только — вор боится этих знаков,
И им не тронут был, как друг, святой Иаков!

Дон Саллюстий

Вы были там?

Дон Цезарь

Ну да, по правде вам скажу.
Но я не прибегал ни к шпаге, ни к ножу, —
Не трогал Карлоса. Лишь помогал советом.

Дон Саллюстий

Но говорили мне не только ведь об этом!
Слыхал я, что вчера, когда зашла луна
И площадь в полный мрак была погружена,
Толпою выбежав из гнусного вертепа,
Бродяги разные нежданно и свирепо
Посмели дерзостно напасть на часовых,
Что узников вели. Вы были среди них!

Дон Цезарь

О нет! Тюремщики моей не стоят палки,
Я только наблюдал: во время перепалки

Я сочинял стихи, гуляя вдоль аркад.

Дон Саллюстий

Но это ведь не все.

Дон Цезарь

Прошу — я слушать рад.

Дон Саллюстий

Во Франции сошлись вы с шайкой беззаконной,
И, между прочим, там — при вашей благосклонной,
Умелой помощи — ограблена казна!

Дон Цезарь

Возможно... Франция — враждебная страна!

Дон Саллюстий

Ну, а во Фландрии? Признаться не хотите ль:
Когда святой отец вез деньги в Монс, в обитель,
Что с виноградников собрал он в тех местах, —
Не вами ли, мой друг, ограблен был монах?

Дон Цезарь

Гм, гм... во Фландрии? Да мало ль что бывало?

Ведь я, вы знаете, пространствовал немало!
И только-то всего?

Дон Саллюстий

Дон Цезарь! Я всегда
При вашем имени краснею от стыда.

Дон Цезарь

Румянец вам к лицу.

Дон Саллюстий

Наш род...

Дон Цезарь

Он не в обиде.

Дон Саллюстий

Семья, к которой вы...

Дон Цезарь

Но, кроме вас, в Мадриде
Решительно никто не знает ведь, кто я:
Я имя изменил. При чем же тут семья?

Дон Саллюстий

Еще на этих днях, при выходе из храма,
Заметив вас в толпе, меня спросила дама:
«Не знаете ли вы, что это за чудак?

Он подбоченился и смотрит важно так.
Не видывала я смешнее оборванца:
Как Иов, нищ, а горд, как герцог де Браганца!
Он шпагу длинную волочит за собой,
Свирепо сжав эфес, как бы готовясь в бой;
Лохмотья жалкие он носит величаво,
Как будто грандом быть вполне имеет право,
И гордо напоказ он выставил притом
Свой плащ оборванный, свои чулки винтом!»

Дон Цезарь

И вы ответили: «Сафари, мой приятель»?

Дон Саллюстий

Нет. Только со стыда сгорел я.

Дон Цезарь

Ах, создатель!
Я насмешил ее? Приятен мне успех:
Люблю я вызывать у дам веселый смех!

Дон Саллюстий

Но окружают вас одни лишь потаскушки!

Дон Цезарь

О бедные мои невинные пастушки!
Какая клевета возводится на вас —

И все из-за того, что по ночам подчас
Свой утренний сонет красоткам я читаю!

Дон Саллюстий

Вы возглавляете головорезов стаю...

Дон Цезарь

О! Клерки! Мальчики смиреннее ягнят!

Дон Саллюстий

Но худшее еще про вас мне говорят —
Что дружбу тесную с разбойником свели вы,
Да, с Маталобосом!

Дон Цезарь

Но будем справедливы:
Я — что не принято здесь, в городе большом —
Без Маталобоса ходил бы нагишом.
От стужи в декабре я замерзал когда-то.
Граф Альба — знаете раздушенного фата? —
Раз ночью шел домой. С него был снят колет.

Дон Саллюстий

И что же?

Дон Цезарь

Это я теперь в него одет.

Разбойник пожалел бродягу, очевидно!

Дон Саллюстий

Как? Краденую вещь надеть? И вам не стыдно?

Дон Цезарь

Чего ж стыдиться мне? Он золотом расшит.
Зимою греет он, а летом веселит.
Я в жизни ничего не надевал охотней.
Смотрите!

(Распахивает плащ и показывает роскошный камзол из розового шелка, расшитый золотом.)

В нем нашел любовных писем сотни!
Как голод и тоска становятся острей,
Сажусь я где-нибудь у кухонных дверей,
Где вкусных кушаний мне ароматы близки,
И там читаю я любовные записки.
Так при желании имею каждый день
Хоть запах ужина, любви хотя бы тень!

Дон Саллюстий

Но...

Дон Цезарь

Бросим составлять моих проступков списки.

Ну да! Я знатный гранд и родственник ваш близкий —
Дон Цезарь де Басан и по рожденью — граф.
Но, с детских лет меня игрушкою избрав,
Судьба моя в удел дала мне сумасбродство.
Ну да, я все имел — богатство, благородство,
Я мог бы содержать красавиц хоть гарем,
Но в двадцать лет я был уж разорен совсем.
Исчезли все друзья — остались кредиторы.
Что было делать мне? Бежать от жадной своры!
Дон Цезарь де Басан исчез с лица земли,
И выдать только б вы одни меня могли.
Вы денег никогда давать мне не хотели —
Я не нуждаюсь в них! Когда взамен постели
У старого дворца, на камнях мостовой,
Я уж девятый год ночлег готовлю свой
И надо мною ночь раскинет синий полог, —
Я счастлив, я богат! И мирный сон мой долог.
А все уверены, что в дальние края
Бежал я, в Индию, к чертям, что умер я...
Завидная судьба! Когда я утром встану,
Напиться я иду к соседнему фонтану,
Потом иду гулять, принявши гордый вид, —
Моим скитаниям доступен весь Мадрид.
Дворец, где дни мои прошли, как сон веселый.

Был куплен нунцием святейшим — Эспинолой.

С его рабочими потолковать я рад,

Учу их лепкою отделывать фасад...

Теперь — могу ль просить хоть небольшую ссуду?

Дон Саллюстий

Я с вами говорить теперь серьезно буду.

Дон Цезарь

(скрестив руки на груди)

Послушаем же вас.

Дон Саллюстий

Я вызвал вас сюда...
Учить вас право мне дают мои года.
Мои намеренья вам могут быть полезны.
Мне жаль вас! Я хочу вас вытащить из бездны.
Бездетен я, а вы — двоюродный мой брат,
Не надо забывать к тому ж, что я богат.
Бравируете вы, но глубоко несчастны.
При помощи моей все изменить вы властны!
Да. Ваши все долги я на себя беру,
Вам возвращу дворец, верну вас ко двору.
Сафари пусть умрет, дон Цезарь возродится.

Так новая для вас откроется страница,
И будущего вы бояться не должны.
Вам предоставлю ключ от всей моей казны —
Родным обязаны мы помогать по-братски.

Пока дон Саллюстий говорит, лицо дона Цезаря принимает все более удивленное, радостное и доверчивое выражение. Наконец он не выдерживает.

Дон Цезарь

Ну что ж, кузен, всегда умны вы были адски,
И красноречье вам природою дано.
Я слушаю...

Дон Саллюстий

Но есть условие одно.
Терпенье! Я сейчас вам объясню, в чем дело.
Сперва... вот кошелек: он ваш, берите смело;
Я вам его дарю.

Дон Цезарь

(взвешивая в руке кошелек, полный золота)

Чудеснейший сюрприз!

Дон Саллюстий

И дам еще пятьсот дукатов вам...

Дон Цезарь

(поражен)

Маркиз!

Дон Саллюстий

Сегодня ж...

Дон Цезарь

Черт возьми! Но я весь ваш, всецело,
Согласен я на все! Скажите же, в чем дело.
Я честью вам клянусь, располагайте мной.
Вот шпага — я за вас сражусь хоть с Сатаной!

Дон Саллюстий

Нет, вы пока нужны не шпагой мне своею.

Дон Цезарь

Но шпага — это все, чем в жизни я владею.

Дон Саллюстий

Дон Цезарь!

(Приближаясь к дону Цезарю и понижая голос.)

Знаете вы хорошо вполне

Весь сброд преступный здесь...

Дон Цезарь

Кузен, вы льстите мне.

Дон Саллюстий

За вами следуют они покорной свитой,
И было бы легко поднять вам бунт открытый.
Известно это мне и может нам помочь.

Дон Цезарь

(громко смеясь)

Сюжет для оперы вы ищете — точь-в-точь!
Чем мой талант снабдит произведенье это?
Писать мне музыку иль сочинить либретто?
Хотите, я концерт кошачий сотворю?

Дон Саллюстий

(значительно)

Я не с Сафари здесь, дон Цезарь, говорю.

(Понижая голос.)

Послушай... Нужен мне помощник в темном деле —
Чтоб тайно он со мной к одной стремился цели
И зданье грозное воздвигнуть мне помог.

Я человек не злой. Но в жизни — видит бог —
Такие времена бывают, что должны мы
Откинуть всякий стыд и быть неумолимы.
Озолочу тебя! Но должен ты суметь
Помочь мне в темноте сплести такую сеть,
Какой не ведало искусство птицелова,
Ведь совесть для тебя — одно пустое слово!
Ты должен страшный план придумать для меня,
Чтоб жертву слабую поймала западня,
И за меня отмстить.

Дон Цезарь

Отмстить за вас?

Дон Саллюстий

И больно!

Дон Цезарь

Кому же эта месть?

Дон Саллюстий

Месть? Женщине!

Дон Цезарь

(выпрямляется и гордо взглядывает на дона Саллюстия)

Довольно!
Ни слова более! Клянусь душою, нет!
Один для этого есть у меня ответ —
Что если человек, рожденьем благородный,
Месть женщине плетет интригою холодной,
То он не дворянин, а гнусный альгвасил;
И если б даже он кастильским грандом был,
И если б сотни труб хвалу ему трубили
И звезд и орденов на нем десятки были, —
Он хуже для меня, чем гнусный вор, злодей,
И дорого б я дал, чтоб увидать скорей,
Как вздернут подлеца.

Дон Саллюстий

Но, Цезарь...

Дон Цезарь

Замолчите!

(Бросает кошелек к ногам дона Саллюстия.)

Вот ваше золото — назад его возьмите.
О, мне понятно все: убийство и грабеж;
Понятно мне, когда пускают в дело нож
И, на тюрьму напав в ночном глубоком мраке,
Со стражей схватятся в кровопролитной драке,
И бьют тюремщиков и всех вокруг себя,

И не щадят врагов, круша, коля, рубя...
Зуб за зуб — это так; мужчина на мужчину!
Но слабой женщине удар готовить в спину,
Как птицу бедную, ловить ее в силки —
Нет, мысли от меня такие далеки!
Нет, нет, свидетель бог! Чтоб мне ценой позора
Купить богатство, блеск и звание сеньора?
Скорее предпочту ужасную судьбу:
Пусть пригвоздят меня к позорному столбу,
Пусть в нищете, в грязи весь век мой будет прожит
И пусть голодный пес мои останки сгложет!

Дон Саллюстий

Но, Цезарь...

Дон Цезарь

Милости мне ваши не нужны!
Не надо почестей, не надо мне казны,
Пока могу я жить так, как хочу, — на воле,
И есть вода в ручьях, и чистый воздух в поле,
И вор, что теплый плащ подарит мне зимой!
Я прошлое забыл, и сладок отдых мой,
Когда в ленивый час полуденного зноя
У вашего дворца, ища себе покоя,
Ложусь и голову мне защищает тень,
А сам на солнце я — и сплю хоть целый день.

Прощайте! Кто из нас честнее, дон Саллюстий,
—
То знает бог один. Расстанемся без грусти.
Охотно остаюсь с свободою моей
Живу я средь волков — но избегаю змей.

Дон Саллюстий

Минутку...

Дон Цезарь

Разговор наш слишком долго длится.
Кончайте поскорей! Темница так темница!

Дон Саллюстий

Я ошибался в вас, дон Цезарь де Басан.
Но искус выдержан... И случай был мне дан
Проверить вас. Я рад. Так. Вашу руку! Смело!

Дон Цезарь

Что значит?..

Дон Саллюстий

Я шутил. Да, честь в вас уцелела.
Я вас испытывал.

Дон Цезарь

Я как во сне, сеньор...

Но эта тайна... месть... и женщина?..

Дон Саллюстий

Все вздор.
Моя фантазия, игра воображенья.

Дон Цезарь

Вот как? Ну, а моих долгов уничтоженье?
Пожалуй, тоже вздор? Богатая казна,
Что обещали вы, — фантазия одна?

Дон Саллюстий

О нет, сейчас я вам пятьсот дукатов выдам.

(Направляется к двери в глубине и делает знак Рюи Блазу вернуться в комнату.)

Дон Цезарь

(на авансцене, глядя искоса на дона Саллюстия, про себя)

Он это говорит с таким зловещим видом...
«Да» — на устах и «нет» — в глазах!

Дон Саллюстий

(дону Цезарю)

Сейчас вернусь.

(Рюи Блазу.)

Здесь подождешь меня.

(Уходит в дверцу слева.)

Дон Цезарь и Рюи Блаз быстро направляются друг к другу.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дон Цезарь, Рюи Блаз.

Дон Цезарь

О! Рюи Блаз, клянусь!

Рюи Блаз

Сафари, старый друг! Ты здесь?.. Какая тайна
Вдруг во дворец тебя ввела?

Дон Цезарь

Я тут случайно.
Пойду — и снова вдаль полет свой устремлю.
Я птица вольная, пространство я люблю!
Но ты — в ливрее вдруг? Надел ты маску?

Рюи Блаз

(с горечью)

Нет!
Я в маске, если я в ливрею не одет.

Дон Цезарь

Да что ты говоришь?

Рюи Блаз

Дай руку мне, мой милый.
Хочу ее тебе пожать с такой же силой,
Как в дни далекие, счастливые, когда
Нам были радостью и голод и нужда,
Когда я мерз зимой, имел лишь хлеб и воду,
А крова не имел — зато имел свободу!
В те времена еще я человеком был.
Мы встретились с тобой — тебя я полюбил:
Мы оба из простых! Ты помнишь, как когда-то
Все думали про нас, что мы с тобой два брата.
С утра и до ночи мы пели без конца,
А ночью, на глазах у вечного творца,
Под звездным небом мы, обнявшись, засыпали,
Делили мы с гобой и радость и печали.
О юности заря прекрасная! Потом
Пришлось нам каждому пойти своим путем.
Прошло почти пять лет. Ты все такой, как прежде:
Сафари, что богат и в нищенской одежде.
Ничем ты не владел — а думал, что богат,

И ничего не ждал. А я, мой милый брат,
Учился в детстве я в одной из тех коллегий,
Где много нам дают ненужных привилегий.
И эта милость мне лишь ко вреду была,
Поскольку не дали мне в руки ремесла.
Там сделали меня мечтателем, поэтом, —
Я часто от тебя упреки слышал в этом.
Ты надо мной шутил; я — пылок и упрям —
Кидал мечты свои стихами к небесам!
Жар честолюбия пылал во мне тревожно,
И все казалось мне и просто и возможно.
Я думал целый мир завоевать тогда, —
К чему усилия заботы и труда?
Бродить предпочитал весь день я в томной лени,
Следя мечтательно, как всходит на ступени
Роскошного дворца, где все огни горят,
Блистая прелестью, прекрасных женщин ряд...
Ну, словом, день настал, когда, бездомный, нищий,
Остался я совсем без крова и без пищи.
И поднял я кусок, валявшийся в пыли:
Взял, что мне предложить за мой позор могли.
О боже! В двадцать лет как верил я в мой гений!
Я босиком бродил в полях, и в день весенний

О человечестве я думал той порой,
И планов в голове теснился целый рой!
Предела не было надежде и желанью
Хотел от бедствий всех я излечить Испанью,
Стать благодетелем родной моей стране,
Я думал, что весь мир нуждается во мне!
И видишь результат, мой друг? Я стал лакеем!

Дон Цезарь

Дорогой голода не все пройти умеем:
Ворота низкие, и неудобен путь.
Кто выше — должен тот и ниже спину гнуть.
У счастья есть свои приливы и отливы.
Но мы надеяться должны, пока мы живы!

Рюи Блаз

(качая головой)

Хозяин мой — маркиз.

Дон Цезарь

Я с ним слегка знаком.
Ты во дворце живешь?

Рюи Блаз

И не бывал я в нем.
Сегодня — первый раз.

Дон Цезарь

Но здесь его покои?

Рюи Блаз

Он должен во дворце во время быть любое.
Но в доме небольшом он поместил меня,
Отсюда в двух шагах, а сам при свете дня
Он не бывает там, зато порой ночною
Приходит часто в дом он дверью потайною.
Ключ только у него, и он проводит ей
Замаскированных таинственных гостей.
И с ними запершись, он там часы проводит,
Не знаю, для чего и что там происходит.
Там двое черных слуг живут со мной, немых, —
И вот считаюсь я хозяином для них.

Дон Цезарь

Да. Домик он завел, чтоб в тайне безусловной
Шпионов принимать, — ведь он судья верховный.
Он держит все в руках... Он гений по уму!

Рюи Блаз

Вчера он мне велел прийти сюда к нему,
Пока не рассвело, — пройти по галерее.

И в первый раз велел мне быть в моей ливрее.
Одежду гнусную сегодня в первый раз
Надел я на себя.

Дон Цезарь

(пожимая ему руку)

Надейся, Рюи Блаз!

Рюи Блаз

Не знаешь ты всего! Нет для меня надежды.
Все то, что видишь ты, — клеймо моей одежды,
Жизнь унижения, безрадостной тоски
И что я жалкий раб, — все это пустяки.
Я и не чувствую позорящей ливреи.
Но пламя жжет мне грудь, грызут мне сердце змеи...
Боишься за меня? На внешность не смотри:
Когда б ты видеть мог, что у меня внутри!

Дон Цезарь

Что хочешь ты сказать?

Рюи Блаз

Пришпорь воображенье!
Где верх безумия, вне власти достиженья,
Придумай, сочини, найди, изобрети —
Чего опаснее, страшнее не найти.

Составь смертельный яд, глухую бездну вырой
Чернее всех грехов и преступлений мира, —
И все же будешь ты от истины далек.
Не догадался ты? Кто б догадаться мог!
Поближе подойди к зияющему зеву
Бездонной пропасти: люблю я... королеву!

Дон Цезарь

О небо!

Рюи Блаз

Во дворце есть человек один:
Над ним короною украшен балдахин,
Живет он сумрачно, в уединенье строгом;
Все перед ним равны, как будто перед богом;
Для всех, кто может быть в присутствии его
С покрытой головой, и честь и торжество;
Подвластны все при нем мучительному страху:
Он пальцем шевельнет — и мы с тобой на плаху;
Малейшей прихотью мир сотрясает он;
Живет, величием зловещим окружен,
И правит судьбами обоих полушарий;
И этот человек — король... И я, Сафари, —
Ты слышишь? — я ее ревную к королю!

Дон Цезарь

Ревнуешь! Ты — к нему?

Рюи Блаз

Ведь я ее люблю!

Дон Цезарь

Несчастный!

Рюи Блаз

Я схожу с ума, изнемогаю!
Не сплю ночей, а днем — ее подстерегаю.
Печальнее судьбу едва ли ты найдешь —
Жить при дворе, где все лишь ненависть и ложь!
Несчастная! И быть женою идиота,
Которого одно лишь радует — охота!
И не мужчина он — старик уж в тридцать лет!
Ни царствовать, ни жить он не умеет, нет, —
От дряхлого отца на склоне дней рожденный
Род вымирающий, на гибель обреченный!
Она же молода, прекрасна, как цветок, —
И Карл Второй ей муж! Удел ее жесток.
Она по вечерам идет с своею свитой
В соседний монастырь, и жду я, тенью скрытый...

Случайно как-то я узнал, что скучно ей
Без голубых цветов с ее родных полей.
Я вспомнил, что они в одном лесу тут были, —
И каждый день теперь хожу я за две мили.
О, смейся надо мной! Но по ночам с тех пор
Проникнуть в сад ее стараюсь я, как вор.
Недавно я посмел, — тебе я, верно, жалок? —
Записку к ней вложить в букет лесных фиалок.
Глубокой полночью цветы в ее саду
Я на любимую скамью ее кладу.
Добраться нелегко до милого мне сада:
В железных остриях высокая ограда
Недавно я себе поранил руку в кровь.
Сломаю шею там я за свою любовь!
Не знаю, до нее дошла ль в цветах записка?

Дон Цезарь

О, черт меня возьми, ты не боишься риска?
Дон Гуритан в нее не менее влюблен.
Влюбленный мажордом — вдвойне опасен он.
Его приспешники щадить тебя не станут.
Еще твои цветы, пожалуй, не увянут,
Как в темноте ночной из стражи кто-нибудь
Приколет крепко их копьем тебе на грудь.
Влюбиться — и в кого? Нелепая затея!
И как тебе пришла подобная идея?

И кто влюбляется, скажи мне, в королев?

Рюи Блаз

(пылко)

Не знаю. Но, свою судьбу преодолев,
С восторгом продал бы, поверь, я душу черту
За то, чтобы попасть в блестящую когорту
Тех гордых щеголей, что там, внизу, теперь —
Вон, можешь видеть ты, — надменно входят в дверь, —
Вон, в шляпах с перьями и с гордостью своею...
О, если б сбросить мне постылую ливрею
И так же, как они, явиться перед ней!
Но — о проклятие! — я для нее лакей!
Как мог я полюбить...

(Подходит ближе к дону Цезарю.)

Опять твои вопросы,
Что жалили меня в былые дни, как осы!
Ты верен старому занятью своему:
Выпытывать — зачем, и как, и почему?
Люблю безумно я — и этого довольно!

Дон Цезарь

Ну полно, не сердись!

Рюи Блаз

(обессиленный и бледный, падает в кресло)

Я не сержусь. Мне больно.
Прости меня, мой друг, но лучше уходи.
Беги несчастного, что, с ужасом в груди
И победить свое безумье не умея,
Страсть короля таит под маскою лакея!

Дон Цезарь

(кладя ему руку на плечо)

Бежать тебя, мой брат? Да кто же я такой?
Беззвучный бубенец, внутри совсем пустой,
Не нужный никому, как старая афиша,
Я жил, не зная слез и слов любви не слыша.
Подчас я у любви вымаливал гроши,
Но было это все без сердца, без души.
И на твою любовь со всем ее страданьем
Смотрю я с завистью скорей, чем с состраданьем.
Мой друг!..

Молчание. Они берутся за руки и смотрят друг на друга с выражением грусти и дружеского доверия. Входит дон Саллюстий. Он приближается медленными шагами, впиваясь взглядом в дона Цезаря и в Рюи Блаза, которые его не замечают. В одной руке у него шляпа и шпага, в другой — кошелек, шляпу и шпагу он кладет на кресло, кошелек — на стол.

Дон Саллюстий

(дону Цезарю)

Вот деньги вам. Берите.

При звуке голоса дона Саллюстия Рюи Блаз встает, словно внезапно пробужденный, и замирает в почтительной позе, опустив глаза.

Дон Цезарь

(искоса глядя на дона Саллюстия, про себя)

Черт возьми!
Фигура мрачная... Он слушал за дверьми!

(Громко.)

Благодарю, маркиз!

(В сторону.)

Подслушал... Ну да что там!

(Открывает кошелек, высыпает его содержимое на стол и весело перебирает червонцы, складывая их столбиками на бархатной скатерти.)

Пока он их считает, дон Саллюстий идет в глубину сцены, оглядываясь, чтобы убедиться, что не привлекает внимания дона Цезаря. Открывает дверцу справа. По его знаку входят три альгвасила, вооруженные шпагами, одетые в черное. Дон Саллюстий с таинственным видом указывает им на дона Цезаря. Рюи Блаз стоит у стола неподвижно, как статуя, ничего не видя и не слыша.

Дон Саллюстий

(альгвасилам, тихо)

Смотрите: вон того, который занят счетом,
Как только выйдет он, сейчас же под арест —
Без шума, без возни. Потом из этих мест
Вы с первым же его отправите фрегатом,
Чтоб тотчас в Африку продать его пиратам.
Протест его и крик пусть не смущают вас.

Скорей все сделайте. Вот письменный приказ.

(Протягивает им пергамент.)

Когда вернетесь вы, его надежно спрятав,
То каждый из троих получит сто дукатов.

Альгвасилы кланяются и уходят.

Дон Цезарь

(пересчитав дукаты)

Как с золотом своим играть приятно нам!
Прелестный вид и звук...

(Раскладывает их на две части. Рюи Блазу)

Вот, ровно пополам.
Бери!

Рюи Блаз

Как?

Дон Цезарь

Все тут: жизнь, свобода, перемена!

Дон Саллюстий

(в сторону)

О черт!

Рюи Блаз

(отрицательно покачав головой)

Нет, сердце мне не вызволить из плена.
Так мне велит судьба: уйти бы я не мог.

Дон Цезарь

Как хочешь. Кто из нас безумней? Знает бог!

(Собирает деньги и бросает в мешочек, а мешочек кладет в карман.)

Прощай!

Дон Саллюстий

(в глубине, в сторону, все время наблюдая за ними)

Черты лица, фигура — все в них сходно.

Рюи Блаз

(дону Цезарю)

Дай руку!

Жмут друг другу руки. Дон Цезарь уходит, не замечая дона Саллюстия, стоящего в стороне.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Рюи Блаз, дон Саллюстий.

Дон Саллюстий

Рюи Блаз!

Рюи Блаз

(быстро оборачиваясь)

Сеньор, что вам угодно?

Дон Саллюстий

Не помню точно я: уж наступил рассвет,
Когда ты во дворец ко мне явился?

Рюи Блаз

Нет
Я страже пропуск дал, как вы мне приказали,
Ни слова не сказав, — и очутился в зале.

Дон Саллюстий

Скажи, ты был плащом закутан?

Рюи Блаз

Да, сеньор.

Дон Саллюстий

Так, значит, во дворце еще до этих пор
Никто тебя не мог заметить в этом виде —
В ливрее?

Рюи Блаз

Нет, сеньор. Никто во всем Мадриде.

Дон Саллюстий

А! Так сними ее.

Рюи Блаз снимает ливрею и кладет ее на кресло.

Отлично!

(Указывает на дверь, в которую вышел дон Цезарь.)

Дверь запрешь.
Так. Почерк у тебя, мне кажется, хорош.

(Приглашает Рюи Блаза знаком сесть за стол, где находятся письменные принадлежности)

Рюи Блаз повинуется.

Вот, ты мой секретарь. Пиши, что продиктую.

Сначала напиши записку мне такую...
Могу секретарю открыть я свой секрет:
Пракседис дивная — любви моей предмет!
Пиши: «Сеньора, я в опасности смертельной.
Вы только милостью своею беспредельной
И властью царственной могли б меня спасти,
Решившись вечером в мой скромный дом прийти.
Иначе я погиб». Пиши «Я умоляю;
Рассудок, сердце, жизнь у ваших ног слагаю».

(Смеется, прервав диктовку)

Опасность страшная — единственный предлог,
Которым я ее к себе завлечь бы мог.
О, женщин знаю я! Они ужасно любят
Спасать от гибели того, кто их погубит.
Прибавь: «Вас будут ждать у двери потайной
И проведут ко мне». Доволен я собой!..
Ну, подпишись теперь.

Рюи Блаз

Поставить ваше имя?

Дон Саллюстий

Нет, «Цезарь». Я подчас нуждаюсь в псевдониме,

Рюи Блаз

(выполнив приказание)

Но сможет ли она ваш почерк здесь признать?

Дон Саллюстий

Довольно, чтоб она увидела печать.

Рюи Блаз

Кому адресовать?

Дон Саллюстий

Я сам письмо отправлю
Итак, я еду в ночь. Но здесь тебя оставлю
Я оценил в тебе хорошего слугу...

(Приближается к Рюи Блазу; многозначительно.)

И большего тебе достичь я помогу.

Молчание.

Да. Можешь сделать ты блестящую карьеру.
Но должен ты питать ко мне слепую веру,
Повиноваться мне.

Рюи Блаз

(кланяется)

Сеньор!

Дон Саллюстий

Я друг тебе
И от души хочу помочь твоей судьбе.

(Делает знак Рюи Блазу снова сесть за стол.)

Теперь напишешь ты записку мне вторую.
Возьми еще листок. Вниманье, я диктую.
Пиши: «Я, Рюи Блаз, даю расписку в том,
Что был лакеем взят к маркизу Финлас в дом
И буду, как слуге хорошему прилично,
Во всем ему служить и тайно и публично»,

Рюи Блаз пишет.

Так. Подпишись теперь, поставь число и год.

(Складывает письмо и прячет его в свой бумажник вместе с запиской, которую написал Рюи Блаз.)

Где шпага, что велел я принести? А, вот!
На кресле там она. Прекрасно! Превосходно!

(Показывает на кресло, на которое положил шпагу и шляпу. Подходит к нему и берет шпагу.)

Из шелка перевязь — и с вышивкою модной...

(Предлагает Рюи Блазу полюбоваться мягкостью ткани.)

Взгляни, как сделана искусно рукоять,
Чтоб для прелестных дам конфеты в ней держать!
Что скажешь? Делал Хиль, а он неподражаем.
Мы лучше мастера-чеканщика не знаем!
Постой — дай мне взглянуть, к лицу ль тебе? Надень.

(Набрасывает на шею Рюи Блаза перевязь, к которой прикреплена шпага.)

Как будто бы ее он носит каждый день!

(Прислушивается.)

Идут?.. Да, близок час прохода королевы.
Маркиз дель Басто здесь.

Дверь в глубине, ведущая на галерею, открывается. Дон Саллюстий отстегивает плащ и быстро набрасывает его на плечи Рюи Блазу в ту самую минуту, когда появляется маркиз дель Басто; затем направляется к маркизу, увлекая за собой удивленного Рюи Блаза.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Саллюстий, Рюи Блаз, дон Панфило де Авалос, маркиз дель Басто, затем маркиз де Санта Крус, затем граф Альба, затем весь двор.

Дон Саллюстий

Маркиз! Позвольте мне вам
Представить... Мой кузен — дон Цезарь де Басан.
Вернулся, наконец, он из далеких стран.
Граф Цезарь десять лет почти что не был дома,
И для него прошу я доброго приема.

Рюи Блаз

(в сторону)

Мой бог!

Дон Саллюстий

(Рюи Блазу, тихо)

Молчи!

Маркиз дель Басто

(Рюи Блазу)

Я рад...

(Берет руку Рюи Блаза, которую тот смущенно протягивает.)

Дон Саллюстий

(Рюи Блазу, тихо)

Смелей!

Рюи Блаз кланяется маркизу

Маркиз дель Басто

Граф, вашу мать
Имел я счастие любить и близко знать.

(Дону Саллюстию, указывая на Рюи Блаза, тихо.)

Как изменился он!.. Я б не узнал, наверно.

Дон Саллюстий

(маркизу дель Басто, тихо)

Ведь десять лет прошло...

Маркиз дель Басто

(тихо)

Конечно, это верно.

Дон Саллюстий

(хлопая Рюи Блаза по плечу)

Вернулся блудный сын! А помните ли вы,
Маркиз, как он всегда был притчей для молвы?
Как деньгами сорил? Едва простившись с детством,
В три года с дедовским покончил он наследством:
Пиры и празднества, за балом пышный бал,
Оркестр в сто человек... Мадрид он ослеплял!
Был яркою звездой на нашем небосклоне.
Теперь из Индии приплыл на галионе.

Рюи Блаз

(смущенно)

Сеньор...

Дон Саллюстий

(весело)

Мой милый друг: кузен, а не сеньор!
Басаны — старые дворяне с давних пор.
Дон Педро, предок наш, женат был на Марьяне
Де Гор. Их сын всю жизнь проплавал в океане:
Он адмиралом был, имел двух сыновей —
Родоначальников и предков двух ветвей.
Вы граф, а я маркиз, но ведь, в конечном счете,
Не много разницы в коронах вы найдете.
Я в Португалии прекрасной был рожден,
А ваша родина — цветущий Арагон.
Так, Цезарь, и у нас одни и те же предки:
Я плод, а вы цветок, но равноценны ветки.

Рюи Блаз

(в сторону)

Чего же хочет он? Куда влечет меня?

Пока дон Саллюстий говорит, к ним подходит маркиз де Санта Крус, дон Альваро де Басан-де-Бенавидес, старик с белыми усами, в огромном парике.

Маркиз де Санта Крус

(дону Саллюстию)

Но, значит, ведь и мы с дон Цезарем родня?

Дон Саллюстий

Мы все в родстве, маркиз.

(Представляя ему Рюи Блаза.)

Дон Цезарь!

Маркиз де Санта Крус

Но едва ли
Тот де Басан, кого погибшим все считали?

Дон Саллюстий

Тот самый!

Маркиз де Санта Крус

Значит, он опять вернулся к нам?

Дон Саллюстий

Из Индии.

Маркиз де Санта Крус

(присматриваясь к Рюи Блазу)

Да, да! Я узнаю и сам!

Дон Саллюстий

Его узнали вы?

Маркиз де Санта Крус

Его я знаю с детства.

Дон Саллюстий

(Рюи Блазу, тихо)

Он слеп. Узнав тебя, нашел он в этом средство
Скрыть слепоту свою!

Маркиз де Санта Крус

(протягивая руку Рюи Блазу)

Вот вам рука моя.

Рюи Блаз

(с поклоном)

Сеньор!

Маркиз де Санта Крус

(дону Саллюстию, указывая на Рюи Блаза, тихо)

Он недурен.

(Рюи Блазу.)

Вас счастлив видеть я,
Кузен.

Дон Саллюстий

(маркизу, отведя его в сторону, тихо)

Его долги я уплатить намерен.
Но при дворе давно его кредит утерян.
Нельзя ль ему найти при королеве пост?

Маркиз де Санта Крус

(тихо)

Годится в свиту он: красив, прекрасный рост.
К тому же — родственник. Я приложу усилья.

Дон Саллюстий

(тихо)

Нетрудно будет вам — вас слушает Кастилья!

(Отходит от маркиза де Санта Крус, подходит к другим вельможам и представляет им Рюи Блаза. Среди них граф Альба, роскошно одетый. Дон Саллюстий представляет ему Рюи Блаза.)

Дон Цезарь, мой кузен...

Вельможи торжественно обмениваются поклонами с пораженным Рюи Блазом.

Дон Саллюстий

(графу де Рибагорса)

Как был хорош балет
Вчера, не правда ль, граф?

(Любуясь колетом графа Альбы.)

Прелестен ваш колет!

Граф Альба

О, лучше у меня был розовый атласный,
Но Маталобос снял его с меня! Ужасно!

Привратник

(в глубине сцены)

Ее величество! Прошу по рангу стать.

Большой занавес на стеклянной галерее приоткрывается. Вельможи занимают места у двери. Стража выстраивается шпалерами. Рюи Блаз, задыхаясь, вне себя, выходит на авансцену, ища спасения. Дон Саллюстий следует за ним

Дон Саллюстий

(Рюи Блазу, тихо)

На колебания ты времени не трать.
Возможно ли! Судьба тебя все выше манит,
А между тем твой дух тебя лишь книзу тянет!
Проснись! Уеду я — тебе оставлю дом,

Обоих слуг немых и все, что только в нем.
Возьму я только ключ от потайного входа.
Я позже сообщу тебе, какого рода
Услуги от тебя понадобятся мне.
Ты за судьбу свою спокоен будь вполне.
Я счастие твое заботливо устрою.
Смелее! Пользуйся удачною порою.
Двор — это царство тайн и сумерек густых.
Так завяжи глаза: я вижу за двоих.

В глубине сцены появляется новый отряд стражи.

Привратник

(громко возглашает)

Ее величество!

Рюи Блаз

(в сторону)

Она!

Появляется королева, роскошно одетая, окруженная дамами и пажами; четыре камергера с непокрытыми головами несут над ней балдахин из алого бархата. Рюи Блаз смотрит на нее, потрясенный этим блистательным видением. Все гранды Испании, маркиз дель Басто, граф Альба, маркиз де Санта Крус, дон Саллюстий надевают шляпы; дон Саллюстий быстро подходит к креслу, берет шляпу и подает ее Рюи Блазу.

Дон Саллюстий

(Рюи Блазу, надевая ему шляпу на голову)

Приди в сознанье!

Накройся поскорей — ведь ты же гранд Испаньи!

Рюи Блаз

(растерян; дону Саллюстию, тихо)

Какую же, сеньор, платить за это дань?

Дон Саллюстий

(указывая на королеву, которая медленно проходит по галерее)

Вот этой женщины любовником ты стань!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
КОРОЛЕВА ИСПАНИИ

Зала, смежная со спальней королевы. Налево дверца, ведущая в спальню. Направо, в срезанном углу, — дверь, ведущая в другие покои. В глубине раскрыты большие окна. Прекрасный летний полдень. Большой стол, кресла. Изображение святой в роскошном убранстве прислонено к стене. Внизу подпись: «Санта Мария Эсклава». Напротив нее Мадонна, перед которой горит золотая лампада. Рядом с Мадонной — портрет короля Карла II во весь рост.

При поднятии занавеса королева, донья Мария Нейбургская, сидит в стороне с Касильдой, одной из своих придворных дам, молодой красивой девушкой. Королева в платье из серебряной парчи. Она вышивает, время от времени прерывая эту работу, чтобы побеседовать. В другом конце комнаты сидит на стуле со спинкой донья Хуана де Ла Куэва, герцогиня Альбукеркская, обер-фрейлина, с рукодельем в руках; это старая женщина в черном. Вокруг герцогини у стола сидят дуэньи с рукодельем. В глубине дон Гуритан, граф де Оньяте, мажордом, высокий, сухой, с седыми усами, лет пятидесяти пяти, у него вид старого вояки, хотя одет он с преувеличенной изысканностью и банты нацеплены у него везде, даже на туфлях.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Королева, герцогиня Альбукеркская, дон Гуритан, Касильда, дуэньи.

Королева

Вот и уехал он. Должна я быть довольна.

Но даже мысль о нем гнетет меня невольно.
Как ненавидит он меня!

Касильда

И осужден
За то оставить двор.

Королева

Как ненавидит он!

Касильда

Но, государыня...

Королева

Касильда, нет сомнений
Он страшный человек. Он для меня злой гений!
Я не могу забыть — как будто тяжкий сон.
Наутро должен был Мадрид покинуть он,
А вечером ко мне явились гранды в залу
На целование руки, по ритуалу.
Передо мной они склонялись все подряд;
Спокойна и грустна, терпела я обряд,
И, машинально им протягивая руку,
Разглядывала я, чтобы рассеять скуку,
Картины на стене. Потом взглянула вниз —
И вижу, что ко мне приблизился маркиз.

Увидевши его, других я не видала.
Шел медленно, играл ножнами от кинжала,
Порой сверкала в них полоска лезвия.
Казалось, не идет — ползет он, как змея!
К моей руке прильнул холодными устами —
И ненависти взгляд обжег меня, как пламя!

Касильда

Он исполнял свой долг, как все другие, — что ж?

Королева

Нет, поцелуй его с другими был не схож.
Последний раз тогда я здесь его видала.
Как странно! У меня других забот немало,
Но думаю о нем все время. Этот взгляд...
Поверь, душа его черна, как самый ад.
Ах, он, как демон, мне внушает содроганье!
Касильда! Перед ним я слабое созданье,
Я только женщина! И по ночам во сне
Зловещим призраком является он мне,
Целует руку мне... Очнуться я не в силах,
И точно черный яд в моих струится жилах,
Пронизывает дрожь, как от холодных струй,
И леденит меня зловещий поцелуй.

Касильда

Пустые призраки!

Королева

Да, хуже есть печали...

(В сторону.)

О, надо все скрывать, чтобы они не знали!

(Касильде)

Я нищих встретила сегодня на пути.
Они ко мне тогда не смели подойти.

Касильда

(подойдя к окну)

Еще стоят они с протянутой рукою.

Королева

Брось им мой кошелек.

Касильда

(берет кошелек и бросает его в окно)

О, с легкостью какою
Вы помогаете несчастным беднякам!

(Указывает королеве на дона Гурита-на, — тот безмолвно стоит в глубине комнаты, устремив на королеву взор,

полный немого обожания.)

Здесь тоже нищий есть. Что стоит бросить вам
Словечко доброе? Он этого достоин.
Душой так нежен он — на вид суровый воин.

Королева

Он скучен. Разговор его невыносим!

Касильда

Согласна. Все-таки поговорите с ним.

Королева

(обращаясь к дону Гуритану)

Граф, здравствуйте!

Дон Гуритан приближается, сделав три поклона, и со вздохом целует руку королеве: королева принимает поцелуй с небрежным видом. Потом он возвращается на свое место, рядом с креслом обер-фрейлины.

Дон Гуритан

(возвращаясь на свое место, Касильде, тихо)

О, как добра и как прекрасна!

Касильда

(глядя ему вслед)

О бедный старый граф, поклонник ваш безгласный!
Как аист у воды, он терпеливо ждет,
Покамест в клюв его добыча попадет.
«Прощайте», «здравствуйте», одна сухая фраза —
Он сыт на целый день и счастлив до экстаза.

Королева

(с грустной улыбкой)

Молчи!

Касильда

Увидеть вас — смысл жизни для него,
И больше он уже не хочет ничего.

(Любуясь ларцом на этажерке.)

Ах, что за красота! Какой ларец! Откуда?

Королева

Вот ключ, возьми, открой.

(Дает ей ключ.)

Касильда

Резьба какая, чудо!

Королева

Он для святых мощей: наполнивши ларец,
Пошлю его домой. Как будет рад отец!

(Задумывается; потом отрывается от своих мыслей; про себя.)

Нет, думать не хочу... Прогнать бы мысли рада!

(Касильде.)

Ступай и принеси мне книгу... Нет, не надо:
Мне не дают читать на языке родном,
А по-испански ведь читаю я с трудом.
Король... он увлечен охотой лишь одною:
Он за полгода был лишь десять дней со мною.

Касильда

Хоть вы монархиня — судьбы печальней нет.

Королева снова погружается в задумчивость, затем опять как бы с усилием отрывается от своих мыслей.

Королева

Я выйду погулять!

При этих словах, властно произнесенных королевой, герцогиня Альбукеркская, которая до тех пор сидела неподвижно в кресле, подымает голову, затем встает и делает королеве глубокий реверанс.

Герцогиня Альбукеркская

(сухим и резким голосом)

Простите: этикет
Ее величеству лишь выйти разрешает,
Когда испанский гранд ей двери открывает.
Из них же не успел еще никто прийти.

Королева

Так что ж это? Должна сидеть я взаперти?
Меня хотят убить? Рассудок я теряю!

Герцогиня

(с реверансом)

Как обер-фрейлина, свой долг я исполняю.

(Снова садится в кресло.)

Королева

(обхватив голову руками, с отчаянием в голосе, про себя)

Опять мечтать? Нет, нет!

(Громко.)

Позвать моих всех дам!
Скорее карты! Стол!

Герцогиня

(дуэньям)

Останьтесь по местам.

(Встает и делает реверанс королеве.)

Простите, могут лишь, согласно этикету,
С ее величеством делить забаву эту
Родные короля.

Королева

(гневно)

Так позовите их!

Герцогиня

(крестясь)

Из рода короля нет никого в живых.

Касильда

(глядя на герцогиню, про себя)

Старуха гадкая, несносная дуэнья!

Королева

Пусть завтрак подадут!

Касильда

И это — развлеченье.

Королева

Касильда, завтракать со мной ты будешь. Да!

Касильда вопросительно смотрит на обер-фрейлину.

Герцогиня

(с реверансом)

В отсутствие его величества всегда
Ее величество одна изволит кушать.

(Снова садится.)

Королева

(выведена из себя)

О боже! И нельзя мне этикет нарушить?
Ни выйти, ни играть, ни есть, когда хочу?
Год, как я царствую, — какую жизнь влачу!
Я умираю здесь. Дворец — моя могила!

Касильда

(глядя на королеву с сочувствием, про себя)

Бедняжка! Жизнь ее действительно уныла!
Нелепый этот двор, монашеский устав!
Все развлечение — смотреть, как старый граф,
Почтительно влюблен, стоит и ждет чего-то,
Как аист сторожа стоячее болото!

Королева

(Касильде)

Придумай что-нибудь!

Касильда

Раз короля здесь нет,
Вам власть дана сзывать министров на совет.

Королева

(пожимая плечами)

Да! Восемь стариков, надуты и зловещи,
Мне будут толковать наскучившие вещи:
О дряхлом короле французском и о том,
Что замышляет Рим... Мы дальше не пойдем.
Нет, что-нибудь еще придумай!

Касильда

Погодите;

Ведь кавалеров есть немало в вашей свите.
Что, если нам позвать кого-нибудь сюда,
Кто молод и красив?

Королева

Касильда!

Касильда

В чем беда?
Мне хочется взглянуть на молодые лица.
О государыня, должны вы согласиться!
Зараза старости всегда опасна нам:
Смотря на стариков, состаришься и сам.

Королева

Да, смейся, милая. Жизнь сердце охлаждает:
Как пропадает сон, так радость пропадает.

(Задумчиво.)

Нет, только тех минут я с нетерпеньем жду,
Когда могу одна гулять в моем саду.

Касильда

Да, чудный уголок, действительно! Засады
За каждой статуей, притом из-за ограды
Деревьев не видать, так высока она.

Королева

Зато я там могу бывать совсем одна.
Ах, как хотелось бы на волю мне порою!

Касильда

(тихо)

На волю? Если так, я это вам устрою.
Да, государыня; чем хуже мрак тюрьмы,
Тем более искать имеем право мы
Тот ключик золотой, что отомкнет засовы.
Он у меня в руках, и если вы готовы,
Наперекор им всем, я вам могу помочь:
Под маской в город мы уйдем в любую ночь.

Королева

О боже! Замолчи!

Касильда

Легко и безопасно...

Королева

Довольно, никогда!

(Отодвигается от Касильды и снова погружается в задумчивость.)

Я всех боюсь ужасно!
Зачем, зачем я здесь, а не в родной стране?
Как у родителей жилось привольно мне!

Мы бегали с сестрой в лесу и на поляне
Свободно. Иногда встречались нам крестьяне —
Мы с ними весело вступали в разговор.
Как были счастливы мы с нею до тех пор,
Пока не прибыл к нам с посольством из Испаньи
Какой-то человек, весь в черном одеянье.
«Принцесса, — он сказал, — вас ждет испанский трон!»
Прижалась я к сестре; отец был восхищен,
А мать заплакала. Теперь уж плачут оба.
Касильда! Здесь кругом все только мрак и злоба!
Я птичек привезла — нет больше ни одной.

Касильда, искоса поглядывая на обер-фрейлину, делает движение, каким сворачивают шею птице.

Мне не дают цветов страны моей родной,
И слова нежного ждала бы я бесплодно...
Я королева здесь — там я была свободна,
Да, ты права, стена ужасно высока,
И мрачен вечером наш парк. Тоска, тоска!

Издали слышится пение.

Что это — там поют?

Касильда

Окончив труд тяжелый,
Проходят прачки там с реки толпой веселой.

Пение приближается, можно разобрать слова. Королева жадно слушает.

Голоса за сценой

К чему щебечут птицы
В густой тени ветвей?
Твой голос серебристый
Всех певчих птиц нежней.
К чему на небе звезды
Блестят во тьме ночей?
Твоих очей сиянье
Небесных звезд ясней.
К чему цветок душистый —
Весною красота?
Прекрасней алой розы
Цветут твои уста.
Ведь песни райской птицы,
Живой души цветы

И звезды в ясном небе —
Любовь, все это ты.

Голоса удаляются, затихая.

Королева

(мечтательно)

Ах, о любви поют, и радость в их напеве!..
Мне сладко слушать их и больно.

Герцогиня

(дуэньям)

Королеве
Мешает пение. Прогнать их от ворот!
Прогнать немедленно!

Королева

(с живостью)

О нет, наоборот!
Пусть с миром здесь они проходят по аллее.

(Касильде, указывая на окно в глубине.)

Пойдем на них взглянуть, там будет нам виднее!

(Направляется с Касильдой к окну.)

Герцогиня

(поднимаясь и делая реверанс)

Ее величеству нельзя смотреть в окно.

Королева

(останавливаясь и возвращаясь на прежнее место)

И этого нельзя! Ну что же, все равно...
Оставь, не для меня закаты в небе чистом,
Ни вечер, гаснущий в сиянье золотистом,
Ни песня мирная, звучащая вдали.
Сказала я «прости» всем радостям земли.
И видеть мне нельзя божественной природы,
И даже видеть мне нельзя чужой свободы!

Герцогиня

(делая присутствующим знак выйти)

Святых апостолов мы память ныне чтим.
Идемте.

Касильда делает несколько шагов к двери. Королева ее останавливает.

Королева

Как! И ты?

Касильда

(указывая на герцогиню)

Приказ неумолим:
Ослушаться нельзя.

Герцогиня

(дамам)

К себе пройдите все вы.

(Низко кланяясь королеве.)

Теперь молитвы час настал для королевы.

Все уходят с глубокими реверансами.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Королева

(одна)

Молитвы час настал? Скажи — мечтаний час.
Куда бежать от них? О, кто меня бы спас?
Без света я в тюрьме.

(Мечтательно.)

И чудится всегда мне
След окровавленной руки на белом камне.

Он руку ранил в кровь! Но сам он виноват:
Там всюду острия железные торчат,
Стена так высока... Как можно ночью темной
Идти дорогою такой головоломной?
Но жизнью он своей пожертвовать готов,
Чтобы оставить мне букет моих цветов!
В последний раз, его подарок обнаружив,
Я над моей скамьей нашла обрывок кружев —
Висел на острие, весь кровью залитой...
И я его сняла. О, капля крови той,
Упавшей за меня, всех слез моих дороже!

(Погружаясь в мечтанья.)

Но помощи твоей я лишена, о боже!
Он каждый раз кладет цветы мне на скамью —
И я беру цветы... и клятву в том даю,
Что я в последний раз подобный грех свершаю.
И каждый раз клянусь — и клятву нарушаю!
И сила тайная влечет туда меня.
Он ранен. Он туда не приходил три дня.
Но кто бы ни был ты, о друг мой неизвестный,
Ты понял, что я здесь — как птица в клетке тесной,
Что в одиночестве печален мой удел.
Мой верный тайный друг! Меня ты пожалел.
Не хочешь ничего, не требуешь, не просишь —

И только кровь свою мне в жертву ты приносишь,
Чтобы дарить цветы, опасности презрев,
Несчастнейшей из всех несчастных королев.
Ты следуешь за мной во мраке верной тенью —
И сердцем я судьбы подвластна повеленью.
Пусть матери твоей любовь тебя хранит
И жизнь твою — моя молитва осенит.

(Поднеся руку к сердцу, горячо.)

Вот здесь его письмо. Оно меня сжигает...

(Снова погружаясь в задумчивость.)

Судьба гнетет меня — и тут же помогает.
Так странно! В жизни мне она послала двух:
Один — злой гений мой, другой — мой добрый дух.
Я ощущаю их присутствие, не видя.
Один — любя меня, другой же — ненавидя,
Но оба здесь они, со мной везде, всегда.
Чего мне ждать от них? Погубит ли вражда
Или спасет любовь? Не знаю, все возможно.
Быть королевою — о, как это ничтожно!
В молитве помощь я попробую найти.

(Опускается на колени перед Мадонной.)

О матерь божия, спаси и просвети.
Склони ко мне свой взор, о пресвятая дева!
К тебе поднять глаза не смеет королева.

(Прерывает молитву.)

Цветок, письмо его — жгут горячей огня!

(Порывистым движением достает из-за корсажа измятое письмо, засохший букет из маленьких голубых цветочков и кусочек кружева, запачканный кровью, и бросает все это на стол; затем снова опускается на колени.)

О, помоги!

(Прерывает молитву.)

Письмо!..

(Полуобернувшись к столу.)

Оно влечет меня.

(Снова опускается на колени.)

Надежда страждущих! Звезда морей! Мария!..
Нет, не хочу читать те строки роковые!..
Тебя господь послал всем страждущим сестрой.
О, пощади меня, спаси меня, укрой!

(Встает, делает несколько шагов к столу, останавливается, затем бросается к письму, словно уступая неудержимому влечению.)

Прочесть в последний раз — и разорвать!

(С грустной улыбкой.)

О боже,
Уж месяц говорю я все одно и то же!

(Решительно разворачивает письмо и читает.)

«У ваших ног во тьме томится человек,
Что отдал душу вам и жизнь свою навек.
Неведомый для вас и тайной окруженный,
Страдает земляной червяк, в звезду влюбленный;
И умирает он, поверженный во прах,
Смотря, как ярко вы блестите в небесах».

(Кладет письмо на стол.)

Но если в вас душа иссохла от томленья,
То — что бы ни было — ей нужно утоленье.
Пусть это будет яд — не оттолкну питья.

(Снова прячет письмо и кружево у себя на груди.)

Но ведь кого-нибудь любить должна же я!
Когда б хотел король, его б любить могла я.
Но уезжает он, одну меня бросая, —
И я совсем любви и ласки лишена.

Обе створки большой двери распахиваются. Входит привратник в парадной одежде

Привратник

(громко)

Письмо от короля!

Королева

(как бы внезапно разбуженная, с криком радости)

Мой бог! Я спасена!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Королева, герцогиня Альбукеркская, Касильда, дон Гуритан, придворные дамы, пажи, Рюи Блаз. Все входят торжественно. Герцогиня впереди, потом придворные дамы. Рюи Блаз остается в глубине комнаты. Он роскошно одет. Плащ падает на его левую руку, прикрывая ее. Два пажа, несущие на подушке из золотой парчи письмо короля, опускаются на колени перед королевой, на некотором расстоянии от нее.

Рюи Блаз

(в глубине, про себя)

Где я?.. Как хороша!.. Я здесь! Что это — чудо?

Королева

(в сторону)

Бог спас меня.

(Громко.)

Письмо от короля! Откуда?

Герцогиня

В Аранхуэсе он сейчас.

Королева

(глядя на портрет короля, тихо)

О мой король,
Благодарю тебя! Ты понял сердца боль,
Ты понял наконец, как я здесь одинока,
Как ласка мне нужна, — и вот, хоть издалека,
Все ж получила я любви твоей слова!

(Громко.)

Скорее дайте!

Герцогиня

(с глубоким реверансом)

Я должна прочесть сперва, —
Так принято.

Королева

И тут не избежать надзора!
Читайте же скорей.

Герцогиня берет письмо и медленно его разворачивает.

Касильда

(в сторону)

Послушаем...

Герцогиня

(читает)

«Сеньора,
Сегодня ветрено. Я шесть волков убил».
И подпись: «Карл, король».

Королева

(в сторону)

Увы!

Касильда

(в сторону)

Вот страстный пыл!
Пусть сердце мучилось, терзалось, тосковало, —
«Я шесть волков убил»!

Дон Гуритан

(герцогине)

И это все?

Герцогиня

Вам мало?

(Королеве, поднося ей письмо.)

Угодно вам?

Королева

(отталкивая ее)

О нет!

Касильда

(герцогине)

И это все? Мой бог!

Герцогиня

Чего же вам еще? Простой и ясный слог.
С охоты трудно ждать письма иного рода.
Тут все: и что убил и какова погода.

(Снова рассматривает письмо.)

Писал он... Впрочем, нет — письмо он диктовал.

Королева

(вырывает у нее письмо и рассматривает его)

Да, почерк не его, он только подписал.

(Рассматривает письмо еще внимательнее; внезапно чем-то поражена; в сторону.)

Не может это быть игрой воображенья!
Мне почерк хорошо знаком: тут нет сомненья.

(Герцогине.)

А кто привез письмо от короля?

Герцогиня

(указывая на Рюи Блаза)

Курьер
Его величества.

Королева

(полуобернувшись к Рюи Блазу)

Вот этот кавалер?

Герцогиня

Да. К вам его король на службу назначает.
Маркиз де Санта Крус его мне поручает.

Королева

А как его зовут?

Герцогиня

Дон Цезарь де Басан,
Граф де Гарофа. Он из молодых дворян;
Коль верить отзывам, умен и безупречен.

Королева

Я с ним поговорю.

(Рюи Блазу.)

Вы...

Рюи Блаз

(вздрогнув, в сторону)

Ею я замечен!
Она меня зовет! О боже, я дрожу!

Герцогиня

(Рюи Блазу)

Приблизьтесь, граф!

Дон Гуритан

(искоса глядя на Рюи Блаза, про себя)

Но я совсем не нахожу,
Что нужен при дворе нам молодой повеса.
И так красив собой!

Рюи Блаз, бледный и взволнованный, медленно приближается.

Королева

(Рюи Блазу)

Вы из Аранхуэса?

Рюи Блаз

(с поклоном)

Да, государыня.

Королева

Король здоров?

Рюи Блаз

(с поклоном)

Вполне.

Королева

(указывая ему на письмо короля)

Он диктовал письмо?

Рюи Блаз

Да. Был он на коне.

(Колеблется одно мгновенье.)

Письмо продиктовал он... одному из свиты.

Королева

(глядя на Рюи Блаза, про себя)

Как будто мысли все мои ему открыты:

Боюсь спросить, кому...

(Громко.)

Вы можете идти...
Постойте!

Рюи Блаз, сделав несколько шагов по направлению к выходу, возвращается к королеве.

Много там придворных с ним в пути?

(В сторону.)

Волненья своего сама не понимаю.

Рюи Блаз низко кланяется.

Кто был при короле?

Рюи Блаз

Я их имен не знаю.
Мадрид покинул я тому назад три дня,
А там король совсем не задержал меня.

Королева

(в сторону)

Три дня!

(Пристально и с большим волнением

смотрит на Рюи Блаза.)

Рюи Блаз

(в сторону)

О! Ревность — яд! Она — жена другого!
Я в бездну падаю!

Дон Гуритан

(подходя к Рюи Блазу)

Сеньор, всего два слова:
Распоряжения я во дворце даю.
Вы, верно, знаете обязанность свою?
Вам ночью предстоит дежурить здесь, у входа
К ее величеству, и в случае прихода
Его величества открыть к ней в спальню дверь.

Рюи Блаз

(вздрогнув, про себя)

Мне — королю открыть?

(Громко.)

Но он не здесь теперь.

Дон Гуритан

Приехать может в ночь — и нужен тут дежур-

ный.

Рюи Блаз

(про себя)

Мой бог!

Королева

(все слышала и не может оторвать взора от Рюи Блаза; про себя)

Он побледнел.

Дон Гуритан

(наблюдая за Рюи Блазом, про себя)

Что с ним?

Касильда

(королеве)

Сеньору дурно!

Рюи Блаз

(едва держась на ногах)

Мне? Что вы! Дурноты не знал я никогда.
Но странно... Солнце... зной... и быстрая езда...

(Про себя.)

Мне — королю открыть!

(Падает без сил в кресло. Плащ соскальзывает и открывает левую руку с окровавленной повязкой.)

Касильда

Его рука в повязке!
Он ранен!

Королева

Ранен?

Касильда

Ах! Отхлынули все краски
С лица. Скорей, скорей! Лишился чувств он.
Понюхать что-нибудь!

Королева

(ища за корсажем)

Вот у меня флакон.

(Замечая кружевную манжету на правой руке Рюи Блаза.)

Он! Это кружево... Да, да, одно и то же.
Он!

(Вынимает из-за корсажа флакончик и одновременно, в волнении, вытаскива-

ет кусочек кружева, который был там спрятан.)

Рюи Блаз не спускает глаз с королевы, он видит это кружево у нее на груди.

Рюи Блаз

(потрясен; про себя)

На ее груди! Пошли мне смерть, о боже!

Их взгляды встречаются. Молчание. Придворные дамы хлопочут вокруг Рюи Блаза, и в общем смятении никто не замечает того, что происходит между королевой и Рюи Блазом.

Касильда

(протягивая Рюи Блазу флакон с солями)

Когда вы ранены? Недавно? Нет? В пути
Раскрылась рана вновь? Зачем взялись везти
Письмо?

Королева

(Касильде)

Ты утомить расспросами успела.

Герцогиня

(Касильде)

Ее величеству до этого нет дела.

Королева

Он мог везти письмо, раз он его писал!
Не правда ль?

Касильда

Он писал? Кто это вам сказал?

Королева

(Касильде)

Молчи!

Касильда

Вам лучше, граф?

Рюи Блаз

Ко мне вернулись силы,
Я ожил.

Королева

(придворным дамам)

Но идти нам время наступило.
В назначенный покой пусть графа отведут.

(Пажам, стоящим в глубине.)

Его величество не будет нынче тут:
Охотиться в горах намерен он все лето.

(Удаляется со своей свитой во внутренние покои.)

Касильда

(глядя ей вслед)

Она взволнована. Хотела б знать — что это?

(Уходит в ту же дверь, что и королева, унося ларец с реликвиями.)

Рюи Блаз, оставшись один, как будто еще некоторое время с восторгом прислушивается к последним словам королевы. Он точно во власти сновидения. Кусочек кружева, который королева в смятении уронила, остался лежать на ковре. Рюи Блаз поднимает его, смотрит на него с любовью и покрывает его поцелуями. Потом устремляет глаза к небу.

Рюи Блаз

О боже мой, молю — мой разум пощади!

(Глядя на кружево.)

Тот лоскуток она хранила на груди!

(Прячет кусок кружева у себя на груди.)

Входит дон Гуритан в ту же дверь, в которую он вышел вслед за королевой. Медленно приближается к Рюи Блазу. Дойдя до него, он, не говоря ни слова, вытягивает наполовину свою шпагу из ножен и на глаз сравнивает ее со шпагой Рюи Блаза. Они разной длины. Дон Гуритан вкладывает свою шпагу в ножны. Рюи Блаз смотрит на него с удивлением.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Рюи Блаз, дон Гуритан.

Дон Гуритан

Две шпаги принесу — таких, чтоб каждый атом
Совпал.

Рюи Блаз

Как вас понять?

Дон Гуритан

В году пятидесятом
Жил в Аликанте я и сильно увлечен

Был дамою одной. В нее же был влюблен
Прелестный юноша, красивей херувима.
Случалось, что юнец, любовию томимый,
Ей серенады пел и провожал в собор.
Он был побочный сын, но истинный сеньор.
Звался он Васкесом. Глядел надменно, смело.
Как адмирал морской. Но кровь во мне вскипела —
И я его убил.

Рюи Блаз хочет ею прервать, дон Гуритан останавливает его жестом и продолжает.

А в шестьдесят шестом
Граф Кастехон посмел прислать письмо с рабом
Моей возлюбленной. Записку Анхелика
Мне тотчас отдала. Той дерзости великой
Я не простил ему — велел своим рабам
Убить его раба. Его ж убил я сам.

Рюи Блаз

Сеньор!

Дон Гуритан

Еще поздней — уже в восьмидесятом —
Моя любовница сошлась с блестящим фатом.

Дон Тирсо Гамональ был истый Аполлон.
Я помню как сейчас: божественно сложен,
Прекрасные черты полны высокомерья...
Как шли к нему и плащ и на сомбреро перья!
Соперник славный был дон Тирсо Гамональ.
И я его убил. Мне было очень жаль.

Рюи Блаз

Что значит это все, сеньор?

Дон Гуритан

А так ведется,
Что воду доставать нам нужно из колодца,
Что солнце над землей восходит по утрам,
Что за часовнею местечко есть — и там
В уединении удобно, непременно,
По добрым правилам, с учтивостью отменной,
Суметь соперника отправить на тот свет.

Рюи Блаз

Сеньор, я буду там.

За несколько мгновений до этого Касильда, побуждаемая любопытством, вошла неслышными шагами в дверцу в глубине; она слушала последние слова собеседников, не будучи ими замечена

Касильда

(в сторону)

Дуэль! Сомненья нет!
Скорей предупредить мне королеву нужно.

(Уходит в ту же дверь.)

Дон Гуритан

(по-прежнему невозмутимо)

Вам к сведенью, сеньор: коль будет вам досужно
И пожелаете узнать мой вкус и нрав,
Я откровенно вам скажу, любезный граф,
Что я не жалую красавчиков, которых
Так любят женщины, — что, с томностью во взорах,
Готовы в обморок упасть — ах, боже мой! —
Из-за какой-нибудь царапины пустой.

Рюи Блаз

Не понимаю вас.

Дон Гуритан

Поймете все чудесно.

Здесь, во дворце, вдвоем нам будет слишком тесно.

Обоим должности придворные даны,

Права равны у нас, но силы не равны:

Мне — право старшинства, вам — молодости право.

И за себя теперь я опасаюсь, право.

Мне страшны смелый взгляд и жадные уста.

Я должен соблюдать умеренность поста,

И потому, сказать по правде, за обедом

Я вовсе не люблю сидеть с таким соседом,

Чей славный, молодой, здоровый аппетит

Всю трапезу мою испортить мне грозит.

На почве же любви, неверной и зыбучей,

Бороться — мне грозит бедою неминучей.

На щегольскую речь всегда бывал я скуп.

Подагра у меня. Я не настолько глуп,

Чтобы соперничать с подобным кавалером,

Неподражаемым по тону и манерам,

Который в обществе к тому ж всегда готов

В глубокий обморок упасть от пустяков.

И потому, что вы изящны, и прелестны,

И очень вежливы, и очень интересны, —
Я должен вас убить.

Рюи Блаз

Попробуйте.

Дон Гуритан

Итак,
Едва рассеяться успеет ночи мрак,
Мы за часовнею сойдемся с вами вместе,
И без свидетелей, по всем законам чести,
С учтивостью — как нам велит наш знатный род —
Один из нас врага достойного убьет.

(Протягивает Рюи Блазу руку — тот пожимает ее.)

Рюи Блаз

Ни слова никому.

Дон Гуритан знаком выражает согласие.

До завтра.

(Уходит.)

Дон Гуритан

(один)

Как спокоен!
Не дрогнула рука! По правде, граф достоин
Быть мне соперником: так смело смерти ждет.
Мне, право, жаль его.

В дверце, ведущей в покои королевы, со звоном поворачивается ключ.

Но кто сюда идет?

Дверь отворяется, и входит королева. Она быстро направляется к дону Гуритану, удивленному и восхищенному ее появлением. В руках она держит ларец.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Гуритан, королева.

Королева

(с улыбкой)

А! Вас, дон Гуритан, искать сюда пришла я.

Дон Гуритан

(восторженно)

Что это счастие дает мне?

Королева

(ставя ларец на столик)

Вещь пустая,
Но легкомысленны все женщины, сеньор!

(Смеется.)

Сейчас с Касильдой мы вступили в жаркий спор:
Она клялась, что вы исполнить все готовы,
Что я ни захочу.

Дон Гуритан

Она права.

Королева

(смеясь)

Ну что вы!
А я сказала: нет.

Дон Гуритан

Напрасно.

Королева

Мне она
Клялась, что жизнь, и кровь, и душу — все сполна

Вы отдали бы мне, когда б я попросила.

Дон Гуритан

Касильда на сей раз прекрасно говорила.

Королева

Я ей сказала: нет.

Дон Гуритан

А я скажу вам: да.
И я для вас готов, готов на все, всегда.

Королева

На все?

Дон Гуритан

О да, на все!

Королева

Вот как? Так поклянитесь
Исполнить мой приказ, мой милый верный витязь.

Дон Гуритан

Свидетель мне Гаспар, небесный мой патрон:
Малейший ваш каприз, сеньора, мне закон.
Приказывайте мне, что только вам угодно, —
Исполню иль умру! Я раб ваш.

Королева

Превосходно.

(Беря в руки ларец.)

Ловлю вас на слове — и порученье дам.
Но только, милый граф, придется ехать вам
Без замедления в далекую прогулку
И в Нейбург отвезти заветную шкатулку.

Дон Гуритан

(в сторону)

Я пойман!

(Громко.)

В Нейбург?

Королева

Да. Желание мое —
Послать ее отцу.

Дон Гуритан

Шестьсот хороших лье.

Королева

Нет, с небольшим пятьсот.

(Показывая на шелковый чехол, наде-

тый на ларец.)

Везите осторожно:
В дороге бахрому легко попортить можно.

Дон Гуритан

Когда же ехать мне?

Королева

Немедленно. Сейчас.

Дон Гуритан

Пусть завтра!

Королева

Не могу освободить я вас.

Дон Гуритан

Но...

Королева

Что ж? Вы едете?

Дон Гуритан

Но...

Королева

Вы мне дали слово!

Дон Гуритан

Мои дела...

Королева

Нет, нет!

Дон Гуритан

Для пустяка такого...

(В сторону.)

Я пойман!

(Громко.)

День один отсрочки я прошу.

Королева

Нельзя.

Дон Гуритан

Но я...

Королева

Скорей послать ларец спешу.

Дон Гуритан

Я...

Королева

В путь!

Дон Гуритан

Но я...

Королева

Нет!

Дон Гуритан

Я...

Королева

Хотите — поцелую?

(Бросается ему на шею и целует его.)

Дон Гуритан

(растроган и восхищен; громко)

Что ж! Должен оправдать награду я такую!

(В сторону.)

Да, если на земле стал человеком бог,
То дьявол женщиной не сделаться не мог.

Королева

(указывая на окно)

Карета ждет внизу.

Дон Гуритан

(в сторону)

Гм! Все предусмотрела!
Ну, значит, отложить придется это дело
До возвращения.

Королева

Садитесь в экипаж.

Дон Гуритан пишет несколько слов на листке бумаги и звонит в колокольчик. Входит паж.

Дон Гуритан

(в сторону)

Дуэль отложим мы. Но я вернусь.

(Громко.)

Эй, паж!
Записку ты снесешь сеньору де Басану.

Королева

Что ж?

Дон Гуритан

Государыня, откладывать не стану
Ни на секунду я отъезда моего.

Королева

Прекрасно! Добрый путь!

Дон Гуритан берет шкатулку, целует руку королеве, низко кланяется и уходит. Спустя мгновение слышен стук отъезжающего экипажа. Королева падает в кресло.

Он не убьет его!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
РЮИ БЛАЗ

Так называемый Государственный зал в мадридском королевском дворце. В глубине — широкая дверь, к которой ведут несколько ступеней. Налево срезанный угол, завешенный тканым ковром. В противоположном углу окно. Справа четырехугольный стол, покрытый скатертью зеленого бархата, вокруг него расставлено восемь или десять табуретов, соответственно такому же количеству пюпитров на столе. С противоположной зрителям стороны стола стоит большое парчовое кресло с парчовым балдахином, который украшен испанским гербом и короной. Рядом с этим креслом стул. При поднятии занавеса начинается заседание Королевского тайного совета.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Мануэль Ариас, президент Кастилии; дон Педро Велес де Гевара, граф де Кампореаль, советник «плаща и шпаги» в счетной палате; дон Фернандо де Кордова-и-Агилар, маркиз де Приэго, в том же звании; Антонио Убилья, контролер государственных доходов; Монтазго, судейский советник палаты по делам обеих Испаний; Коваденга, верховный секретарь островов; еще несколько советников. Судейские одеты в черное, остальные — в придворных одеждах. У Кампореаля на плаще — крест ордена Калатравы; у Приэго на шее — цепь Золотого Руна. Дон Мануэль Ариас, президент Кастилии, и граф де Кампореаль разговаривают между собой вполголоса на переднем плане. Остальные советники образуют группы.

Дон Мануэль Ариас

Я в жизни не видал подобного примера.

Граф де Кампореаль

Да. Неожиданно блестящая карьера!
Полгода при дворе — и Золотым Руном
Уже он награжден, и получил притом
Он титул герцога и занял пост министра...

Дон Мануэль Ариас

И статс-секретаря! Непостижимо быстро.
Я этому причин, по правде, не найду.

Граф де Кампореаль

Здесь закулисные влияния в ходу.

Дон Мануэль Ариас

(таинственно)

Она?

Граф де Кампореаль

Да, наш король уехал из столицы;
В Эскуриале дни проводит у гробницы
В общенье с первою, умершею женой.
Он остается там, безумный и больной.
От мира он ушел, за мрачными стенами
Отрекся от всего.

Дон Мануэль Ариас

Мария правит нами,
Но все решения Басан диктует ей.

Граф де Кампореаль

Я не могу понять дон Цезаря путей,
И их таинственность меня почти пугает.

Он с ней не видится и встречи избегает.
А, вам не верится! Но нет, я вам скажу:
За каждым шагом их полгода я слежу.
Да, странности его границы переходят:
Вне службы жизнь свою затворником проводит,
В предместье маленький он занимает дом,
И окна ставнями всегда закрыты в нем.
С ним двое черных слуг немых.

Дон Мануэль Ариас

Немых?

Граф де Кампореаль

Как рыбы:
Не то мы многое узнать от них могли бы.
Здесь во дворце его официальный штат.

Дон Мануэль Ариас

Да, странно.

Дон Антонио Убилья

(подходит к ним)

Род его и знатен и богат.

Граф де Кампореаль

Всего страннее то, что возымел затею

Он строгой честностью прославиться своею.

(Дону Мануэлю Ариасу.)

Он долго не был здесь. Остался б он в тени,
Но Санта Крус его извлек. Ему сродни
Саллюстий де Басан, погасшее светило.
Дон Цезарь, говорят, был страшный мот, кутила:
В три года прожил он огромный капитал;
Любовниц каждый день, как лошадей, менял;
И аппетит его так жаден был не в меру,
Что мог бы проглотить он все богатства Перу.
Потом он вдруг исчез, неведомо куда,
На целых десять лет.

Дон Мануэль Ариас

Что делают года!
Он стал персоною и мудрою и важной.

Граф де Кампореаль

Не удивительно для женщины продажной,
Состарясь, стать ханжой.

Дон Антонио Убилья

Он честен.

Граф де Кампореаль

(смеясь)

Вот простак!
Здесь честности нельзя поверить нам никак.
Известно ль вам, мой друг, во сколько содержанье
Ее величества обходится Испанье?

(Делая ударение на цифре.)

Считая в золоте, без малого — мильон!
Тут золотое дно — и допустить, чтоб он
Не пожелал ловить в водице мутной рыбку?

Маркиз де Приэго

(вмешиваясь в разговор)

Неосторожно вы впадаете в ошибку,
И можно болтовней наделать много бед,
Мне часто говорил еще покойный дед —
В его словах была большая мудрость скрыта:
«Кусайте короля — целуйте фаворита».
Однако нам пора приняться за дела.

Все располагаются вокруг стола; одни берутся за перья, другие просматривают бумаги. Но никому не хочется приниматься за дело. Молчание.

Монтазго

(Убилье, тихо)

Напомню: выдача обещана была
Мне из церковных сумм. Внести немало надо,
Чтобы племяннику устроить пост алькада.

Дон Антонио Убилья

(тихо)

А вы должны судьи местечко мне помочь
Кузену раздобыть.

Монтазго

(повышая голос)

Но так недавно дочь
Вы замуж выдали, и все еще вам мало?
Ее приданое недешево нам стало.
Помилосердствуйте! Не справлюсь с этим я.

Дон Антонио Убилья

(тихо)

Ну, будет вам алькад.

Монтазго

(тихо)

И будет вам судья.

Жмут руки друг другу.

Коваденга

(вставая)

Почтеннейший совет, мы здесь во всем составе
И дел общественных откладывать не вправе.
И более всего в виду иметь должны
Мы благоденствие народа и страны.
В Испании еще доходов много, верно,
Но разделяются они неравномерно
И распыляются на тысячи частиц.
Они находятся в руках отдельных лиц.
Сеньоры, верьте мне, такое состоянье
Весьма критическим быть может для Испаньи.
Нам надо привести все в ясность, но сперва
Должны мы знать свой долг и разделить права.
Иначе — у одних избыток, изобилье,
А у других совсем нет ничего. Убилья!
Достался, например, вам на табак акциз.

Вам — мускус, индиго и пряности, маркиз.
Вы, граф... вам платят дань — не много и не мало —
Семь тысяч человек, что вам не помешало
Себе взять пошлину на соль, не говоря
О доле с золота, с агата, с янтаря.

(К Монтазго.)

А вы, что на меня глядите так тревожно,
Сумели получить так тонко, осторожно
И пошлину на снег и право на мышьяк;
Вы обеспечили себе искусно так,
Всегда идя путем известных ухищрений,
Доход с игральных карт и денежные пени,
В замену палочных ударов, с горожан,
И пограничный сбор таможенный вам дан;
Имеете процент вы с каждого причала,
С ванили пошлину и пошлину с сандала.
Помилуйте, у вас латунь, у вас свинец...
Так дайте что-нибудь и мне же наконец!

Граф де Кампореаль

(громко смеясь)

Ох, этот старый плут, он славно знает дело!
Все острова давно в его руках всецело,
И, правою рукой Майорку ухватив,

Рукою левою он держит Тенериф.
Какой размах!

Коваденга

(разгорячась)

Нет, нет, я обойден!

Маркиз де Приэго

(смеясь)

Без жалоб!
А негры!

Все вскакивают с мест, каждый старается перекричать других.

Монтазго

Обо мне вам вспомнить не мешало б:
Я требую леса!

Коваденга

(маркизу де Приэго)

Поделим пополам:
Отдайте мне мышьяк — я негров вам отдам!

За несколько мгновений до этого в дверь в глубине вошел Рюи Блаз; он следит за происходящим, не будучи замечен. На нем черный бархатный костюм и плащ из алого бархата; на шляпе белое перо; на шее цепь ордена Золотого Руна. Некоторое время он слушает молча, потом медленно приближается и в самый разгар спора появляется среди советников.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Рюи Блаз.

Рюи Блаз

Приятный аппетит, сеньоры!

Все оборачиваются. Удивленное и встревоженное молчание. Рюи Блаз надевает шляпу, скрещивает руки на груди и продолжает, глядя им прямо в лицо.

О, прекрасно!
Так вот правители Испании несчастной!
Министры жалкие, вы — слуги, что тайком
В отсутствие господ разворовали дом!

И вам не совестно, в дни грозные такие,
Когда Испания рыдает в агонии,
И вам не совестно лишь думать об одном —
Как бы набить карман и убежать потом?
Гробокопатели, которые решили
Ограбить родину, как грабят труп в могиле!
Позор! Имейте же хоть каплю вы стыда!
Испания была прекрасна и горда,
Ее владения во всех морях простерты, —
И что же? Гибнет все: уже Филипп Четвертый
Успел в Бразилии свою утратить власть,
И Португалии позволил он отпасть.
Он отдал без войны и без сопротивленья
В Эльзасе все свои испанские владенья,
Конте и Русильон. Он выпустил из рук
Край Синих гор, Гоа, Ормуз и Фернамбук.
Смотрите, утерять подобные богатства!
Европа ненависть сменяет на злорадство,
И Запад и Восток хохочут все кругом,
Как будто ваш король — ничтожнейший фантом!
С голландцами уже совместно англичане
Раздел Испании задумали заране.
Савойя с герцогом своим давно полна
Опасных пропастей, где не увидеть дна.
Куда ни кинемся — нас ждут повсюду бездны.

Иллюзии для нас давно уж бесполезны.
С Пьемонтом, например, как будто мы дружим —
Но армию послать попробуйте-ка к ним!
Нам изменяет Рим, надежды нет на папу,
К нам жадно Австрия протягивает лапу,
А Франция лишь ждет, когда наступит час,
Чтоб легче проглотить ей можно было нас.
А между тем инфант баварский умирает:
Трон остается пуст. Европа это знает.
А те наместники, те вице-короли,
Что разослали вы по всем концам земли?
Что делают они в им вверенных столицах?
Давно в Неаполе стал притчей во языцех
Медина бешеный, своей любовью пьян.
Спокойно Водемон распродает Милан,
Леганьес — Фландрию. Предательство, коварство!
Как этому помочь? Нищает государство;
Ни войск, ни денег нет, понес потери флот.
На море божий гнев невидимо растет:
Мы триста кораблей недавно потеряли.
А вы... Опомниться, сеньоры, не пора ли?
За эти двадцать лет несчастный наш народ, —
Я точно подсчитал, — неся тяжелый гнет
И вашей жадности и варварских законов,

Он выжал из себя почти пятьсот мильонов
На ваши празднества, на женщин, на разврат.
И все еще его и грабят и теснят?
О, стыдно мне за вас, почтеннейшие гранды!
По всей Испании сейчас блуждают банды,
Поля и нивы жгут, где жатва не снята,
И карабин торчит из каждого куста.
Как будто мало нам войны международной,
Как будто гражданам всем воевать угодно!
Монастыри, и те воюют меж собой,
И город с городом вступает в жаркий бой,
И каждый хочет съесть и проглотить соседа,
Как жаждет воронье кровавого обеда.
В развалинах церквей ужи приют нашли,
И паперти везде травою заросли.
Дворянство? У него остались только предки,
Но личных подвигов примеры очень редки.
Испания — отвод и сток для нечистот,
Которые в нее Европа щедро льет.
Отряд наемников у каждого сеньора,
Из разных стран чужих головорезов свора —
Фламандцев, сардов там, швейцарцев легион,
Сто разных языков: в Мадриде — Вавилон,
Жестоки с беднотой несчастной альгвасилы,
Зато с богатыми необычайно милы.
Убийство, грабежи и крики по ночам.

Недавно на мосту я был ограблен сам.
Продажны судьи все и голодны солдаты;
Они уже давно не получают платы.
Не удивительно — повсюду воровство!
Гордились силой мы оружья своего —
Какие же войска остались у испанцев?
Мы можем насчитать шесть тысяч оборванцев:
Евреи, нищие и горцы, всякий сброд;
Лохмотья — их мундир, с ножом идут в поход.
Когда все в городе полночным мраком скрыто,
Вмиг превращается такой солдат в бандита.
У Маталобоса войска везде кругом,
И вор ведет войну с испанским королем,
И безнаказанно по деревням крестьяне
Карету короля встречают залпом брани.
А он, несчастный наш и мрачный властелин,
В Эскуриале он — средь мертвецов один
Склоняет голову в отчаянье и страхе,
А перед ним лежит Испания во прахе.
Европа на нее пятою налегла,
Она растерзана, разорена дотла,
В лохмотьях пурпур весь... А вы, к добыче падки,
Вы делите ее последние остатки;
Великий же народ во мраке, в темноте, —

Над кем живете вы, красуясь в высоте, —
Кончает жизнь свою, несчастный и бессильный,
Как лев, кого живьем сжирает червь могильный!
Карл Пятый, где же ты? Явись, проснись, восстань!
В годину тяжкую, как гром небесный, грянь!
Все гибнет, рушится, судьба грозит утратой
Последних наших сил. На помощь к нам, Карл Пятый!
Нам нужен разум твой, рука твоя нужна!
Испанья при смерти, она обречена!
Как солнце яркое была твоя держава,
Что ты сжимал своей десницей величавой,
И верил целый мир, на блеск ее смотря,
Что из Испании встает его заря.
Но видим мы ее погаснувшим светилом,
Лишенным яркости, печальным и унылым,
В последней четверти чуть видною луной,
Которую затмит заря страны иной.
Прекрасные лучи блистающего солнца
Пустили торгаши на пьястры и червонцы,
Блеск роскоши твоей поруган и исчез,
Украли скипетр твой и продают на вес.
Проснись же! Карлики, уроды, обезьяны

Из царской мантии кроят себе кафтаны,
А царственный орел, сильнейший из орлов,
Чьи крылья при тебе, как пламенный покров,
Над миром мощь свою по небу распахнули,
Ощипан, варится в их мерзостной кастрюле!

Советники, подавленные, молчат. Только маркиз де Приэго и граф де Кампореаль поднимают головы и гневно смотрят на Рюи Блаза. Затем граф де Кампореаль, поговорив с маркизом де Приэго, подходит к столу, пишет несколько слов на листе бумаги, подписывается и дает подписать маркизу.

Граф де Кампореаль

(указывая на маркиза де Приэго, протягивает бумагу Рюи Блазу)

Возьмите труд прочесть. Прошенье подаем
Об увольнении в отставку мы вдвоем.

Рюи Блаз

(принимая бумагу, холодно)

Благодарю. И вас прошу без замедленья,
Взяв семьи, выехать на юг, в свои именья,

Оба гранда отвешивают поклон и гордо удаляются с покрытыми головами. Рюи Блаз оборачивается к другим советникам.

Сеньоры, тех, кому не по пути со мной, —
Просил бы поступить я так же.

Молчание. Рюи Блаз садится на стул со спинкой, находящийся справа от королевского кресла, и распечатывает письма. В то время как он просматривает их одно за другим, Коваденга, Ариас и Убилья вполголоса переговариваются.

Дон Антонио Убилья

(Коваденге, указывая на Рюи Блаза)

Милый мой,
Нашелся человек, что быть вождем сумеет.
Великим будет он!

Дон Мануэль Ариас

Да... если он успеет.

Коваденга

И если чересчур вникать не будет в суть.

Дон Антонио Убилья

В нем зреет Ришелье!

Дон Мануэль Ариас

Он выбрал трудный путь.

Рюи Блаз

(быстро пробежав письмо, которое он только что вскрыл)

Я прав! Вот заговор! Без подписи записка.

(Читает вслух.)

«Опасность велика, осуществленье близко,
В Мадриде уж давно готовится комплот,
И похищение одну особу ждет!
Усильте же надзор». Надзор усилим вдвое.
Но кто в опасности?

Входит привратник и с глубоким поклоном приближается к Рюи Блазу.

Что там еще такое?

Привратник

Угодно ль вам принять французского посла?

Рюи Блаз

Д'Аркура? Не могу: другие есть дела.

Привратник

(с поклоном)

Имперский нунций здесь и просит неотложно Аудиенции.

Рюи Блаз

Сегодня — невозможно.

Привратник с поклоном уходит. За несколько мгновений до этого вошел паж, одетый в ливрею огненного цвета с серебряными галунами, и приблизился к Рюи Блазу.

Рюи Блаз

(заметив пажа)

Мой паж!.. Я никого сегодня не приму.

Паж

(тихо)

Тут ждет дон Гуритан — что мне сказать ему? Прибыв из Нейбурга, он ждет у вас приема.

Рюи Блаз

(жестом выражая удивление)

А! Завтра целый день с утра я буду дома.

В какой угодно час приму его визит.

Паж уходит

Сеньоры, перерыв! Но дело предстоит,
И через два часа прошу опять собраться.

Все уходят, низко кланяясь Рюи Блазу. Оставшись один, он делает несколько шагов по комнате, погруженный в глубокое раздумье. Внезапно в углу ковровая портьера раздвигается, и появляется королева во всем белом, с короной на голове; она сияет от счастья и устремляет на Рюи Блаза взгляд, полный восхищения и уважения. Одной рукой она поддерживает портьеру, за которой виднеется нечто вроде чулана и в глубине его — дверца. Рюи Блаз, обернувшись, замечает королеву и замирает.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Рюи Блаз, королева.

Королева

Как вас благодарить?

Рюи Блаз

О!

Королева

Не могу сдержаться
И руку честную должна пожать, мой друг.

(Быстро подходит к нему, берет его за руку и пожимает ее прежде, чем он успевает ее отнять.)

Рюи Блаз

(в сторону)

Полгода от нее скрывался я — и вдруг...

(Громко.)

Как, государыня, вы здесь?

Королева

Сверх ожиданья
Присутствовала я при вашем совещанье —
И я вас слушала, дыханье затая,
Всем сердцем, всей душой!

Рюи Блаз

Но и не думал я,
Что здесь — тайник.

Королева

О нем лишь мне одной известно,
В стене проделан он: из этой щели тесной,
Невидимо для всех, от глаз людских вдали,
За всем могли следить в Испанье короли.
Тайник устроен был еще Филиппом Третьим;
Супруг мой, Карл Второй, воспользовался этим.
Я видела не раз, как, мрачен и угрюм,
Безмолвно погрузясь во власть тяжелых дум,
Он слушал здесь своих министров разговоры,
И всю бесстыдную торговлю их, и споры,
И соглашения, как продавать его.

Рюи Блаз

И что ж он говорил при этом?

Королева

Ничего.

Рюи Блаз

Как! Что же делал он?

Королева

Он ехал на охоту
И отгонял там прочь гнетущую заботу.
Но вы!.. О, ваша речь звучит в моих ушах!
Вы уничтожили, повергли их во прах.

И как же были вы великолепно правы!
Вы, стоя среди них, так были величавы,
Ваш гнев был сдержанным, но тем он был страшней.
Какая речь! Но где вы научились ей?
Откуда взяли вы подробности все эти?
Мне кажется, что вы все знаете на свете.
И как вы можете причин и следствий нить
Так ясно проследить, так мудро объяснить?
Таким бы должен быть король в величье строгом.
О герцог! В этот миг вы мне казались богом!
Откуда это все?

Рюи Блаз

Откуда? Я скажу:
Я вас люблю. Да, да. И я за вас дрожу.
Я вижу, что они не знают состраданья:
На вас обрушатся их гнусные деянья;
А чтобы вас спасти, я мир спасти готов.
О, выразить мою любовь не хватит слов,
И думаю о вас я, как слепой о свете!
О государыня, простите речи эти.
Любить вас издали, из мрака, — мой удел,
И я вас пальцем бы коснуться не посмел.
Вы ангел, я смотрю на вас в благоговенье,

Но если б знали вы души моей мученья!
Полгода я молчал, и, чувства затая,
Я встречи избегал, но как терзался я!
Ах, что мне целый мир? Мне до него нет дела!
Мой бог, я вас люблю, люблю вас до предела.
Что делать? Как я смел? Скажите мне: «Умри», —
Я с радостью умру. Простите...

Королева

Говори,
О, говори еще! Я слушаю в волненье.
О, дай мне радости, о, дай мне упоенья!
Никто, никто ведь так не говорил со мной!
Как нужен мне твой взгляд! Как нужен голос твой!
Терзался ты? А я? Мой друг, как я терзалась!
Ты избегал меня, а я сто раз пыталась...
Напрасно, может быть, так скоро признаюсь?
Но так несчастна я! Молчу я и боюсь.

Рюи Блаз

(слушает ее с упоением)

Вы жаждущей душе даете утоленье.

Королева

Я все тебе скажу.

(Подняв глаза к небу.)

Пусть это преступленье —
Тем хуже! В сердце к нам нетрудно заглянуть,
Когда страдания нам разрывают грудь.
Ты избегал меня, а я тебя искала.
Я каждый день сюда неслышно проникала,
Я слушала тебя, впивала голос твой,
Твой ощущала ум, блестящий и живой,
И каждое твое решающее слово
Так увлекательно мне было и так ново!
Казалось мне, что ты и только ты один —
Мой истинный король, что ты мой властелин.
За эти месяцы — ты понял, несомненно? —
Тебя возвысить я старалась постепенно,
И то, чего сам бог не сделал для тебя,
Свершила женщина, всем сердцем полюбя.
Я рада твоему блистательному взлету,
Я чувствую во всем, везде твою заботу.
Я помню, как сперва ты мне дарил цветы, —
Теперь империю, мой друг, даришь мне ты.
Ты сердце добротой затронул мне сначала, —
Потом величие твое я увидала.
Где сочетается величье с добротой,
Там к сердцу женщины проложен путь пря-

мой.

Быть может, я грешна, но, мой творец небесный,
Зачем я взаперти, как птица в клетке тесной?
Без проблеска любви во мраке я брожу.
Когда-нибудь тебе все, все я расскажу —
Как я страдаю здесь, одна, совсем в забвенье,
И только новые все время оскорбленья...
Ну вот, подумай сам, что я от них терплю:
Я комнаты моей ужасно не люблю —
Она здесь всех других мрачнее и печальней,
Я заменить ее другой хотела спальней —
Не разрешили мне. Я хуже, чем раба.
Я знаю, что тебя послала мне судьба —
Чтоб родину спасти, спасти народ несчастный
И чтоб любить меня. Я говорю неясно:
Теснятся с уст моих без удержу слова,
Но должен видеть ты, что я во всем права.

Рюи Блаз

(падая на колени)

О государыня!

Королева

(торжественно)

Я душу вам вручаю.

Вам, герцог, честь свою отныне поручаю.
Для всех меня хранит мой королевский сан.
Для вас я — женщина, дон Цезарь де Басан.
Вы — повелитель мой: довольно будет слова,
Чтобы я к вам прийти всегда была готова.
Будь горд, о цезарь мой; ведь гений — твой венец.

(Целует его в лоб.)

Прощай!

(Поднимает ковер и исчезает за ним.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Рюи Блаз один. Он как бы погружен в созерцание небесного видения.

Рюи Блаз

О, небо мне открылось наконец!
Блеснул мне новый свет, и жизнь передо мною
Впервые красотой сияет неземною —
Как будто светлый рай, что видим мы во сне.
Повсюду блеск и свет, горю я, как в огне!
Во мне, кругом, везде, все — тайна, упоенье,
И гордость, и экстаз, и сердца вдохновенье!

Все то, что может нас приблизить к божеству!
Какой-то дивный сон я вижу наяву.
Свершились самые безумные желанья:
Я — герцог! Я — министр! У ног моих Испанья!
И королева мне дарит любовь свою.
Я — выше короля, да, я над ним стою!
Мой ангел, пред тобой склоняю я колени —
И вознесен тобой превыше всех сравнений!
Как ангел с небеси, ты снизошла ко мне,
И я теперь живу в прекрасном звездном сне.
Нет, это был не сон, не греза, не поэма:
На голове ее сверкала диадема;
Я видел, на руке прекрасной был надет
Орлом Испании украшенный браслет...
О ангел прелести и чистоты лилейной,
Доверье сохраню твое благоговейно.
Ты любишь — и ничто не страшно мне теперь.
Тобою избран я; моим обетам верь.
Пред богом я клянусь и клятвы не нарушу:
Как женщине — тебе я отдаю всю душу,
Как королеву — чту тебя, как божество;
Я охраню тебя — не бойся ничего!

За несколько мгновений перед тем в дверь в глубине сцены вошел человек в широком плаще, в шляпе с серебряными галунами. Он медленно подходит к Рюи Блазу, не будучи им замечен, и в то мгновение, как Рюи Блаз, опьяненный восторгом и счастьем, подымает глаза к небу, неожиданно кладет ему руку на плечо. Рюи Блаз оборачивается, словно внезапно пробужденный. Человек сбрасывает плащ, и Рюи Блаз узнает дона Саллюстия. На доне Саллюстии ливрея огненного цвета с серебряными галунами, совсем такая же, как у пажа Рюи Блаза.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Рюи Блаз, дон Саллюстий.

Дон Саллюстий

(кладя руку на плечо Рюи Блаза)

Привет!

Рюи Блаз

(в смятении, про себя)

О, я погиб! Маркиз!

(Дону Саллюстию.)

Вы здесь?

Дон Саллюстий

(улыбаясь)

Едва ли
Ты ждал меня?

Рюи Блаз

Да. Вы врасплох меня застали.

(Про себя.)

Все кончено, меня опять несчастья ждут!
Я видел ангела, а дьявол — тут как тут.

(Бежит к портьере, за которою скрывается тайник, и запирает дверцу на засов. Потом, весь трепеща, возвращается к дону Саллюстию.)

Дон Саллюстий

Ну как идут дела, мой друг?

Рюи Блаз

(не отрывая глаз от бесстрастного лица дона Саллюстия, с трудом собираясь

с мыслями)

На вас ливрея?

Дон Саллюстий

(все еще улыбаясь)

Легко везде пройти мне в образе лакея.
Для этого была ливрея мне нужна,
И вот я взял твою — мне нравится она,
И способа искать не надо мне иного.

(Надевает шляпу.)

Рюи Блаз остается с непокрытой головой.

Рюи Блаз

Но я за вас боюсь...

Дон Саллюстий

Боюсь? Смешное слово!

Рюи Блаз

Ведь вы в изгнании.

Дон Саллюстий

В изгнании? Ах, да!
Возможно.

Рюи Блаз

Днем входить опасно вам сюда:
Легко узнают вас среди дворцовой свиты.

Дон Саллюстий

Оставь! Изгнанники всегда легко забыты.
Для вас, счастливчиков, любимчиков двора,
Тот, кто в монаршую немилость впал вчера,
Сегодня уж забыт. К тому ж что за идея:
Кто станет изучать черты лица лакея?

(Садится в кресло.)

Рюи Блаз продолжает стоять.
Ну расскажи-ка мне, что делается тут?
Какие новости, как при дворе живут?
Да, правда ль? Я слыхал, — хоть трудно дать мне веру, —
Мне говорят, что ты, усердствуя не в меру,
В похвальном рвении, из-за прекрасных глаз
Общественной казны, вот только что сейчас
Приэго выслал, а? Поступок бесполезный.
Ты опрометчив был некстати, мой любезный:
Забыл ты, что у вас с ним близкое родство;
Да, вашей матери кузина — мать его;
Покойница была из рода Сандовалей, —
Не следует, чтоб вы об этом забывали.
Подумайте, у вас — один и тот же герб.
У нас не принято родных вводить в ущерб;

Волк волка ведь не ест — и вы живите дружно;
На слабости родных закрыть глаза вам нужно.

Рюи Блаз

(постепенно овладевая собой)

Сеньор, простите мне, но выслушать молю.
Маркиз Приэго, гранд и близкий королю,
Не должен отягчать Испании бюджета.
Сейчас особенно нам неудобно это:
Испания бедна, и денег нет в казне,
Но войско выставить приходится стране.
Посол баварский мне сказал официально:
Инфант их при смерти, как это ни печально,
Эрцгерцог выступит — и нам грозит война;
Ее не избежать.

Дон Саллюстий

Здесь дует из окна.
Поди закрой его.

Рюи Блаз, бледный от стыда и отчаяния, колеблется, потом, сделав над собой усилие, медленно направляется к окну, закрывает его и возвращается к дону Саллюстию — тот, сидя в кресле, следит за ним с равнодушным видом.

Рюи Блаз

(пытаясь убедить дона Саллюстия)

Прошу у вас вниманья.
Без денег воевать не может же Испанья!
Ей предстоит тогда губительный исход,
И только честностью спасем мы наш народ.
Я императору послал всего два слова, —
Как будто армия давно у нас готова, —
Что я начну войну, хоть в самый краткий срок.

Дон Саллюстий

(прерывая Рюи Блаза и указывая ему на свой платок, который он обронил, входя)

Ступай и подними; я уронил платок.

Рюи Блаз, как под пыткой, снова колеблется, затем наклоняется, поднимает платок и подает его дону Саллюстию. Дон Саллюстий кладет платок в карман.

Ну, что ты говорил?

Рюи Блаз

(делая над собой усилие)

Спасение Испаньи...
Она у наших ног, в отчаянье, в страданье!
Народ благословит спасителей своих,
И наш священный долг — забыть себя самих
Для блага общего. Проявим смелость духа!
Везде грабительство, предательство, разруха, —
Так нанесем удар, чтобы народ спасти,
Снять маски с подлецов и воровство смести!

Дон Саллюстий

(небрежно)

Вот красноречие весьма дурного тона!
Из-за какого-то несчастного мильона,
Пылая и гремя, поднять подобный шум!
Любезный мой, у вас направлен дурно ум.

Ведь мы не мелкота, а все аристократы,
Должны жить широко и не смотреть на траты
А вы? Хотите вы, дон Цезарь де Басан,
Любимцем быть купцов и маленьких мещан,
И красноречием своим высокопарным
Надеетесь вы стать в Мадриде популярным?
Для блага общего? Вот громкие слова!
О благе вы своем подумайте сперва.
Ха! Благо общее, спасение Испаньи!
Кричать об этом всем доступно при желанье.
Честь, добродетель, все — пустая мишура,
Слова, которые давно забыть пора.
При Карле Пятом уж все это устарело.
В вас есть природный ум — возьмитесь же за дело,
Оставьте пафос ваш актерам для игры!
Доверье? Правда? Честь? Воздушные шары!
У мамки на руках сидели вы давно ли?
А мы уже их все со смехом прокололи,
И весь ничтожный пар умчался к облакам.

Рюи Блаз

Однако же, сеньор...

Дон Саллюстий

(с ледяной улыбкой)

Я удивляюсь вам.
Но шутки в сторону — поговорим о деле.

(Отрывисто и повелительно.)

Сейчас мой замысел уж очень близок к цели.
Я завтра поутру в твой частный дом приду, —
Готовый экипаж пусть ждет меня в саду,
И ни одной души, — ты понимаешь? — кроме
Моих немых рабов, чтоб не застал я в доме.
О смене лошадей я позабочусь сам.
А деньги надобны? Я сколько хочешь дам.

Рюи Блаз

Исполню точно все, но поклянитесь мне вы,
Что план ваш не грозит ничем для королевы!

Дон Саллюстий

(играл разрезным ножом слоновой кости, который он взял со стола; полу-обернувшись)

При чем же ты-то здесь?

Рюи Блаз

(пошатнувшись, смотрит на него в ужасе)

Меня терзает страх!

Вы страшный человек, и я у вас в руках.
Меня влечете вы десницею железной.
Я в ужасе стою, склонясь над адской бездной.
Ваш план чудовищен. О, сжальтесь, я молю!
Открою тайну вам — ведь я ее люблю.

Дон Саллюстий

(холодно)

Я это знал давно.

Рюи Блаз

Мой бог! Вы это знали?

Дон Саллюстий

Так что ж из этого?

Рюи Блаз

И так вы поступали?

(Прислонясь к стене, чтобы не упасть, говорит как бы сам с собой.)

Так сделал он меня игралищем своим!
Злодей! Как грозная судьба неумолим,
Обрек он жизнь мою сознательно на муку.

(Подымает глаза к небу.)

О боже мой, простри спасительную руку,

Приди на помощь мне!

Дон Саллюстий

Вы просто мне смешны.
Довольно! Мой приказ исполнить вы должны.
Я это вам своей приказываю властью.
Мои намеренья — дорога ваша к счастью.
Ступайте же вперед: назад вам нет пути.
Несчастную любовь мы все должны пройти,
Но ваши чувства все мой замысел превысит.
Судьба империи от этого зависит.
Я с вами говорю как друг, ваш ум ценя,
Но вам вполне понять советую меня.
Я добр. Но вы должны подобны быть сосуду,
В который мог бы я любую влить причуду.
И вы должны бы знать, что для меня лакей —
Игрушка и слуга фантазии моей.
Сначала вам велю носить одну личину.
Потом другую дам, а эту с вас я скину.
Вы роль играете, какую я хочу,
И это только роль, которой я учу.
На время сделал вас придворным и вельможей,
Но место верное для вас — в моей прихожей.
Да, милый мой, всего лишь несколько минут
Вы с королевою любезничали тут, —

Не сомневаюсь я, мгновенья были сладки, —
А завтра встанете за мною на запятки.
Придите же в себя!

Рюи Блаз

(слушал дона Саллюстия растерянно, словно не веря своим ушам)

О милосердный бог!
Но чем я заслужить такую кару мог?
Какое совершил я в жизни преступленье,
Чтоб за него нести такое искупленье?
Ведь есть же в небе бог! Отцом зовут его...
Кто мог бы вынести? Скажите, для чего
Вы, никакой вины не ведая за мною,
Пытаете меня безжалостной рукою?
Иль надо сердце вам влюбленное разбить,
Чтоб только месть свою злорадно утолить?

(Говорит сам с собою.)

Конечно, это месть, и в беспощадном гневе,
Я знаю, отомстить он хочет королеве.
Как быть? Открыть ей все? В глазах ее прочесть
Презренье и боязнь? Навек утратить честь?
Она узнает все — что я обманщик жалкий,
Которого легко прогнать ударом палки!

Позор! Отчаянье! Нет, я умру сперва...
О, я схожу с ума! Кружится голова!

(Молчание. Задумчиво.)

Придумать механизм губительной машины,
Устроить самому колеса и пружины,
С искусством дьявольским пригнать за частью часть
И, чтоб испробовать ее, ей бросить в пасть —
Что?.. Жалкий лоскуток! Пустую вещь! Лакея!..
И холодно смотреть при этом, не бледнея,
Как, кровью залито, летит из-под колес
Что было головой и сердцем, полным грез,
Как брызжет кровь и мозг! Глядеть, не вспоминая,
Что здесь был человек, была душа живая!

(Дону Саллюстию.)

Но сжальтесь, мой сеньор! Ведь время не ушло,
И колесо еще в движенье не пришло.

(Бросается к его ногам.)

Молю не за себя! О, сжальтесь вы над нею!
Я верный был слуга. Всей жизнью вам моею
За это заплачу!

Дон Саллюстий

Не хочет он понять...
Как скучно!

Рюи Блаз

(у его ног)

Я молю пощады!

Дон Саллюстий

Как, опять?
Короче, милый мой, мне фразы надоели...

(Поворачиваясь к окну.)

Закрыли плохо вы, ужасно дует в щели.

(Подходит к окну и закрывает его.)

Рюи Блаз

(вставая)

Довольно же! В лицо взгляну я палачу!
Под вашею пятой лежать я не хочу!
Забыли, верно, вы: я — герцог де Ольмедо,
Министр всесильный здесь! Да, да! За мной победа!

Дон Саллюстий

Что это он сказал?.. Скажите еще раз.
Да вы ослеплены! Вы — герцог, Рюи Блаз?

Нет, милость получил монаршую такую
Дон Цезарь де Басан!

Рюи Блаз

Но я вас арестую!

Дон Саллюстий

А я, любезный мой, вас выдам головой.

Рюи Блаз

Но...

Дон Саллюстий

Вы все скажете? Я риск предвидел свой.
Да, да... Обрушится на вас вся мощь удара.
Кого из нас двоих скорей постигнет кара?

Рюи Блаз

Все обвинения я буду отрицать.

Дон Саллюстий

Но разве можно так по-детски рассуждать?

Рюи Блаз

Где доказательства?

Дон Саллюстий

Вам память изменила.

Должны бы помнить вы... За мною правды сила.
Перчатка только вы, а я, мой друг, рука.

(Приблизившись к Рюи Блазу.)

Довольно лишних слов. Закончим мы пока.
Но помни: если ты мне слепо не послужишь
И данный мной приказ хоть в чем-либо нарушишь
И если вздумаешь кому-нибудь шепнуть
Хотя бы слог один, посмеешь намекнуть
Хоть взглядом, помешать моей пытаясь мести, —
Та, за кого дрожишь, навек лишится чести!
Я приготовлю ей ужасную судьбу:
Я выставлю ее к позорному столбу!
Все унижения публичного скандала
Она изведает. Но этого мне мало:
Уже готов пакет; на нем моя печать.
Я в нем записочку пошлю ей прочитать.
Она написана — ты помнишь, чьей рукою?
С одною подписью... Не помнишь ли, с какою?
Прочтет: «Я, Рюи Блаз, даю расписку в том,
Что был лакеем взят к маркизу Финлас в дом
И буду, как слуге хорошему прилично,
Всегда ему служить и тайно и публично... »

Рюи Блаз

(сломлен; упавшим голосом)

Исполню все.

Дверь в глубине открывается. Возвращаются члены тайного совета. Дон Саллюстий быстро закутывается в плащ.

Дон Саллюстий

(тихо)

Идут. До завтра, милый мой.

(Отвешивает Рюи Блазу низкий поклон; громко.)

Имею честь пребыть покорнейшим слугой.

(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ДОН ЦЕЗАРЬ

Маленькая комната, роскошно убранная и плохо освещенная. Панель и мебель в старинном стиле со старинной позолотой. На стенах старинные обои из малинового бархата, местами, особенно за спинками кресел, потертого и лоснящегося; широкий золотой позумент делит обои на вертикальные полосы. В глубине двустворчатая дверь. В срезанном углу слева большой лепной камин времен Филиппа II, с гербом на железном щите внутри него. С противоположной стороны, в срезанном углу, низенькая дверца, ведущая в темную комнатушку. Единственное окно слева, расположенное очень высоко, забрано решеткой и снабжено снизу щитком, как это бывает на тюремных окнах. На стене несколько закоптелых и полустертых старых портретов. Комод для платья с венецианским зеркалом. Большие кресла времен Филиппа III. У стены шкаф с богатой резьбой. Четырехугольный стол с письменными принадлежностями. В одном из углов маленький круглый столик с золочеными ножками. Утро.

При поднятии занавеса Рюи Блаз, весь в черном, без плаща и цепи Золотого Руна, взволнованный, расхаживает большими шагами по комнате. В глубине стоит паж, неподвижный и как бы ожидающий приказаний.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Рюи Блаз, паж.

Рюи Блаз

(говорит сам с собой)

О ней лишь мысли все, о ней, о ней одной!
Что делать? Как ее спасти? Любой ценой, —
Пусть череп размозжить о стену будет надо,
Пусть плаха ждет меня и все мученья ада!
Отдать и жизнь, и кровь, и душу — пустяки!
Но как спасти ее, как разорвать силки?
Нет положения страшней и безысходней!
О этот человек! Злой дух из преисподней...
Появится... затем вновь уползет во тьму!
Я замыслов его ужасных не пойму,
Но должен угадать, прозреть, что он готовит!
Его предательства ничто не остановит, —

Он страшный человек, и сердце в нем мертво!
Я жалок был и глуп — я умолял его!
Я тигра хищного надеялся растрогать,
Когда в добычу он впустил уж острый коготь.
Ужель он с жертвою расстанется своей?
За королеву я молил его, лакей!
Как страшно с высоты упал я после взлета!
Но дело не во мне: о ней одна забота.
Через какую щель появится он здесь?
Как это угадать? В его руках я весь,
Он всем владеет тут, и все ему послушно.
Как вправе этот пол топтать он равнодушно,
Так вправе растоптать и сердце он мое.
Но речь не обо мне — ее спасти, ее!..
О, ненависть его идет к ней издалека.
Я проследить никак не мог ее истока,
И в тайну черную его я не проник.
Я слаб, как бурею колеблемый тростник.
Но попытаюсь все обдумать я сначала.
Как сделать, чтоб она дворца не покидала?
Опасность — в этом. Да! Она близка! Чутьем
Я чувствую ее, хотя не вижу — в чем.
Но только должен я во что бы то ни стало
Дать знать ей, чтоб она дворца не покидала.
Как это сделать мне? Придумать не могу.
Ее так стерегут! Нельзя послать слугу.

Один, совсем один средь вражеского стана!

(Погружается в тягостное раздумье. Потом, словно озаренный внезапной мыслью и проблеском надежды, поднимает голову.)

Однако что же я! Забыл дон Гуритана.
Он честный человек, ее он любит сам.

(Сделав пажу знак приблизиться, тихо)

Мой паж, скорей беги ты во дворец и там
Без промедления найди дон Гуритана.
Его застанешь ты — еще ведь очень рано.
Ты передай ему нижайший мой поклон;
Скажи, что я прошу, чтоб оказал мне он
Услугу: поспешил увидеть неотложно
Ее величество — секретней, как возможно —
И просьбу от меня немедля передать:
Ни в коем случае дворца не покидать.

(Возвращает пажа.)

Стой! Помешаем мы предательскому плану!

(Вырывает листок из записной книжки и, положив его на колено, быстро пишет.)

«Молю довериться во всем дон Гуритану!»

(Складывает листок и отдает пажу.)

Пусть это ей отдаст, а сам, как верный страж,
Все время пусть следит за ней. Беги, мой паж!
Да! Если б говорить он начал о дуэли,
Которую мы с ним закончить не успели,
То скажешь ты ему, что я вину мою
Без спора перед ним всецело признаю,
Что принесу ему публично извиненья,
Но что сейчас одна минута промедленья
Грозит ей гибелью. Не выходить три дня!
Исполнишь в точности все это для меня?

Паж

Вы добрый господин, я предан вам сердечно.

Рюи Блаз

Серьезно это все и важно бесконечно.
Ты понял хорошо?

Паж

Все понял.

Рюи Блаз

Молодец.

Паж

Все сделаю.

(Уходит.)

Рюи Блаз

Лети, мой маленький гонец.

(Падает в кресло.)

Вот стало на душе спокойнее немного.
Но все еще кипит невольная тревога,
Смятение в уме и в голове туман:
Боюсь я что-нибудь забыть... Дон Гуритан...
Но я — что делать мне? Приказ — повиноваться.
Он приказал мне ждать... Не буду дожидаться!
Уйду и скроюсь я, так выиграю день.
Пойду в соседний храм: его святая сень
Навеет на душу мою успокоенье,
И, может быть, сам бог укажет мне спасенье.

(Берет свою шляпу с этажерки и звонит в колокольчик, стоявший на столе.)

В глубине комнаты появляются два негра, одетые в светло-зеленый бархат и парчу их кафтаны — в складку, с длинными полами.

Сюда один сеньор придет с своим ключом:
Ему я отдаю в распоряженье дом, —
Его приказы все покорно исполняйте.

А если явится...

(После минутного колебания.)

Ну что же: всех пускайте.
Сегодня для гостей открыта дверь моя, —
Теперь мне все равно.

(Жестом отпускает негров — те почтительно кланяются и уходят.)

Пойду!

(Уходит.)

В то самое мгновение, когда дверь закрывается за Рюи Блазом, в камине раздается страшный шум, и из него вылезает человек, закутанный в рваный плащ. Это дон Цезарь.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дон Цезарь

(смущенный, запыхавшийся, растрепанный, оглушенный; лицо его выражает радость и тревогу)

Уф! Вот и я!

(Поднимается, потирая ногу, ушиблен-

ную при падении, и выходит вперед с множеством поклонов, держа шляпу в руке.)

Беседу я прервал? Простите, ради бога!
Я только прохожу, хоть странною дорогой...

(Останавливается посреди комнаты и замечает, что он один.)

Здесь нету никого? Э, что за чудеса!
Я с крыши явственно тут слышал голоса.
Нет никого? Куда же я попал? Занятно!

(Садясь в кресло.)

Но одиночество порою нам приятно.
Я наземь вырвался, как утопавший пес,
И мне слепит глаза и заливает нос.
Еще кругом себя не вижу ничего я...
Собраться с мыслями... минуточку покоя...
Вот приключений цепь! Садись пиши роман!
Свобода! Золотом наполнен мой карман!
Три альгвасила вдруг — без дальних слов — в колодки!
Неделя плаванья в какой-то жалкой лодке,
Потом все ужасы пиратского гнезда,
Потом какие-то чужие города...
И как же били там меня, великий боже!

А взгляды пылкие красотки желтокожей!
Побег мой с каторги! И дома я опять.
Но дальше — нет, нельзя в романе описать:
Едва попал в Мадрид, вдруг те же альгвасилы
Навстречу! Я — бежать, как от нечистой силы.
Бегу, и по пятам они бегут за мной!
Вдруг путь мне прегражден высокою стеной;
Перемахнув ее в один момент, как птица,
Я вижу дом в саду — там я решил укрыться.
Ну да, но как же мне проникнуть в самый дом?
Все пусто, никого не вижу я кругом.
Взобрался на карниз, потом все выше, выше...
Цепляясь, лезу вверх — и сел верхом на крыше.
Потом предаться я решил моей судьбе —
И в этот мирный дом спустился по трубе.
Так в безопасности пока я очутился;
Но мой последний плащ в лохмотья превратился!
Он все делил со мной, мой бедный старый друг, —
Немало потерпел от бурь, дождей и вьюг.
Теперь уж в нем пленять я не могу красавиц...
О дьявол! Мой кузен — отъявленный мерзавец!

(Рассматривает себя в маленьком венецианском зеркале, стоящем на большом

комоде с резными ящиками, бросает взгляд на камин. Снимает плащ и рассматривает в зеркале свой камзол из розового шелка, истрепанный, рваный и заплатанный.)

Как ногу я ушиб! Однако поищу
Замену моему злосчастному плащу.
Быть может, что-нибудь найдется здесь?

(Выдвигает ящики комода. В одном из них находит плащ светло-зеленого бархата, расшитый золотом, подаренный Рюи Блазу доном Саллюстием. Дон Цезарь разглядывает плащ и сравнивает его со своим.)

Отлично!
Так буду я одет достаточно прилично.

(Набрасывает зеленый плащ себе на плечи, а на его место укладывает в комод свой плащ, тщательно его сложив; затем кладет туда же свою шляпу, засовывает ее под плащ и задвигает ящик. Гордо расхаживает по комнате, закутавшись в роскошный плащ, вышитый золотом.)

Итак, все позади — скитания и плен.
Я снова здесь. Да, да, милейший мой кузен!
Вы к тиграм в Африку сослать меня хотели?
Но я вам отомщу! Вы не добьетесь цели.
Да, я вам отомщу, и страшной будет месть!
Вот только дайте мне как следует поесть, —
В сопровождении моей беспутной шайки,
Под именем своим, открыто, без утайки,
Явлюсь в ваш дом — и вас моим кредиторам
На растерзание живого я отдам!

(Заметив в углу великолепную пару сапог с кружевными отворотами, сбрасывает свои старые сапоги и бесцеремонно надевает новые.)

Теперь обследую я мой приют случайный.

(Осматривает всю комнату.)

Здесь словно дышит все трагическою тайной.
Закрыты ставни все, и двери на замке, —
Какая-то тюрьма от мира вдалеке.
Как будто бы сюда лишь сверху попадают —
Да, сверху, как вино в бутылки наливают.

(Со вздохом.)

Что может лучше быть хорошего вина?

(Замечает дверцу направо.)

Вот дверца. Поглядеть, куда ведет она!

(Открывает дверцу, быстро входит в соседнюю комнату и возвращается, жестами выражая изумление.)

Тайник без выхода! Да где ж я очутился?
Но хорошо, что я от альгвасилов скрылся!

(Идет к двери в глубине, открывает ее и заглядывает внутрь; затем захлопывает дверь и возвращается на авансцену.)

Все пусто. Ну так что ж? И что плохого в том,
Что вижу в первый раз подобный странный дом?

(Снова усаживается в кресло, зевает и почти тотчас же встает.)

Вот положение! Мой бог, какая скука!

(Заметив угловой шкафчик в левой стене.)

Как будто книжный шкаф?

(Подходит и открывает шкаф. Оказывается, это кладовая, наполненная всякой снедью.)

Смотрите, что за штука!
Тут все для завтрака: вино, паштет, арбуз...
О! Угощение на самый тонкий вкус!
Я был предубежден: прекрасное жилище,
И превосходный тут запас питья и пищи.

(Рассматривает бутылки.)

Почтенный книжный шкаф! Какие книги в нем!

(Берет круглый столик, стоящий в углу, переносит его на авансцену и весело расставляет бутылки и блюда. Добавляет стакан, тарелку, вилку и прочее. Затем берет одну из бутылок.)

Вот это мы сперва внимательно прочтем!

(Наливает стакан и выпивает залпом.)

Произведение великого поэта,
Что солнцем мы зовем! О, с чем сравнится это?

(Садится, наливает второй стакан и пьет.)

С какою книгою? В какой же из поэм
Найдем такой огонь и вкус?

(Пьет.)

Теперь поем.

(Принимается за паштет.)

О псы проклятые! Но я их сбил со следа.

(Ест.)

Вот украшение для царского обеда!
А вдруг появится хозяин?

(Идет к шкафу и, взяв оттуда стакан и прибор, ставит их на стол.)

Ничего:
Мой завтрак разделить я приглашу его!
Ох, только бы меня не выгнал он отсюда!
Скорее поспешу очистить лучше блюдо.

(Накладывает себе полную тарелку.)

Покончив с завтраком, я осмотрю весь дом.
Но интересно знать — кто проживает в нем?
На свете всякое бывает — и, пожалуй,
Хозяин этих мест веселый, добрый малый.
Тут не без женщины: пари держу, что тут
Таинственной любви какой-нибудь приют.
Чего бояться? Я не преступил закона;
Хозяин не понес особого урона.
Приюта у него я попрошу, как встарь
Просили в Греции,

(становится на одно колено и обхватывает стол руками)

обняв чужой алтарь.

(Пьет.)

Нет, у плохих людей, конечно, не бывает
Подобного вина! А если пожелает
Пожаловать сюда, то милости прошу.
Так, решено: себя назвать я поспешу.
Дон Цезарь де Басан, не нойте и не трусьте!
А! Вы попляшете, любезный дон Саллюстий!
Вы рады будете, проклятый негодяй,
Когда к вам свалится, как с неба, невзначай
Сафари! Шалопай! Бандит! Бездомный нищий!
Извольте-ка его принять в своем жилище!
Дон Цезарь де Басан — двоюродный ваш брат.
Воображаю, как в Мадриде зашумят!
«Откуда он взялся? Когда приехал? Ночью?
Вы можете его увидеть все воочью
Вот имя славное, забытое давно!»
Взорвется бомбою среди всех вас оно.
«Дон Цезарь де Басан? Да он давно в могиле!
О нем не думали! О нем не говорили!
Так он не умирал?» — Нет, жив он и здоров,
Не думал умирать и вам служить готов!
Мужчины скажут: «Черт!», «Ах, боже!» — ска-

жут дамы.

Развязка славная настала бы для драмы,
Когда б не мог ее испортить грозный лай
Кредиторов...

Шум за дверью.

Идут! Ну, Цезарь, не плошай!

(До самых глаз закутывается в плащ.)

Дверь в глубине отворяется. Входит лакей в ливрее, неся за спиной большую сумку.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дон Цезарь, лакей.

Дон Цезарь

(окидывая взглядом лакея с головы до ног)

Кто нужен вам, мой друг?

(В сторону.)

Поболее апломба.

Лакей

Дон Цезарь де Басан.

Дон Цезарь

Он здесь.

(В сторону.)

Вот это — бомба!

(Лакею.)

Дон Цезарь — это я.

(Открывает лицо.)

Лакей

Дон Цезарь де Басан?

Дон Цезарь

Он самый. Де Басан. Дон Цезарь. И мой сан — Граф де Гаро...

Лакей

(кладя сумку на кресло)

Прошу проверить — все ли точно.

Дон Цезарь

(ошеломлен; в сторону)

Как! Деньги?

(Лакею.)

Но, мой друг...

(В сторону.)

Да, деньги! Как нарочно!

Лакей

Приказано вручить мне эту сумму вам.

Дон Цезарь

(напуская на себя важность)

Ах, да! Я и забыл!..

(В сторону.)

Пускай пойду к чертям!
Понять я не могу — с какой все это стати?
Да что тут размышлять? Необычайно кстати!

Лакей

Извольте сосчитать.

Дон Цезарь

Нужна расписка вам?

Лакей

Нет, не нужна сеньор...

Дон Цезарь

(указывая на стол)

Так положите там.
А кто же вас прислал?

Лакей кладет сумку на стол.

Лакей

Тот, от кого вы ждете.

Дон Цезарь

А, ну, конечно, так. Отлично: мы в расчете.

Лакей

Сеньор, который вам со мною деньги шлет,
Мне приказал сказать: «Их посылает тот,
Кого вы знаете, — на то, что вам известно».

Дон Цезарь

Кого я знаю и на то, что мне... Прелестно!

Лакей

От нас обоих он строжайшей тайны ждет.
Тсс... Тсс...

Дон Цезарь

Тсс... Тсс... Итак, послал мне деньги тот...
Так фраза хороша, что повторить уместно:

«Кого вы знаете...»

Лакей

«...На то, что вам известно».
От нас обоих ждет строжайшей тайны он.

Дон Цезарь

Все ясно.

Лакей

Для меня приказ его — закон.
Не знаю ничего, но исполняю честно.
Ведь вам известно все?

Дон Цезарь

Еще бы! Все известно!
Яснее ясного!

Лакей

Достаточно с меня.

Дон Цезарь

Все знаю, все беру, труды твои ценя.

Лакей

Тсс!..

Дон Цезарь

Тсс!.. Все быть должно строжайшей тайной скрыто.

Лакей

Сочтите же, сеньор...

Дон Цезарь

(любуясь сумкой)

Ах, как брюшко набито!

Лакей

Но сосчитайте же, я вас прошу. А вдруг...

Дон Цезарь

Да за кого меня ты принимаешь, друг?
Ведь сразу по лицу людей мы видим честных.

Лакей

Извольте! Золото — в дублонах полновесных:
Не меньше унции. В пиастрах серебро, —
Известна сумма вам.

Дон Цезарь

(в сторону)

Где я возьму перо,
Чтоб это описать? Тут чудеса такие...
Роман мой кончился — идет уж феерия.

Как будто, золотом доверху нагружен,
Ко мне из Мексики явился галион!

(Открывает сумку, вытаскивает из нее несколько мешочков с золотом и серебром, развязывает их и высыпает содержимое на стол; потом начинает брать деньги пригоршнями и наполнять себе карманы: набив один карман, принимается за другой, ищет, где у него еще карман, и как будто вовсе забывает о лакее.)

Лакей

(безучастно глядя на него)

Теперь покорно жду, сеньор, я приказаний.

Дон Цезарь

(оборачиваясь)

Каких?

Лакей

Мне сказано, чтобы без опозданий
Исполнил быстро я, и с точностью вполне,
Все, что известно вам и неизвестно мне.
Тут важный интерес...

Дон Цезарь

(прерывая его, с понимающим видом)

Общественный и частный,

Лакей

Большой поспешности он требует.

Дон Цезарь

Прекрасно.

Лакей

Что мне приказано — я вам передаю.

Дон Цезарь

(похлопывая его по плечу)

Да, исполнительность я оценил твою.

Лакей

И вам меня прислал сеньор в распоряженье,
Чтоб я вам помогал.

Дон Цезарь

Какое одолженье!
Исполним же все то, чего желает он.

(В сторону.)

Черт! Что же мне сказать?

(Громко.)

Приблизься, галион!

(Наполняет второй стакан.)

Сначала выпей-ка.

Лакей

Что?

Дон Цезарь

Пей без рассужденья.

(Лакей пьет. Дон Цезарь снова наполняет его стакан.)

Малага... Не вино, а прямо наслажденье!

(Усаживает лакея и заставляет его пить, все время подливая ему. В сторону.)

Уже осоловел.

(Разваливается в кресле; громко)

Давай поговорим.

Что значит — человек? Ничтожный черный дым
От пламени страстей; пройдет неуловимо —
И вот уж нет его. Да нет, мы хуже дыма:

По дымовой трубе стремится кверху дым...

(Снова наливает лакею вина.)

Он к небесам летит — мы на землю летим.

(Потирает себе ногу.)

Нет, друг мой; человек не дым — свинец презренный.

(Наполняет оба стакана.)

И песня пьяницы любого, несомненно,
Дороже всех твоих червонцев, милый мой.

(Наклоняется к нему с таинственным видом.)

Благоразумными должны мы быть с тобой:
Чрезмерно нагрузив, легко сломать рессоры,
И стены рушатся, оставшись без опоры...
Как давит воротник! Поправь-ка мне аграф.

Лакей

(гордо)

Не камердинер я; прошу прощенья, граф.

(Прежде, чем Цезарь успевает ему помешать, берет со стола колокольчик и звонит.)

Дон Цезарь

(испуган; в сторону)

Он позвонил! Придут, и я пропал без спора! Погиб!

Входит негр. Дон Цезарь, до крайности встревоженный, отворачивается, не зная, что делать.

Лакей

(негру)

Поправьте-ка застежку у сеньора.

Негр чинно подходит к дону Цезарю, смотрящему на него с изумлением, поправляет застежку на плаще, кланяется и уходит; дон Цезарь ошеломлен.

Дон Цезарь

(встает из-за стола; про себя)

Я положительно в гостях у Сатаны.

(Выходит на авансцену и прохаживается большими шагами.)

Отлично! Ведь с судьбой мы спорить не вольны.

Что в руки нам плывет, то надо брать. Чудесно!
Но что же с деньгами мне делать, интересно?

(Оборачиваясь к лакею, который, сидя за столом, продолжает пить вино и покачивается на стуле.)

Минутку подожди.

(Размышляет; про себя.)

Что, если бросить в пасть
Моим кредиторам — не все, хотя бы часть?
Слегка их покропить для их успокоенья?
Не стану поливать я сорные растенья!
Придет же в голову... Я разум потерял!
Ох, это золото! Будь горд, как Ганнибал, —
Оно испортит все губительным соблазном
И место даст в тебе стремленьям буржуазным.
Платить свои долги, хотя бы даже часть, —
Так Цезарь де Басан не может низко пасть!
Платить свои долги... Чистейшее безумье!

Лакей

(осушая стакан)

Так что ж прикажете?

Дон Цезарь

Ты видишь, я в раздумье.

А ты покамест пей.

Лакей снова принимается за вино. Дон Цезарь продолжает размышлять и вдруг ударяет себя по лбу, как бы озаренный мыслью.

Да. Вот прекрасный план!

(Лакею, указывая на золото.)

Возьми. Клади в карман! Теперь в другой карман.

Лакей встает, пошатываясь, и набивает золотом карманы своего камзола. Дон Цезарь помогает ему.

Плыви, мой галион, не попадись пиратам!
На улице Козлов, под номером девятым,
Домишко ты найдешь. Узнать не мудрено:
Бумагой крайнее заклеено окно.
Будь осторожнее, скажу одно тебе я, —
На лестнице легко сломать в потемках шею.

Лакей

Крутая лестница?

Дон Цезарь

Головоломна, да.

Так вот, на самый верх взберешься ты туда.
Там на чердак ведет малюсенькая дверца,
Входи и попадешь к моей ты даме сердца.
Будь с ней почтителен. Легко ее узнать:
Дешевенький чепец, наряд ему под стать;
Копна волос — огонь! Люсинда, знай, бывало,
Для папы самого фанданго танцевала.
Глаза как индиго! Дашь сто дукатов ей.
Потом в соседний дом ступай ты поскорей.
Ютится там один великолепный малый:
Над левой бровью шрам, а нос, как роза, алый;
Надвинут старый фетр на самые глаза;
При шпаге, в рубище, всей улицы гроза...
Шесть пьястров от меня отдай ему с приветом.
Там перекресток есть. На перекрестке этом
Подвальчик ты найдешь — так, черная дыра,
Где вечно пение, крик, ссоры и игра.
Да, в этот кабачок знакома мне дорога!
Как постоянный гость, сидит там у порога
Приятель мой — его зовут «Бездонный чан»;
Там пьет и курит он, с утра уж полупьян.
Нежнейшая душа, он мне сердечно дорог.
Ты выдай от меня ему червонцев сорок.
Пусть не благодарит, — я слов ведь не люблю,
—
Но сразу все пропьет, а я еще пришлю.

Ты всем, кто в кабачке, дай денег не жалея:
Пусть удивляются и станут веселее.

Лакей

А что прикажете потом?

Дон Цезарь

Вот дуралей!
Все, что останется, немедленно пропей!
Шуми, и бей горшки, и веселись! Короче —
Кути! И возвратись домой лишь завтра к ночи!

Лакей

Я понял вас, мой принц.

(Зигзагами направляется к двери.)

Дон Цезарь

(глядя на его походку, про себя)

Бывал ли кто пьяней?

(Подзывает его.)

Да, вот что: сохраняй престиж в глазах людей;
Вслед за тобой пойдет вся улица, наверно.
Будь благороден ты, веди себя примерно,
И ежели дукат уронишь невзначай,
То ты внимания никак не обращай

И не жалей отдать от своего излишка.
Пусть подберет его какой-нибудь воришка,
Или бедняк-писец, или школяр-смутьян,
А если кто-нибудь залезет в твой карман —
Он тоже человек... Мы милосердны будем;
Хоть каплю радости должны давать мы людям.

(Меланхолически.)

Их виселица ждет, быть может, впереди, —
Так пожалеем их заранее. Иди!

Лакей уходит. Оставшись один, дон Цезарь снова садится за стол, облокачивается на него и погружается в глубокое раздумье.

Наш христианский долг и разума веленье —
Коль деньги есть у нас, пускать в употребленье
На добрые дела. Что ж лучше может быть?
Неделю целую мне есть на что прожить,
А если что-нибудь останется в кармане —
Отдам на церковь я. Но что мечтать заране?
Отнимут золото! Исчезнет все, как сон!
Наверно, в имени моем ошибся он.

Дверь в глубине отворяется. Входит старая, седовласая дуэнья в черном шелковом платье и черной мантилье, в руках у нее веер.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дон Цезарь, дуэнья.

Дуэнья

(с порога)

Дон Цезарь де Басан?

Дон Цезарь

(вскидывает голову; про себя)

А, вот оно! Дуэнья?

Саллюстий иль сам черт в игре тут, без сомненья.

Дуэнья в глубине сцены делает низкий реверанс, дон Цезарь в изумлении выходит на авансцену.

Бьюсь об заклад: кузен появится сейчас.

(Громко.)

Дон Цезарь — это я. Что я могу для вас?

(Про себя.)

Обычно молодым предшествуют старухи.

Дуэнья

(сделав реверанс и перекрестившись)

Сегодня, в постный день, в святом небесном духе
И в господе Христе, привет мой вам, сеньор.

Дон Цезарь

Аминь! Да будет так.

(Про себя.)

Ну, постный разговор,
Наверно, кончится развязкою скоромной.

Дуэнья

Пошли вам мир господь!

(Таинственно.)

Теперь вопрос нескромный:
Не назначали ль вы кому-нибудь письмом
Свиданья тайного сегодня вечерком?

Дон Цезарь

Весьма возможно.

Дуэнья

(достает из мешочка запечатанное письмо и показывает ему, не позволяя взять в руки)

Вы писали эти строки
Той, чьи мечты о вас и нежны и глубоки?
Она известна вам.

Дон Цезарь

Пожалуй, я.

Дуэнья

Так, так.
Муж дамы, кажется, немолодой чудак:
Предосторожностей всегда ей слишком мало.
Меня за справками она сюда прислала.
Ее не знаю я, она знакома вам.
Служанка речь вела со мной. Не надо нам
Имен.

Дон Цезарь

Мое не в счет.

Дуэнья

Понятно, что сеньора

Желает ускользнуть от строгого надзора.
Но подвергается опасности она:
Предосторожность здесь особая нужна,
И потому иметь желает подтвержденье
Она из ваших уст, чтоб не было сомненья.

Дон Цезарь

Вам сказано, что я писал записку ей!
Что делать дальше мне, хочу я знать скорей!

Дуэнья

(кладет на стол письмо; дон Цезарь рассматривает его с любопытством)

Так напишите вы сейчас одно лишь слово
На обороте: «Жду» — и ничего другого.
Не вашим почерком, чтоб не могли узнать.

Дон Цезарь

Понятно!

(В сторону)

Тайны ей не страшно доверять!

Протягивает руку за письмом, но дуэнья быстро его запечатывает, не позволив дону Цезарю до него дотронуться.

Дуэнья

Не велено, сеньор, нельзя ломать печати!
Ведь вы же свой конверт узнали?

Дон Цезарь

(в сторону)

Вот некстати...
Я так хотел прочесть, что написал я тут!
Но будем роль играть.

(Звонит в колокольчик.)

Появляется негр.

Эй, как тебя зовут?
Ты что же, служишь здесь?

Негр утвердительно кивает головой.

Ты грамотный? Ни звука?
Умеешь ты писать?.. Да ты немой! Вот штука!

(В сторону.)

Немые тут еще...

(Негру, указывая на письмо, которое дуэнья придерживает рукой.)

Пиши вот здесь: «Я жду».

Негр пишет. Дон Цезарь знаком велит дуэнье взять письмо, а негру — уйти. Негр уходит.

(Про себя.)

Мне кажется, что я во сне или в бреду.

Дуэнья

(с таинственным видом кладет письмо в сумочку и приближается к дону Цезарю)

Так вечером придет к вам та, что вам известна.
А хороша она, скажите?

Дон Цезарь

О, прелестна!

Дуэнья

Служанка — даже та, как вешний день, мила.
В монастыре ко мне с запиской подошла;
Лицом — что херувим, а взором — дьяволица,
И видно, что проказ любовных не боится.

Дон Цезарь

(в сторону)

Довольно было бы с меня служанки.

Дуэнья

Да...
По слугам судим мы о господах всегда:
Лишь красота красу потерпит — значит, ясно,
Что дама хороша.

Дон Цезарь

О да, она прекрасна!

Дуэнья

(готовясь уйти, делает реверанс)

Целую ручки вам.

Дон Цезарь

Чего еще ты ждешь?

(Дает ей горсть золота.)

На, старая карга...

Дуэнья

(кладет деньги в карман)

Уж эта молодежь!

Дон Цезарь

(торопя ее)

Ступай, ступай!

Дуэнья

Сеньор, была бы я счастливой
И дальше вам служить, — меня зовут Оливой.
В соседний монастырь я каждый день хожу,
И на второй скамье от входа я сижу.

(Уходит.)

Затем дверь снова приоткрывается, и из нее высовывается голова дуэньи.

Прошу не позабыть любезного сеньора:
Всегда в монастыре святого Исидора.

Дон Цезарь нетерпеливо оборачивается. Дверь закрывается, затем снова открывается, и опять просовывается голова дуэньи.

Сегодня вечером...

Дон Цезарь

(нетерпеливо)

Ступай же! Добрый путь!

Дуэнья

Прошу меня в своих молитвах помянуть.

(Исчезает.)

Дверь закрывается.

Дон Цезарь

(один)

Я больше ничему решил не удивляться,
И остается мне на волю волн предаться.
Сегодня утолил я славно аппетит,
И сердце утолить мне скоро предстоит.

(Мечтательно.)

Живем! Но как бы все беда не увенчала!

Дверь в глубине снова открывается. Появляется дон Гуритан; в руках у него две длинные обнаженные шпаги.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Цезарь, дон Гуритан.

Дон Гуритан

(в глубине сцены)

Дон Цезарь де Басан?

Дон Цезарь

(оборачиваясь и замечая дона Гуритана с двумя шпагами)

Того недоставало!
Все: завтрак, золото, любовь, дуэль... Клянусь,
Что прежним Цезарем опять я становлюсь.

Весело, со множеством поклонов направляется к дону Гуритану — тот, сурово на него поглядывая, важно выходит на авансцену.

К услугам вашим я. Прошу вас, потрудитесь
Пожаловать, войти; вот кресло вам, садитесь.

(Подвигает ему кресло.)

Дон Гуритан продолжает стоять.

Я счастлив видеть вас, сеньор; мой дом — ваш дом.
Мы побеседуем по-дружески вдвоем.
Ну как живет Мадрид? О, лучший город мира!
Что, все еще сердца ворует Линдамира?
И Маталобос всех пугает, смелый вор?

По-моему, она опаснее, сеньор!
Ах, эти женщины, вот дьявольское семя!
Недаром из-за них страдаю я все время.
Но помогите мне опять себя найти:
Я чувствую, что я не человек почти!
Восстал из гроба я, пришел с другой планеты,
Отвыкший от людей, бог знает как одетый.
Я деревенский бык, смешной провинциал;
Домой я только что из дальних стран попал.

Дон Гуритан

Я тоже, мой сеньор.

Дон Цезарь

(восторженно)

Так мы поймем друг друга!
С каких же берегов?

Дон Гуритан

Я — с севера.

Дон Цезарь

Я — с юга.

Дон Гуритан

Двенадцать сотен лье проделал я пути.

Дон Цезарь

А я, почтеннейший, две тысячи почти.
В каких местах я был! В каких видал притонах
И черных женщин я, и желтых, и зеленых!
Я небом взысканный, прекрасный видел мир —
И радостный Тунис и белый весь Алжир.
В обычаях своих оригинальны турки:
С преступников они живьем сдирают шкурки,
Сажают на кол их, а голову срубя —
У входов вешают.

Дон Гуритан

Я просто вне себя.
За что же предали меня на посмеянье?
Я в возмущении!

Дон Цезарь

О! Я в негодованье!

Дон Гуритан

Я прямо разъярен!

Дон Цезарь

Я истинно взбешен!

Дон Гуритан

Но шпаги налицо.

Дон Цезарь

Да, шпаги из ножон!

Дон Гуритан

Я изгнан был почти!

Дон Цезарь

Я был почти повешен!

Дон Гуритан

По делу важному отъезд мой был поспешен, —
И что ж я должен был везти на дне ларца?
Записку: «Этого скучнейшего глупца
Подольше при дворе прошу вас задержать я».

Дон Цезарь

(разражаясь хохотом)

Но кто ж так пошутил? Ха-ха-ха-ха!

Дон Гуритан

Проклятье!
Дон Цезарь де Басан!

Дон Цезарь

(серьезно)

Ах, так?..

Дон Гуритан

Каков нахал!
Он с извиненьями лакея мне прислал!
Я даже на глаза не допустил лакея —
Отправил под арест, а сам ищу злодея,
Его хозяина. Изменник и наглец!
Он шпаги ждет моей! Да где ж он наконец,
Дон Цезарь де Басан? Где он?

Дон Цезарь

Он перед вами.

Дон Гуритан

Вы издеваетесь?

Дон Цезарь

Нет, ясными словами
Я заявляю вам: я — де Басан.

Дон Гуритан

Опять?

Дон Цезарь

Ну, разумеется.

Дон Гуритан

Прошу не продолжать.
Оставьте роль играть! Мне шутки надоели.

Дон Цезарь

А мне так вы смешны. Забавно, в самом деле!
Припадок ревности? О, этот яд жесток.
Всегда нам тяжелей наш собственный порок,
Чем оскорбления, что отвести мы ищем;
И я бы предпочел быть не скупцом, а нищим,
И чем ревнивым быть — скорей носить рога.
Но к вам была судьба особенно строга!
Почтеннейший сеньор, мне жалко вас по чести:
И ревность и рога — досталось вам все вместе.
Да, да! Назначено свиданье в час ночной
Мне нынче вашею прелестною женой.

Дон Гуритан

Моей женой?

Дон Цезарь

Ну да.

Дон Гуритан

Да что ж все это значит?
Я не женат.

Дон Цезарь

Но кто из нас кого дурачит?
В негодовании пятнадцать уж минут,
Как разъяренный тигр, бушуете вы тут.
К чему же быть смешным, когда вы не женаты?

Дон Гуритан

Вы знаете ль, что я потребую расплаты?

Дон Цезарь

Ба!

Дон Гуритан

Слишком дерзки вы, сеньор!

Дон Цезарь

Не может быть!

Дон Гуритан

И я заставлю вас за это заплатить!

Дон Цезарь

(рассматривает с нахальным видом башмаки дона Гуритана, которые по новейшей моде едва видны из-под пышных бантов)

Вот удивительно! Случалось видеть прежде

Мне банты пышные на шляпах, на одежде,
Но никогда еще не видел до сих пор
На сапогах мужских я банты вместо шпор.
Как мило!

Дон Гуритан

На дуэль! Довольно!

Дон Цезарь

(невозмутимо)

Неужели?

Дон Гуритан

Хоть не дон Цезарь вы, но вы мне надоели!
Вторая очередь за ним, — я с вас начну.

Дон Цезарь

Боюсь, чтоб вы на мне не кончили войну.

Дон Гуритан

(протягивает ему одну из шпаг)

Хвастун! Немедленно!

Дон Цезарь

(беря шпагу)

Найти б вы не сумели

Мне развлечение приятнее дуэли.

Дон Гуритан

Где бьемся?

Дон Цезарь

За стеной. Ведь дом стоит в глуши,
И в переулке здесь прохожих — ни души.

Дон Гуритан

(пробуя кончик шпаги о паркет)

Убью сначала вас, а после — де Басана.

Дон Цезарь

Вот как?

Дон Гуритан

Ручаюсь вам.

Дон Цезарь

(тоже сгибая шпагу об пол)

Чтоб не было обмана, —
Убьете ль вы меня или я вас убью, —
Но после этого я клятву вам даю,
Что не убьете вы дон Цезаря вторично.

Дон Гуритан

Довольно слов, сеньор, идем!

Дон Цезарь

Идем, отлично!

Уходят. Слышны их удаляющиеся шаги. Справа в стене открывается потайная дверца, и оттуда выходит дон Саллюстий.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дон Саллюстий, один; на нем темно-зеленый, почти черный костюм; он кажется озабоченным; осматривается и прислушивается с беспокойством.

Дон Саллюстий

Приготовлений я не вижу никаких.

(Замечает накрытый стол.)

Что значит это все?

Слышен шум в саду.

Какой-то шум?.. Затих.

(В раздумье прохаживается по аван-

сцене.)

Сегодня Гудиэль пажа его заметил
И проследил его. Да, очень кстати встретил:
Паж к Гуритану шел. Но где же Рюи Блаз?
О дьявол! Этот паж... он исполнял приказ
И поручение имел от господина
Предупредить его! Конечно, тут контрмина!
Немых спросить нельзя. Оплошность тут моя.
Но Гуритана ведь не мог предвидеть я!

Входит дон Цезарь. В руке у него обнаженная шпага; войдя, он бросает ее на кресло.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дон Саллюстий, дон Цезарь.

Дон Цезарь

(с порога)

Ага! Я так и знал: явился старый дьявол!

Дон Саллюстий

(в изумлении оборачивается)

Дон Цезарь!

Дон Цезарь

(скрестив руки на груди, громко хохочет)

Да, я здесь! Довольно я поплавал!
А что-то, милый друг, вы мастерите тут?
Некстати я попал в укромный ваш приют?
Так, сверху бухнулся, как камень, я в трясину!

Дон Саллюстий

(в сторону)

Пропало все!

Дон Цезарь

(смеясь)

Вы здесь плетете паутину —
Я это чувствую; я в доме здесь с утра.
Я вашу сеть порвал — пропала вся игра.
Да, кажется, я вам испортил все. Прелестно!
Тот малый с деньгами «на то, что вам известно»...

Дон Саллюстий

(в сторону)

Проклятье!

Дон Цезарь

(смеясь все громче и громче)

Допьяна его я напоил.

(Смеется.)

Дон Саллюстий

Но что же с деньгами?

Дон Цезарь

(величественно)

Я все их раздарил.
Есть у меня друзья.

Дон Саллюстий

Ты думаешь напрасно,
Что...

Дон Цезарь

(позвякивая золотом в карманах)

Но сперва себе кой-что оставил, ясно.
Пожалуй, поделил по-братски пополам.

(Смеется.)

Ну, а красавица, «та, что известна вам»?..

Дон Саллюстий

О!..

Дон Цезарь

(заметив его беспокойство)

От нее была старуха с красным носом
И с славной бородой; пришла она с вопросом;
Должна ль красавица прийти ко мне сюда?

Дон Саллюстий

(в сторону)

Мой бог!

(Громко.)

Что ж ты сказал?

Дон Цезарь

Я ей ответил: «да»,
И что я жду ее во что бы то ни стало.

Дон Саллюстий

(в сторону)

Кто знает, может быть, не все еще пропало!

Дон Цезарь

Затем был ваш бретер, ваш храбрый капитан,
Который мне себя назвал — дон Гуритан...

Дон Саллюстий делает движение.

Пришел и заявил, от ярости краснея,
Что утром моего не принял он лакея,
И в полном бешенстве дуэль мне предложил...

Дон Саллюстий

Но что ж ты сделал с ним?

Дон Цезарь

На месте уложил.

Дон Саллюстий

Убил? Он мертв?

Дон Цезарь

Боюсь, сомнение бесплодно.

Дон Саллюстий

(в сторону)

О милость божия! Могу вздохнуть свободно.
Он мне не помешал — совсем наоборот;
Но может впереди наделать мне хлопот.
Что деньги? Пустяки! Сотрудник нежеланный
Быть должен устранен.

(Громко.)

Все это очень странно.
И больше никого ты здесь не видел?

Дон Цезарь

Нет.
Но больше сохранять не стану я секрет:
Хочу, чтоб все меня в Мадриде увидали.
О, позабочусь я о миленьком скандале, —
Вам развлечения немало впереди.

Дон Саллюстий

(в сторону)

Черт!

(Быстро приближается к дону Цезарю.)

Деньги все возьми, но только уходи.

Дон Цезарь

Да, как же! Знаю я, устроите вы слёжку,
И снова попаду на прежнюю дорожку.
Но не желаю я носиться по волнам.
Нет, нет, благодарю!

Дон Саллюстий

Поверь...

Дон Цезарь

Ну, будет вам!
К тому ж, придворные интриги ваши зная,
Я вижу, как всегда: здесь лестница двойная.
Идут по ступеням к верхушке с двух сторон
Безжалостный палач и тот, кто осужден.
О, жертву вижу я: в глазах весь ужас муки,
И на спине крестом завязанные руки.
Палач, конечно, вы!

Дон Саллюстий

О!

Дон Цезарь

Меч у вас в руках.
Но снизу лестницу хватаю я — и... ррах!

Дон Саллюстий

Клянусь...

Дон Цезарь

Я не уйду, нет — риск в моей натуре.
Участвовать хочу я в вашей авантюре.
О, вы умны, как бес, — поверьте, тут не лесть.
На ниточке у вас паяцев много есть,
И пляшут все они при каждом вашем жесте:
Так я один из них — и остаюсь на месте.

Дон Саллюстий

Послушай, я тебе все объяснить готов...

Дон Цезарь

Нет, нет, риторика! Не тратьте даром слов.
А! В Африку меня пиратам продаете?
А! Цезарей вы здесь фальшивых создаете?
А! Имя честное порочите мое?

Дон Саллюстий

Случайность чистая.

Дон Цезарь

Да, знаю я ее!
Случайность — кушанье; его не без охоты
Готовят жулики, едят же идиоты.
Случайностей тут нет. К чертям ваш план лети!
Несчастных ваших жертв намерен я спасти.
Я всем скажу, кто я, всем воробьям на крыше!

(Вскакивает на стул и смотрит в окно.)

Вот кстати альгвасил... Эй вы, сюда!

(Просунув руку сквозь решетку окна, машет ею.)

Дон Саллюстий

(на авансцене, испуганно)

Тсс... тише!

(В сторону.)

Коль узнан будет он — час гибели пришел.

Входят альгвасилы, предшествуемые алькадом. Дон Саллюстий в полном замешательстве. Дон Цезарь с торжествующим видом подходит к алькаду.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же, алькад, альгвасилы.

Дон Цезарь

(алькаду)

Прошу вас занести немедля в протокол...

Дон Саллюстий

(указывая алькаду на дона Цезаря)

Что Маталобос здесь известный.

Дон Цезарь

(в изумлении)

Что за шутки!

Дон Саллюстий

(в сторону)

Все будет спасено, коль выиграю сутки.

(Алькаду.)

При ярком свете дня врывается он в дом.
Арестовать его! Тут и грабеж и взлом!

Альгвасилы хватают дона Цезари за шиворот.

Дон Цезарь

(взбешен; дону Саллюстию)

Покорный ваш слуга, сеньор! Вы лжете славно!

Алькад

Но кто ж позвал нас?

Дон Саллюстий

Я.

Дон Цезарь

Да это презабавно!

Алькад

Он смеет рассуждать?

Дон Цезарь

Я — Цезарь де Басан.

Дон Саллюстий

Он — Цезарь де Басан? Вот дерзостный обман!
Снимите плащ с него: у ворота, пониже,
«Саллюстий» вышито, — вы видите?

Альгвасилы срывают плащ, алькад его рассматривает.

Алькад

Да, вижу.

Дон Саллюстий

Колет же, что на нем...

Дон Цезарь

(в сторону)

Судьба играет мной!

Дон Саллюстий

...У графа Альбы был украден им весной.

(Указывая на герб, вышитый на отвороте левого рукава.)

А вот и герб его.

Дон Цезарь

(в сторону)

Да тут не колдовство ли?

Алькад

(рассматривая герб)

Две башни золотых.

Дон Саллюстий

Да. На лазурном поле.

Дон Цезарь пробует вырваться; при этом у него из кармана падает несколько червонцев. Дон Саллюстий указывает алькаду, чем набиты карманы дона Цезаря.

Смотрите, золотом карман его набит.
Кто деньги держит так? Разбойник иль бандит!
Не дорожат казной беспутные бродяги.

Алькад

(качая головой)

Гм, гм...

Дон Цезарь

(в сторону)

Попался я!

Альгвасилы обыскивают его и отбирают деньги.

Альгвасил

А здесь еще бумаги.

Дон Цезарь

(в сторону)

О письма нежные! А я-то их берег!

Алькад рассматривает письма.

Дон Саллюстий

(обращая его внимание на надписи на письмах)

Все к графу Альбе.

Алькад

Да.

Дон Цезарь

Но...

Алькад

Случай нам помог:
Попался в руки к нам разбойник знаменитый.

Альгвасилы

Вот счастье-то!

(Связывают дону Цезарю руки.)

Альгвасил

(входя, алькаду)

Сеньор, в саду лежит убитый!

Алькад

Но кто ж убийца?

Дон Саллюстий

(указывая на дона Цезаря)

Он.

Дон Цезарь

(в сторону)

Ну, мне не повезло...
И надо ж, чтоб дуэль случилась, как назло!

Дон Саллюстий

Вошел со шпагой он.

(Поднимает брошенную доном Цезарем

шпагу и показывает ее алькаду.)

Взгляните.

Алькад

(рассматривает шпагу)

Все понятно.
Улики налицо: вот свежей крови пятна.
Свести его в тюрьму!

(Дону Цезарю.)

Ступай, не рассуждай.

Дон Саллюстий

(дону Цезарю, которого уводят альгвасилы)

Ну, Маталобос, в путь!

Дон Цезарь

(делая шаг к нему и глядя на него в упор)

Какой вы негодяй!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ
ТИГР И ЛЕВ

Та же комната. Ночь. На столе лампа. При поднятии занавеса Рюи Блаз — один. Длинный черный балахон скрывает его одежду.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Рюи Блаз

Итак, конец мечтам, исчезло сновиденье!
Я целый день блуждал по улицам в смятенье, —
И вот уж день прошел. В вечерней тишине
Спокойней дышится и думается мне.
Уж скоро ночь на все набросит покрывало.
Мне верить хочется, тревога миновала.
Вот я пришел домой: спокойно все кругом,
Немые наверху заснули крепким сном,
Вся мебель на местах, все заперто, и стены
Не ждут опасности и не таят измены.
Наверно, до нее достигла весть моя:
Мой паж — он предан мне, не сомневаюсь я;
Дон Гуритан вполне доверия достоин,

Коль речь идет о ней. Могу я быть спокоен.
О, дай поверить мне, всеправедный господь,
Что происки врага сумел я побороть,
Что больше не грозит ничто моей святыне,
Что за нее дрожать не должен я отныне
И порвана навек губительная сеть.
Мария спасена — мне можно умереть.

(Достает спрятанный на груди флакон и ставит его на стол.)

Презренный, ты умрешь! Смерть будет искупленье
За совершенное тобою преступленье.
Ждет бездна темная! Настал последний срок!
Умри в чужом углу, поруган, одинок!

(Распахивает черный балахон, под которым видна ливрея, та самая, что была надета на нем в первом действии.)

Пусть будет саваном тебе твоя ливрея!..
А если явится желанье у злодея
На жертву жалкую прийти сюда взглянуть?..
Ему я прегражу ужасный этот путь!

(Загораживает потайную дверь креслом, затем возвращается к столу.)

Наверное, мой паж застал дон Гуритана:

Когда он уходил, совсем ведь было рано.

(Устремляет взгляд на флакон.)

Хоть тут распоряжусь я сам своей судьбой
И крышку гроба сам захлопну над собой.
Прибегну смело я к заветному напитку —
Сам выбрал казнь свою и сам назначил пытку.
Я утешать могу себя теперь одним:
Мне помешать нельзя — конец неотвратим.

(Падая в кресло.)

О боже, боже мой! Она меня любила!
Что, если б счастие для нас возможно было?

(Закрывает лицо руками и рыдает.)

О боже, помоги, мне не хватает сил!

(Подымает голову и, как безумный, смотрит на флакон.)

Тот, кто мне продал яд, вдруг у меня спросил:
«Какой сегодня день?» А я забыл, не знаю...
Где я и что со мной — я плохо понимаю.
Как голова болит! Сжимает мне виски,
Как будто взяли их в железные тиски.
Людской жестокости нельзя найти предела.
Вы умираете — и никому нет дела...
Мне тяжко. Но меня любила ведь она?

Нельзя нам возвратить исчезнувшего сна,
Нельзя схватить рукой мелькнувшее мгновенье.
Еще я чувствую и уст прикосновенье
К пылающему лбу и взор небесный твой. —
И должен навсегда расстаться я с тобой!
Улыбка милая, руки твоей пожатье,
И легкие шаги, и нежный шелест платья —
Все для меня прошло и скрыто вечной тьмой,
И больше никогда...

(С тоской протягивает руку к флакону.)

В ту минуту, когда Рюи Блаз судорожно сжимает флакон, дверь в глубине открывается. Появляется королева; на ней белое платье и поверх него мантилья темного цвета с капюшоном, который, будучи откинут на плечи, позволяет видеть ее бледное лицо. Она ставит на пол потайной фонарь, потом быстро направляется к Рюи Блазу.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Рюи Блаз, королева.

Королева

(входя)

Дон Цезарь!

Рюи Блаз

(в испуге оборачивается и запахивает балахон, скрывающий ливрею)

Боже мой!
Погибло все! Она во власти адских козней!

Королева

Какой испуг!

Рюи Блаз

Зачем вы здесь, и в вечер поздний?

Королева

Ты звал — и я пришла.

Рюи Блаз

Нет, нет, я вас не звал,
Нет!

Королева

Но зачем ты мне тогда письмо прислал?

Рюи Блаз

(задыхаясь)

Письмо? Я? Вам?

Королева

Да, ты — ведь я твой почерк знаю.

Рюи Блаз

Письмо? Я ничего уже не понимаю.
Какое-то письмо... Да тут сойдешь с ума!
Я к вам не посылал, я не писал письма!

Королева

(вынимает из-за корсажа записку и протягивает ему)

Прочти.

Рюи Блаз

(хватает записку, наклоняется к лампе и читает)

«Сеньора, я в опасности смертельной.
Вы только милостью своею беспредельной
И властью царственной могли б меня спасти...»

(Пораженный, смотрит на письмо, не в состоянии читать дальше.)

Королева

(указывая пальцем на строчку)

«... решившись вечером в мой скромный дом прийти.
Иначе я погиб».

Рюи Блаз

(упавшим голосом)

О, как он предал низко!
Я позабыл совсем. Та самая записка...

Королева

А здесь: «Вас будут ждать у двери потайной
И проведут ко мне...»

Рюи Блаз

(страшным голосом)

Уйдите!

Королева

Боже мой!
Но что я сделала? Вы сердитесь... за что же?

Рюи Блаз

Как — что вы сделали? Как — что? Великий боже!
Вы губите себя!

Королева

Но чем же?

Рюи Блаз

Как помочь?
Мне поздно объяснять! Скорей бегите прочь!

Королева

Ведь чтобы не было и повода к сомненью,
Сегодня я с утра послала к вам дуэнью.

Рюи Блаз

С минутой каждою — как утекает кровь,
Уходит ваша жизнь! Бегите!

Королева

(пораженная внезапной мыслью)

Нет! Любовь,
Такая, как моя, на подвиг вдохновляет.
Я чувствую, что вам опасность угрожает, —
Я с вами остаюсь.

Рюи Блаз

Безумье! В этот час,
Наедине со мной...

Королева

Но ведь письмо от вас.

Его писали вы. Меня вы звали сами.

Рюи Блаз

(в отчаянии поднимая руки к небу)

Мой бог, я вас не звал! Клянусь вам небесами!

Королева

И вдруг хотите вы теперь, чтоб я ушла?

Рюи Блаз

(беря ее за руки)

Поймите же...

Королева

Я все отлично поняла:
Ты написал письмо под первым впечатленьем,
И вот...

Рюи Блаз

Я не писал. Поверьте увереньям.
Несчастное дитя, напрасен подвиг твой:
Ты стала жертвою ошибки роковой,
Ад на тебя восстал, и бог тебя покинул.
Я, чтоб тебя спасти, из груди сердце б вынул...
О, я люблю тебя! Беги!

Королева

Дон Цезарь!

Рюи Блаз

Стой!
Вот мысль ужасная: что, если... боже мой!..
Кто отворил тебе? Как ты сюда попала?

Королева

Мне отпер...

Рюи Блаз

Кто? Скажи?

Королева

Не знаю, не видала.
Он в черной маске был.

Рюи Блаз

Ах, в маске! Это был
Высокий человек, скажи?..

Человек в маске, одетый в черное, входит в дверь в глубине.

Человек в маске

Я ей открыл!

(Снимает маску.)

Это дон Саллюстий. Королева и Рюи Блаз с ужасом узнают его.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и дон Саллюстий.

Рюи Блаз

О государыня! Спасайтесь!

Дон Саллюстий

Нет! Напрасно!
Принцессе Нейбургской остаться не опасно,
А государыни испанской — больше нет.

Королева

(в ужасе)

Вы, дон Саллюстий!

Дон Саллюстий

Да. Исполнен мой обет.

(Указывая на Рюи Блаза.)

Любовника нашли вы в этом человеке,
И неразрывно с ним вы связаны навеки.

Королева

Дон Цезарь, боже мой, да это западня!

Рюи Блаз

(в отчаянии)

О, что вы сделали!

Дон Саллюстий

(медленно подходя к королеве)

Но слушайте меня:
Теперь в моих руках Испаньи королева...
Не бойтесь ничего. Я говорю без гнева.
Здесь в доме, в час ночной, я вас наедине
С дон Цезарем застал. Не возражайте мне.
Довольно этого уж будет несомненно,
Чтоб брак ваш с королем расторгнул Рим мгновенно.
Его святейшество узнает обо всем
Незамедлительно. Но выход мы найдем,
И все останется строжайше под секретом.
Поставьте подпись вы — здесь, на письме вот этом.

(Вынимает из кармана пергамент, разворачивает его и подает королеве.)

Его мы королю от вас передадим.

А сами в экипаж садитесь вместе с ним.

(Указывает на дверь.)

Я приготовил все; вас ждет в саду карета,
В ней с золотом ларец. Послушайте совета:
В дорогу лучше вам отправиться сейчас.
Я сделал все, никто не остановит вас,
Вы прямо можете доехать до Толедо
И — в Португалию, а там пропасть без следа.
Закроем мы глаза... Но выбора вам нет.
Пока мне одному известен ваш секрет,
А коль откажетесь, — прошу, без возмущенья!
—
Узнает весь Мадрид об этом приключенье.
Вы у меня в руках.

Королева

(сраженная, падает в кресло)

Да, я в его руках!

Дон Саллюстий

(указывая на стол с письменными принадлежностями)

Извольте, вот перо. Оставьте детский страх.

(Тихо Рюи Блазу, который все это время стоит неподвижно, как громом пора-

женный)

Не бойся, милый друг. Всегда стою на страже
Я счастья твоего, стараюсь для тебя же.

(Королеве.)

Пишите.

Королева

(трепещет; про себя)

Как мне быть?

Дон Саллюстий

(наклоняясь к ее уху и подавая ей перо)

Ну что для вас корона,
Раз можно счастие найти в замену трона?
Здесь нету никого. Мы тайну соблюдем,
И будем это все знать только мы втроем.

(Пытается вложить в ее пальцы перо; она не отталкивает его, но и не берет.)

Ну что же?

Королева в нерешительности и растерянности смотрит на него с тоской.

Помните, что вас отказ погубит:

Скандал и монастырь!

Королева

(подавлена)

О боже!

Дон Саллюстий

(указывая на Рюи Блаза)

Он вас любит,
И не унизит вас подобная любовь —
Ведь он достоин вас, в нем царственная кровь.
Он гранд Испании и граф, клянусь вам честью!
Есть замки у него и ленные поместья.
Во всей Испании нет никого знатней.

(Тянет к пергаменту руку королевы, растерянной и трепещущей. Она уже готова подписать.)

Рюи Блаз

(словно внезапно проснувшись)

Мне имя Рюи Блаз, и я простой лакей.

(Вырывает из рук королевы перо и разрывает пергамент.)

Вы не подпишете! Теперь вздохну я вольно!

Королева

Что, что он говорит? Дон Цезарь!..

Рюи Блаз

Нет! Довольно!

(Сбрасывает балахон и остается в ливрее, без шпаги.)

Я говорю, что я лакей. Я — Рюи Блаз!

(Оборачиваясь к дону Саллюстию.)

Я говорю, сеньор, что наступает час,
Когда я, наконец, как тягостную ношу,
Мое предательство с души усталой сброшу.
Я счастья не хочу. Напрасно, злобный дух,
Вы шепчете о нем — я замыкаю слух.
Все ваши замыслы меня уж не обманут.
Я узел разорву, хоть крепко он затянут.
Довольно я терпел и, к моему стыду,
Шел с вами по пути, — но дальше не пойду.
Мы делим: у меня лакейская ливрея,
У вас же, мой сеньор, у вас — душа лакея!

Дон Саллюстий

(королеве, холодно)

Да, он действительно лакей мой Рюи Блаз.

(Рюи Блазу, повелительно.)

Ни слова более!

Королева

(вскрикнув от отчаяния и ломая руки)

И бог меня не спас!

Дон Саллюстий

Но... он заговорил, пожалуй, слишком рано.
Ну что же? Месть моя полна и без обмана!

(Выпрямляется, скрестив руки; громовым голосом.)

Ну, что вы скажете о выдумке моей?
Смеяться весь Мадрид заставлю я над ней!

(Королеве.)

А! Свергли вы меня?.. Я трона вас лишаю!
Меня изгнали вы?.. А я вас прогоняю!
Хотели в жены мне служанку дать свою?..
А я в любовники лакея вам даю!

(Хохочет.)

Но можете вы стать его женой, конечно, —
Здоровье короля, увы, недолговечно!
Надеюсь я, что вам придется по душе,

В замену всех дворцов, рай с милым в шалаше.

(Смеется.)

А! Герцогом его вы сделали? Занятно!
Чтоб герцогиней стать самой вам, вероятно?

(Скрежеща зубами.)

Вы уничтожили меня, втоптали в грязь,
Безумная! И спать могли вы, не боясь?

Пока дон Саллюстий говорит, Рюи Блаз идет к двери в глубине и запирает ее на засов, потом медленными шагами незаметно подходит к нему сзади. При последних словах дона Саллюстия, окидывающего униженную королеву взглядом, полным ненависти и торжества, Рюи Блаз хватает шпагу маркиза за эфес и быстро извлекает ее из ножен.

Рюи Блаз

(с грозным видом, вооруженный шпагой дона Саллюстия)

Монархиню свою вы оскорбить посмели?

Дон Саллюстий бросается к двери; Рюи Блаз преграждает ему путь.

О нет! Чтоб уползти, вы не найдете щели.
Не пробуйте: засов задвинул я давно.
Маркиз, сам Сатана с тобой был заодно.
Но если он теперь спасти тебя желает,
Пускай из рук моих тебя он вырывает!
Должны уничтожать мы ядовитых змей.
Ни слуги, ни сам ад с своею силой всей
На помощь не придут. Надежда бесполезна,
И в страхе корчишься ты под пятой железной!

(Королеве.)

Он смел вас оскорбить! О, этот человек!
Чудовище! Вчера он сердце мне рассек!
Меня он унижал, чтоб сделать мне больнее —
Всю душу истерзать насмешкою своею.
Я умолял его... И как он был жесток!
Он с полу приказал поднять его платок!

(Маркизу.)

Пытались вы свои обиды перечислить.
Но что бы ни было — как смели вы помыслить
Свою монархиню — при мне — так оскорбить?
А вы еще умны! И вдруг вообразить,

Что беспрепятственно я это вам дозволю!
Нет! Что бы смертному ни выпало на долю,
Будь герцог иль холоп, — когда пред ним злодей,
Преступной хитростью вооружась своей,
Свершает подлые и страшные деянья,
То вправе он тогда в своем негодованье
Плевком ему в лицо швырнуть свой приговор
И в руки шпагу взять, иль нож, или топор
И преступление карать везде и всюду.
Да! Я лакеем был, но палачом я буду!

Королева

Не убивайте лишь!

Рюи Блаз

Молю меня простить,
Но должен это все я тут же прекратить.

(Вталкивает дона Саллюстия в соседнюю комнатку.)

Идите же читать предсмертную молитву.

Королева

Нет, нет!.. Ты не убьешь!

Дон Саллюстий

Я смело шел на битву,
В сражении с врагом мне был неведом страх!

(Безоружный, яростно озираясь.)

Но так?.. Здесь даже нет оружья на стенах.

(Рюи Блазу.)

Верни хоть шпагу мне!

Рюи Блаз

Маркиз! Какие шутки!
Ужель дворянские забыл ты предрассудки?
Дуэль со мною? С кем? Ведь я же твой лакей,
Наемник твой, один из челяди твоей,
Одетый в красную ливрею с галунами...
Какая же дуэль возможна между нами?
Я, жалкий раб, кого ты вправе гнать и бить,
Я право взял себе одно — тебя убить.
И я убью тебя, как вора, негодяя,
Как бешеного пса!

Королева

О, сжальтесь, умоляю!

Рюи Блаз

(королеве, схватив маркиза)

Нет! Месть! Никто мой меч не сможет отвести,

И ангел демона не в силах уж спасти.

Королева

(на коленях)

Пощады я молю!

Дон Саллюстий

(кричит)

На помощь! Убивают!

Рюи Блаз

(подняв шпагу)

Молчи!

Дон Саллюстий

(бросаясь на него, с криком)

Убийство!

Рюи Блаз

(вталкивая его в соседнюю комнатку)

Нет. Возмездье наступает!

Оба исчезают в комнатке; дверь за ними захлопывается.

Королева

(оставшись одна, падает, почти в обмороке, в кресло)

О небо, помоги!

Короткое молчание. Рюи Блаз возвращается, бледный, без шпаги.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Королева, Рюи Блаз.

Рюи Блаз, шатаясь, делает несколько шагов к королеве, неподвижной и застывшей, затем падает на колени, не смея поднять на нее глаза.

Рюи Блаз

(тихо и проникновенно)

Я все теперь скажу.
Я не приближусь к вам! Я слов не нахожу...
Мне трудно высказать, чтоб все вам стало ясным.
Мое предательство вам кажется ужасным?
Нет, низких замыслов в душе я не таил,
Но победить любовь мне не хватило сил.
Все в этом! Не ищу, не стою состраданья,

Не пробую себе найти я оправданье,
Но как я вас любил! Любил, как божество!
Я не приближусь к вам — не бойтесь ничего.
Я все вам расскажу... Весь день я, как безумный,
Блуждал по улицам бесцельно и бездумно;
Мой ум был помрачен, и мысли все мертвы.
К больнице я пришел, что основали вы.
Я на себе ловил испуганные взгляды.
Не помню, как дошел до каменной ограды;
Я сел на ступенях больничного крыльца,
И кто-то подошел, мне вытер пот с лица.
О, сжальтесь надо мной!

Королева

Чего же вы хотите?

Рюи Блаз

(молитвенно складывая руки)

Чтоб вы простили мне.

Королева

Нет. Никогда!

Рюи Блаз

Простите!

Королева

Я не могу простить.

Рюи Блаз

Вы не простите?

(Встает и медленно подходит к столу.)

Королева

Нет.

Рюи Блаз

Ужели?

Королева

Никогда.

Рюи Блаз

(берет со стола флакон, подносит его к губам и выпивает залпом)

Погасни, жалкий свет!

Королева

(подбегая к нему)

О, что вы сделали?

Рюи Блаз

(ставя флакон на стол)

Окончил все мученья.
Вы проклинаете меня, мне нет прощенья.
А я!.. С любовью я благословляю вас.
Вот только и всего... Конец... Огонь погас.

Королева

(в полной растерянности)

Дон Цезарь, боже мой, что в этой склянке было?
Скажи, о цезарь мой! Я все тебе простила,
И я люблю тебя.

Рюи Блаз

Мне имя — Рюи Блаз.

Королева

(обнимая его)

Да, Рюи Блаз, да, да... Но заклинаю вас —
Ведь это был не яд, скажите?

Рюи Блаз

Яд. Смертельный.
Но в сердце радости я полон беспредельной.

(Держа королеву в объятиях и подняв

глаза к небу.)

О, допусти, господь, во благости твоей,
Чтобы монархиню благословил лакей!

(Королеве.)

Ты сердцу бедному дарила утоленье:
При жизни — свет любви, в час смерти — сожаленье.

Королева

Он отравился! Яд! Ах! Здесь вина моя.
А я люблю его! Когда б простила я?

Рюи Блаз

(слабея)

Я б так же поступил.

(Голос у него становится глуше.)

Королева держит его в своих объятиях.

Жить было невозможно...

(Указывая ей на дверь.)

Все будет тайною: ты выйдешь осторожно.
Прости и помни лишь, что умер я любя...
Прости!

(Падает.)

Королева

(бросаясь к нему)

О Рюи Блаз!

Рюи Блаз

(перед смертью, когда королева произносит его имя, на мгновение приходит в себя)

Благодарю тебя!

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ СПРАВКА

ДРАМАТУРГИЯ ГЮГО

Драматургия В. Гюго — один из важнейших этапов в истории не только французской, но и мировой драматургии. Она знаменует собой окончательное оформление принципов романтической драмы. Обращение Гюго к драматургии связано с демократическим предреволюционным подъемом Франции конца 20-х гг. и переходом Гюго на позиции прогрессивного романтизма. Предисловию к первой драме Гюго, «Кромвель» (1827), было суждено сыграть роль манифеста прогрессивных французских романтиков. Здесь Гюго наносит основной удар классицизму, позиции которого в области драмы были тогда еще очень прочными.

Обосновывая принципы романтической драмы, Гюго в предисловии к «Кромвелю» говорит о трех эпохах в истории человечества — первобытной, античной и новой, — каждой из которых соответствует определенный литературный жанр: первобытной — лирика (Библия — «Ветхий Завет»), античной — эпос («Илиада» и «Одиссея»), новой — драма (Шекспир). При всей субъективности этой историко-литературной концепции

она имела то значение, что Гюго пытался показать развитие жанров исторически. Особенно интересна для уяснения творческого метода Гюго как в области драматургии, так и в целом характеристика третьей, новой эпохи, которую он начинает со средневековья и распространения христианства. Христианство, по словам Гюго, обратило мысль человека на двойственность его природы, содержащей в себе одновременно зверя и бога. Задача поэзии новой эпохи заключается в том, чтобы отразить двойственность человека, показать, как в нем борются два начала — зверь и бог, зло и добро. Наиболее яркое представление об этой борьбе может дать драматический вид искусства, достигающий в новую эпоху высшего расцвета в Шекспире. Характер поэзии новой эпохи — истина: новая поэзия должна отражать правду жизни («Лирика воспевает вечность, эпопея прославляет историю, драма рисует жизнь. Характер первобытной поэзии — наивность, античной — простота, новой — истина»). Все, что есть в жизни и в природе, может быть и в искусстве. Искусство ничем не должно себя ограничивать, по самому своему существу оно должно стремиться к правде. Однако понимание правды искусства у Гюго чрезвычайно своеобразно

(драма — зеркало жизни, но зеркало сосредоточивающее, которое «собирало бы, сгущало бы световые лучи, из отблеска делало свет, из света — пламя»). Художник выявляет крайности, исключительное, ибо только через исключительное мы можем познать сущность добра и зла, бога и зверя, заключенных в человеке. Поэтому Гюго выступает против канонов классицизма, запрещавших соединять в одном произведении трагическое с комическим, прекрасное с безобразным, возвышенное с низменным. Контраст и гротеск становятся первым из эстетических требований Гюго.

Далее Гюго возражает против знаменитых классицистических «трех единств», которые «обрезали крылья у наших великих поэтов», привели к тому, что «на французской сцене видны только локти действия, а руки его скрыты за кулисами». Требуя отбросить единство времени и единство места, Гюго тем не менее предлагает сохранить единство действия, без которого, по его мнению, невозможна композиция драматического произведения. Таким образом, Гюго выступал против тех канонов и правил искусства, которые находятся, в противоречии с истиной и мешают свободному проявлению вдохновения

художника.

Третий принцип, выдвигаемый Гюго, — свобода творчества художника. Гений художника для Гюго стоит на первом месте, его субъективная правда важнее правды объективной, правда заключена в самом вдохновении художника («Поэт должен советоваться только с природой, истиной и своим вдохновением. Вдохновение есть также истина и природа»).

Четвертый принцип романтического искусства формулируется Гюго как требование к художнику соблюдать местный колорит, показывать в противовес классицистам своеобразие той или иной эпохи, той или иной нации.

Наконец, пятый принцип был определен в предисловии к «Кромвелю» как необходимость соблюдать в произведении искусства историческую правду, Гюго считает, что все эти требования уже были осуществлены величайшим поэтом нового времени — Шекспиром, и Шекспир для Гюго — непревзойденный образец драматургического искусства.

Теоретические положения, изложенные в предисловии к «Кромвелю», были реализованы в этой и других драмах Гюго («Марьон Делорм», «Эрнани», «Король забавляется», «Лукреция Бор-

джа», «Мария Тюдор», «Анджело», «Рюи Блаз» и др.). В своих драмах Гюго выводит на сцену новых героев — людей бесправных и отверженных, отщепенцев в деспотическом обществе, наделенных великодушием и благородством. Разбойнику Эрнани, куртизанке Марьон Делорм, простолюдину Дидье, лакею Рюи Блазу оказываются доступны более высокие человеческие чувства, чем аристократам, — Гюго утверждает благородство духа, а не происхождения. Положительных героев Гюго отличает смелость, решительность, целеустремленность, хотя, будучи одиночками, они терпят поражение в неравной борьбе с силами зла. Тем не менее Гюго твердо верит, что смысл жизни в борьбе со злом. Пусть не во всех отдельных случаях, но в конечном счете добро побеждает зло. Развитие человечества в целом — это развитие его духа, его нравственного начала, это история его поступательного движения от зла к добру. Под углом зрения этой благородной, хотя и совершенно идеалистической концепции Гюго пытается осмыслить прошлое человечества. Все драмы Гюго написаны на исторические сюжеты, однако история играет в них вспомогательную роль театрального фона, «местного колорита». Исторический материал нужен Гюго для того,

чтобы показать в прошлом ту же борьбу добра и зла, которая, по его мнению, и в настоящем является основным противоречием, определяющим сложную динамику человеческих отношений. Симпатии писателя на стороне сил добра, его драмам присущ бунтарский пафос в обличении деспотизма и социальной несправедливости.

Так, обличением антигуманного деспотизма прозвучала драма Гюго «Марьон Делорм», написанная в преддверии Июльской революции 1830 г., в июне 1829 г., запрещенная цензурой к постановке и впервые поставленная уже после свержения Бурбонов, 11 августа 1831 г. Действие этой драмы происходит в 1638 г., при короле Людовике XIII, когда во Франции завершалось становление абсолютной монархии, осуществившей национальное объединение страны. В это время Францией фактически управлял выдающийся государственный деятель кардинал Ришелье, имевший неограниченное влияние на короля. Ришелье вел политику всемерного усиления абсолютизма, централизации государственного аппарата, покровительства торговле и промышленности, беспощадно подавлял своеволие дворянства и стремление к политической независимости крупных феодалов. Гюго не стремится к

объективной исторической оценке деятельности Ришелье, его фигура выступает в пьесе лишь как символ деспотической антигуманной власти. Ему противопоставлены жертвы несправедливости и носители идеальных нравственных качеств плебей Дидье и куртизанка Марьон Делорм. Драму отличает стремительность действия, приподнятость языка, исключительность ситуаций и характеров.

В ответ на запрещение «Марьон Делорм» Гюго написал в августе-сентябре 1829 г. драму «Эрнани». На этот раз Гюго ищет материал для обличения монархического государства, подавляющего личность в политической обстановке Испании начала XVI в. Положительный образ разбойника Эрнани противопоставлен образам испанского короля Карла I (впоследствии германского императора Карла V) и вельможи Руй Гомес де Сильва. Из трех претендентов на руку доньи Соль самым благородным оказывается разбойник. Драма вызвала жестокую полемику между сторонниками Гюго и его врагами. Появление пьесы на сцене театра Французской комедии, цитадели классицизма, 25 февраля 1830 г. было воспринято консервативными кругами как дерзкий вызов общественному мнению, а

сторонниками романтизма — как сигнал для «битвы романтиков с классиками». В напряженной атмосфере кануна революции постановка «Эрнани» явилась политической демонстрацией; первое представление драмы сопровождалось шумом в зрительном зале, перепалкой и потасовкой между приверженцами и противниками романтизма.

Работа над следующей драмой — «Король забавляется» — протекала в июне-июле 1832 г. Время написания драмы совпало с республиканским восстанием в Париже 5-6 июня 1832 г., потопленным в крови королем-банкиром Людовиком-Филиппом Орлеанским. Драма, в которой король Франциск I (правил в 1515-1547 гг.) и его двор были представлены в самом непривлекательном свете, явилась прямым откликом на это восстание. Здесь Гюго продолжает обличение монархического произвола и изображает трагическую судьбу его жертв. Пьеса была запрещена правительством после первого же представления, которое состоялось во Французской комедии 22 ноября 1832 г, ибо часть зрителей встретила слова Трибуле, попирающего ногою мешок с трупом, как он думает, Франциска I («Кто хил, тот вырастет! Кто низок, тот воспрянет!»), пением

революционных песен — Марсельезы и Карманьолы. Новая постановка «Король забавляется» была осуществлена во Франции только через 50 лет, 22 ноября 1882 г. (в январе 1857 г., когда Гюго находился в эмиграции, в Париже была поставлена опера итальянского композитора Верди «Риголетто» по мотивам драмы). История и в этой драме Гюго остается, в сущности, условным фоном для морально-политической проблематики, ибо не только характеристика Франциска I, видного представителя абсолютизма, покровителя наук и искусств, но и его окружения (известный поэт Клеман Маро) носит односторонний характер.

Завершает цикл романтических драм Гюго пьеса «Рюи Блаз», написанная в июле-августе 1838 г. для нового театра «Ренессанс». Снова обращаясь к испанской тематике, Гюго в «Рюи Блазе» воспроизводит мрачную атмосферу времени глубочайшего упадка Испании (действие драмы происходит около 1699 г., при последнем короле династии Габсбургов, Карле II). Верно воспроизводя эпоху в целом (алчность правителей, нищета народа), Гюго свободно обращается с историей (так, образ Марии Нейбургской в драме ничего общего не имеет с историческим прототипом —

женой Карла II; и почти все имена — Саллюстий де Басан, Цезарь де Басан, Гуритан, Кампореаль, Санта-Крус, Альба — Гюго почерпнул из исторических источников, однако характеры лиц, фигурирующих под этими именами в драме, являются плодом поэтического вымысла). Главное для Гюго — утверждение силы любви, которая всегда является для него символом подлинной человечности. Социальный аспект драмы «Рюи Блаз» в том, что ее герой не просто человек, отверженный обществом; это — олицетворение духовных возможностей народа. Принципиальный противник романтического метода Э. Золя справедливо оценил эту пьесу как «самую сценическую, самую человечную, самую живую из всех драм Гюго».

М. Толмачев

ЭРНАНИ

Драма «Эрнани» была написана как бы в ответ на запрещение постановки «Марьон Делорм» — в августе-сентябре 1829 г. и поставлена 25 февраля 1830 г. (издана в сценическом варианте в том же году, а в первоначальной авторской редакции — в 1836 г.).

В напряженной атмосфере кануна июльской революции постановка «Эрнани» явилась политической демонстрацией, и это предопределило успех пьесы. В предисловии к «Эрнани» Гюго открыто объявил свой романтизм «либерализмом в литературе», а в самой драме изобразил отверженного обществом человека трагическим героем и соперником короля.

Появление «Эрнани» на сцене театра Французской Комедии, освященного вековой традицией классицизма, было воспринято как дерзкий вызов общественному мнению в литературных вопросах. Оно сыграло важную роль в литературно-театральной борьбе тех лет, вылившись в решительное столкновение двух направлений в искусстве: реакционного в ту пору классицизма и демократического романтизма.

«Эрнани» — историческая драма только по именам некоторых действующих лиц и по историческим событиям, служащим фоном для вымышленного сюжета. По существу же это, как и «Марьон Делорм», произведение политически злободневное, хотя идейно и менее значительное, чем «Марьон Делорм». Обличение монархического произвола здесь ограничивается лишь первыми тремя актами и совершенно исчезает в последних двух; безнравственный и деспотичный король превращается в умного и справедливого императора, и герой примиряется с ним; наконец, снимается даже принадлежность героя к демократическим низам — он оказывается грандом Испании.

Политически компромиссный характер «Эрнани» явился отражением монархических иллюзий Гюго, накануне июльской революции возлагавшего большие надежды на смену династии. Драма обладает и рядом художественных недостатков. Уже Бальзак сурово осудил в ней сюжетные натяжки, неправдоподобие некоторых ситуаций, а также непоследовательность характера главного героя, вся «непримиримость» которого «падает при первом дуновении милости» со стороны короля. Но, по сравнению с условной классиче-

ской трагедией тех лет, драма Гюго была смелой, новаторской и поразила современников своим страстным гуманизмом.

Действие «Эрнани» происходит в Испании начала XVI в., в период, названный Марксом «эпохой образования великих монархий, которые повсюду воздвигались на развалинах враждовавших между собою феодальных классов: аристократии и городов».[54] В пьесе изображен испанский король Карл I (впоследствии, в качестве германского императора, именовавшийся Карлом V), правление которого (1516-1556) ознаменовало собою окончательное торжество испанского абсолютизма. Карл I ликвидировал феодальные вольности, жестоко подавил восстания городов (комунерос), расширил колониальные владения Испании в Старом и Новом свете.

Как сын австрийского эрцгерцога, Карл I после смерти деда своего, германского императора Максимилиана, притязал на императорский престол и добился его в 1519 г. благодаря подкупу князей-избирателей. Став властителем огромной, могущественной и богатой державы, в пределах которой «никогда не заходило солнце», он строил

---

[54] Примечания: 54

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. X, стр. 721.

фантастические проекты всемирной дворянской монархии, истощил казну завоевательными походами, подавлял все освободительные движения в Европе. В силу исторических условий испанский абсолютизм не сделался, как в других европейских странах, центром национального и государственного объединения всей страны. Держава Карла V скоро распалась, и со второй половины XVI в. в Испании начался глубокий экономический и политический кризис, приведший к победе феодально-католической реакции. Тяжело переживая крушение своих планов мирового господства, Карл V в 1556 г. отрекся от престола и умер в монастыре.

В политической обстановке Испании начала XVI в. Гюго искал материала для изображения деспотического гнета государства над личностью.

КОРОЛЬ ЗАБАВЛЯЕТСЯ

Работу над этой драмой Гюго начал весной 1832 г., прервал на несколько месяцев из-за тяжелой болезни сына, возобновил 2 июня и завершил к 23 июля 1832 г. Таким образом, время написания драмы «Король забавляется» совпадает с народным восстанием в Париже 5-6 июня 1832 г.; в своем окончательном виде драма явилась прямым откликом на это восстание. С большим политическим пафосом в ней обличается монархический произвол и показана трагическая судьба его невинных жертв; жалкий шут — символ унижения народа — противопоставлен могущественному и блестящему королю; более того, шут обладает моральной властью над королем, заманивает его в ловушку и мстит ему.

Сцена, в которой Трибуле, попирая ногою мешок, в котором, как он думает, находится труп Франциска I, восклицает:

> *Кто хил, тот вырастет! Кто низок, тот воспрянет!*
>
> *И ненависти, раб, не бойся и не прячь!*
>
> *Расти из кошки — тигр! И из шута*

— палач! —

звучала в обстановке тех месяцев как открытая угроза режиму июльской монархии. Недаром прогрессивная часть зрителей встретила это место пением революционных песен Марсельезы и Карманьолы, а правительство поспешило запретить пьесу после первого же представления (театр Французской Комедии, 22 ноября 1832 г.) Министр Аргу заявил Гюго, что его пьеса «оскорбляет нравы», что в ней содержатся намеки на короля Луи-Филиппа и, наконец, что «монархический принцип пострадает от нападок на одного из самых популярных во Франции королей» (Франциска I).

Ввиду формальной отмены цензуры в 1830 г. запрещение драмы «Король забавляется» было незаконным, и Гюго, по его словам, «не имея возможности непосредственно напасть на правительство», обратился в коммерческий суд с иском к театру Французской Комедии, требуя возмещения материальных потерь от снятия пьесы. Суд не решился пойти против правительства, но процесс Гюго, получивший широкую огласку и подхваченный либеральными газетами, сыграл свою роль в борьбе за свободу печати.

Постановка драмы «Король забавляется» была

осуществлена во Франции только через 50 лет, 22 ноября 1882 г.

В январе 1857 г., когда Гюго был в изгнании, композитор Верди поставил в Париже оперу «Риголетто» по мотивам драмы «Король забавляется».

Действие драмы происходит в первой половине XVI в., в период правления короля Франциска I (1515-1547) — видного представителя нарождавшегося французского абсолютизма. При нем резко снизилось значение старых сословных учреждений, ограничивавших раньше власть короля, крупные феодалы стали терять независимость на местах и превращаться в придворных, интересы церкви были подчинены трону, увеличились налоги; при издании законов король руководствовался только формулой «ибо так нам угодно».

Завоевательные походы Франциска I в богатую Италию способствовали росту торговли и развитию французской буржуазии; при нем начинается расцвет культуры Возрождения. Король покровительствовал искусствам и наукам, основал светский университет Коллеж де Франс и сам занимался поэзией.

Приурочив действие драмы «Король забав-

ляется» к эпохе Франциска I, Гюго получил возможность особенно наглядно показать аморальность придворных нравов и бесчеловечность абсолютизма. В основу образа Франциска I в пьесе положена характеристика, данная ему современниками, которые рисуют этого «короля-дворянина» безрассудно храбрым, любящим наслаждения, легкомысленным эгоистом и честолюбцем. Гюго подчеркивает эти стороны характера короля, рисуя вместе с тем низкопоклонство и аморализм окружающих его вельмож. Вводя в действие ряд исторических фигур, Гюго стремился создать правдивую рамку для основного сюжета пьесы. Но по существу история остается здесь условным фоном для моральной и политической проблематики.